

КНИГА III

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ / ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ПАДЕНИЕ ФРАНЦИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга III



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга III

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ПАДЕНИЕ ФРАНЦИИ



ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга III

Перевод с английского Е. НЕЛЕДИНСКОГО



ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1955

WINSTON S. CHURCHILL
THE FALL OF FRANCE

THE SECOND WORLD WAR
Book III

Translated from the English by EUGENE NELEDINSKY

Copyright, 1955, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

МОРАЛЬ КНИГИ:

В ВОЙНЕ: РЕШИТЕЛЬНОСТЬ

В ПОРАЖЕНИИ: СТОЙКОСТЬ

В ПОБЕДЕ: ВЕЛИКОДУШИЕ

В МИРЕ: ДОБРАЯ ВОЛЯ

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Я должен снова с благодарностью привести имена тех, кто помогал мне в составлении этой книги. Это: генерал-лейтенант сэр Генри Паунел, коммодор Г. Р. Г. Эллен, полковник Ф. В. Дикен, сэр Эдвард Марш, м-р Денис Келли и м-р С. С. Вууд.

Я должен также выразить свою благодарность целому ряду других лиц, которые взяли на себя труд прочесть эти страницы и сообщить свои замечания.

Лорд Исмэй все время не оставлял меня своей помощью, как и другие мои друзья.

Я снова свидетельствую свою признательность Правительству Его Величества за разрешение воспроизвести текст некоторых официальных документов, право печатания которых сохранено за правительственными учреждениями. По требованию Правительства мне пришлось, по соображениям безопасности, несколько изменить редакцию некоторых телеграмм; однако изменения эти несколько не меняют смысла или сущности телеграмм.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение периода времени, охватываемого этим томом, я нёс тяжкое бремя ответственности. Я был премьер-министром, лордом-казначеем, министром обороны и лидером Палаты общин. Через 40 дней после моего вступления в должность премьера мы остались одни в войне против победоносных Германии и Италии, яростно нападавших на нас, при враждебно-нейтральной Советской России, фактически помогавшей Гитлеру, и Японии — угрожающей загадке. Однако британскому Военному Кабинету, бдительно и верно ведущему дела Его Величества, удалось при содействии Парламента и поддержке правительства и народов, входящих в состав Британского Содружества Наций и Империи, разрешить все задачи и одолеть всех наших врагов.

Винстон Спенсер Черчилль

Чартвелл

Вестерхэм

Кент

1 января 1949

ПРИМЕЧАНИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Переиздание дало возможность исправить некоторые ошибки в деталях. Я крайне обязан тем лицам, которые обратили мое внимание на эти ошибки.

Как и при выходе в свет первого тома, я должен выразить мою признательность за благосклонный приём, оказанный книге, и мою сердечную благодарность тем лицам, которые прислали мне свой отзыв о книге.

Чартвелл

10 января 1950

Винстон С. Черчилль

1.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОАЛИЦИЯ

Наконец буря, так медленно надвигавшаяся, так долго сдерживаемая, разразилась над нами со всей яростью. От 4 до 5 миллионов солдат сошлось в первой схватке этой войны, самой беспощадной из всех войн, какие знает история. Фронт во Франции — который мы привыкли держать все тяжелые годы Первой мировой войны и в начальной фазе этой войны — теперь внезапно, в течение всего одной недели, оказался перед неотвратимым прорывом. В течение трех недель прославленная французская армия встала перед перспективой неминуемого разгрома и гибели, а наша единственная британская армия — перед угрозой быть сброшенной в море и потерять все снаряжение. Через шесть недель после начала немецкого наступления мы оказались одни, почти без оружия, лицом к лицу с торжествующими Германией и Италией, готовыми схватить нас за горло. Вся Европа лежит перед Гитлером беззащитная... А с другого конца земного шара угрожающе глядит Япония.

Такова была суровая обстановка и мрачные перспективы в тот момент, когда я вступил в исполнение обязанностей Премьер-министра и министра обороны. Моей первой задачей было составление правительства из членов всех партий, чтобы вести дела Соединенного Королевства как дома, так и за границей, любыми путями и средствами, лучше всего отвечающими национальным интересам.

Ровно пять лет спустя наше положение было несравненно благоприятнее. Италия была завоевана, Муссолини убит. Могучая германская армия сдалась на милость победителей. Гитлер покончил самоубийством. Помимо несметного числа пленных, взятых генералом Эйзенхауэром, почти 3 миллиона германских солдат сдались фельдмаршалу Александру в Италии и фельдмаршалу Монтгомери в Германии. Франция была освобождена, объединена и восстановлена. Рука об руку с нашими союзниками, двумя сильнейшими империями мира, мы ждали близкого конца сопротивления Японии. Контраст действительно поразительный. Наш путь за эти пять лет был долог, тяжел и опасен. Те, кто погибли в пути, отдали свою жизнь не напрасно. Те, кто дошли до цели, всегда будут гордиться тем, что они прошли весь путь с честью.

Приступая к отчету о моем управлении и к рассказу о знаменитом правительстве Национальной коалиции я должен прежде всего дать представление о размере и значении той доли, которую Великобритания и ее Империя (опасность объединила их еще теснее) внесли в борьбу, ставшую в конце концов «общим делом» многих государств и народов. Я делаю это не с тем, чтобы «сводить счеты», соперничать и тягаться с нашим величайшим союзником, США, которым мы безмерно и навсегда обязаны благодарностью. Но это в общих интересах всего англо-саксонского мира, чтобы вызванные войной усилия и жертвы Британии стали общеизвестны и были учтены. Поэтому я составил таблицу (см. стр. 13), охватывающую весь период войны. Она показывает, что вплоть до июля 1944 Британия и ее Империя имели значительно большее число дивизий на фронте (в контакте с неприятелем), чем США. Эта общая цифра включает не только европейский и африканский фронты, но также и войну в Азии против Япо-

нии. До прибытия крупных сил американской армии в Нормандию, осенью 1944, мы всегда были в праве говорить по крайней мере как равный партнер, а большей частью как главный участник на всех театрах военных действий, исключая Тихоокеанский и Австралазию; и это мое утверждение остается в силе для всех случаев, для всех фронтов и для всех месяцев за этот период.

С июля 1944 число американских дивизий на боевых фронтах стало преобладающим и непрерывно росло вплоть до победного конца.

СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА В БОЕВОМ КОНТАКТЕ С ВРАГОМ.
«ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ДИВИЗИИ»

Периоды	Британская Империя			Соед. Штаты Америки		
	Западный театр	Восточн. театр	Всего	Западный театр	Восточн. театр	Всего
1 янв. 1940	5 $\frac{1}{8}$	—	5 $\frac{1}{8}$	—	—	—
1 июля „	6	—	6	—	—	—
1 янв. 1941	10 $\frac{1}{8}$	—	10 $\frac{1}{8}$	—	—	—
1 июля „	13	—	13	—	—	—
1 янв. 1942	7 $\frac{2}{3}$	7	14 $\frac{2}{3}$	—	2 $\frac{2}{3}$	2 $\frac{2}{3}$
1 июля „	10	4 $\frac{2}{3}$	14 $\frac{2}{3}$	—	8 $\frac{1}{3}$	8 $\frac{1}{3}$
1 янв. 1943	10 $\frac{1}{8}$	8 $\frac{2}{3}$	19	5	10	15
1 июля „	16 $\frac{2}{3}$	7 $\frac{2}{3}$	24 $\frac{1}{3}$	10	12 $\frac{1}{3}$	22 $\frac{1}{3}$
1 янв. 1944	11 $\frac{1}{8}$	12 $\frac{1}{3}$	23 $\frac{2}{3}$	6 $\frac{2}{3}$	9 $\frac{1}{3}$	16
1 июля „	22 $\frac{2}{3}$	16	38 $\frac{2}{3}$	25	17	42
1 янв. 1945	30 $\frac{1}{8}$	18 $\frac{2}{3}$	49	55 $\frac{2}{3}$	23 $\frac{1}{3}$	79

Другой сделанный мною подсчет показывает, что общие потери британских войск убитыми были даже выше, чем потери США: британские потери исчисляются в 303,240 человек, плюс потери войск из доминионов, Индии и колоний составляют 109,000, итого 412,240 человек. Сюда не включены 60,500 мирных жителей Англии, убитых во время налетов на Соединенное Королевство, а также потери торгового флота и рыбацкой флотилии, доходящие до 30,000 человек.

Потери же США достигают общей цифры в 332,188 человек.*)

Я привожу эти печальные, но почетные цифры в твердой уверенности, что это братство равных, освященное кровью павших, будет благоговейно соблюдаться и в дальнейшем и послужит связью для всего англо-саксонского мира.

На море США естественно несли на себе всю тяжесть войны в Тихом океане. Благодаря решающим победам у острова Мидвей, у Гвадалканала и в Коралловом море (1942), США захватили в свои руки полную инициативу в океане и смогли приступить к постепенному отвоеванию всех японских захватов и даже перейти к атакам на самоё Японию. Американский флот не мог одновременно нести главное бремя войны в Атлантике и в Средиземном море. Здесь снова я должен привести факты. Из 781 германской и 85 итальянских подводных лодок, уничтоженных в европейских морях, в Атлантике и в Индийском океане, 594 приходится на долю британских морских и воздушных сил, которые также уничтожили или захватили все германские линейные корабли, крейсера и истребители.

Вот таблица потопленных подлодок:

Кем потоплены	Германских	Итальянских	Японских	Всего
Британскими силами	525	69	9½	603½
С. Ш. А.	174	5	110½	289½
Остальными	82	11	10	103
В с е г о	781	85	130	996

В воздушную войну США включились сейчас же после Перл Харбор, причем особенно успешны были дневные полеты их «летающих крепостей». Уда-

*) Эйзенхауэр, «Крестовый поход в Европе», стр. 1.

ры американской авиации были направлены как против Японии, так и против Германии (с территории Англии). Однако, когда мы встретились в Каабланке в январе 1943, еще ни один американский самолет не сбрасывал бомб на Германию в дневном налете. Очень скоро огромные усилия Америки дали желанные результаты; но все же вплоть до конца 1943 соотношение общего веса бомб, сброшенных на Германию британской и американской авиацией, выразилось в цифрах 8:1 и только весной 1944 преимущество перешло к США. Таким образом, как на суше, так и на море, Великобритания с самого начала была все время впереди и только в 1944 ее достижения были превзойдены грандиозными усилиями США.

Надо напомнить, что наше вооружение с начала ленд-лиза, то есть с января 1941, было увеличено на одну пятую благодаря великодушию США. С теми материалами и оружием, которые они дали нам, мы могли вести войну так, как если бы нас было 58 миллионов, вместо наших фактических 48. В морском строительстве чудесная идея стандартных судов типа «Либерти» дала возможность бесперебойного снабжения нас через Атлантический океан. С другой стороны нельзя забывать и наших потерь в тоннаже, как и потерь наших союзников, причиненных нашими врагами. Вот главные цифры:

Потери Британского флота	11,357,000 тонн	54%
С. Ш. А.	3,334,000 тонн	16%
Остальных наций (не под вражеским контролем)	6,503,000 тонн	30%
Всего	21,194,000 тонн	100

Из этой цифры 80% падает на Атлантический океан, включая прибрежные воды Британии и Северное море. Только 5% падает на Тихий океан.

Это приводится не с целью предъявления каких-либо претензий, но лишь с тем, чтобы установить несомненные факты и цифры. Ибо только так можно оценить по достоинству энергию народа маленького острова, проявленную им в этом кризисе мировой истории, где на него пала самая главная тяжесть.



Составить кабинет, в особенности коалиционный кабинет, в разгар войны вероятно легче, чем в мирное время. Чувство долга господствует над всем остальным и личные претензии отступают на задний план. Когда в главных вопросах была установлена договоренность между лидерами партий, закрепленная формально их организациями, то все те, кого я вызывал к себе, чтобы дать задание, вели себя, как солдаты на войне, которые идут на указанные им места без единого вопроса. Как только распределение мест между партиями официально определилось, то, по моему впечатлению, ни у кого из тех многих, кто прошли перед моими глазами, не оставалось личных интересов и соображений; «я» как бы совершенно исчезло. Если у некоторых было заметно колебание, то причиной были соображения общественного характера. Этот высокий уровень морали особенно был замечен у тех консервативных и либеральных министров, которые должны были покинуть свои места, прервать свою карьеру и уйти из общественной жизни, во многих случаях навсегда.

Консерваторы имели абсолютное большинство в Парламенте, на 120 с лишним голосов больше, чем все другие партии вместе взятые. Чемберлэн был их избранным лидером. Я не мог не сознавать, что замена его мною была для многих из них крайне неприятной после того, как я в течение многих лет критиковал его, подчас очень строго. Помимо того,

для большинства из них было ясно, что вся моя деятельность была полна трений или открытой борьбы с консерваторами, что я покинул их и позднее вернулся к ним, как канцлер казначейства (министр финансов). Далее, что я был их главным оппонентом в вопросе об Индии, в иностранной политике и в вопросе подготовки к войне. Им было очень трудно принять меня, как премьер-министра. Многие почтенные люди были подавлены. Более того: лояльность к избранному лидеру партии является главной характерной чертой консерваторов. Если в предвоенные годы они в некоторых вопросах оказывались не на высоте по отношению к нации (им не хватало чувства долга), то это проистекло из их лояльности к избранному главе. Но все эти соображения не причиняли мне ни малейшего беспокойства. Я знал, что все они были сметены канонадой войны.

В первую очередь я предложил Чемберлену — и он это принял — пост лидера в Палате общин, также как и в Палате лордов. Пока еще ничего не было объявлено, Эттли заявил мне, что Рабочей партии будет трудно работать при такой комбинации. При коалиции лидер Палаты должен быть приемлем для всех. Я сообщил это Чемберлену и с его полного согласия я взял этот пост на себя и занимал его до февраля 1942. В течение этого времени Эттли был моим заместителем и выполнял ежедневную работу. Его богатый опыт, как лидера оппозиции, был очень ценен. Я вмешивался только в самых серьезных случаях, которые были, однако, не редки. Многие консерваторы чувствовали, что лидер их партии был в пренебрежении. Все были восхищены его личным поведением. При его первом появлении в Палате в его новой должности (13 мая) вся его партия — значительное большинство Палаты — встала с мест и приветствовала его бурными проявлениями симпатии и уважения. Раньше меня приветствовали главным образом

члены Рабочей партии. Но лояльность и поддержка Чемберлена были вне всяких сомнений и я чувствовал себя уверенно.

В Палате чувствовалось значительное давление со стороны Рабочей партии и со стороны тех способных и энергичных людей, которые не были включены в новое правительство благодаря чистке «виновников Мюнхена» и лиц, ответственных за нашу неготовность к войне. Среди этих лиц наиболее заметными фигурами были лорд Галифакс, лорд Саймон и сэр Самуэль Хор. Но в такое время нельзя было отстранять способных, опытных людей с ответственных постов. Если бы дать волю строгим критикам, то по крайней мере треть консервативных министров должна была бы уйти в отставку. А так как Чемберлен был лидером консервативной партии, то было ясно, что эта строгость привела бы к крушению национального единства. Сверх того я отлично сознавал, что не вся вина лежит на одной стороне. Официально ответственность несет лишь правительство. Но моральная ответственность распространяется гораздо шире. Передо мной был длинный перечень цитат из речей и результатов голосований, уличающий не только либералов, но и членов Рабочей партии в том, что они были сбиты с толку событиями. Никто не имел большего права, чем я, предать все прошлое забвению. Поэтому я противился этим разрушительным тенденциям. «Если настоящее, — сказал я несколько позже, — пытается судить прошлое, то оно теряет будущее». Этот довод и страшная тяжесть переживаемого момента подавили усилия мнимых ревнителей чистоты.

**
*

Утром 11 мая я послал Чемберлену записку: «Никто не меняет квартиры на один месяц». Этим

устранялись мелкие недоразумения в течение кризиса. Я продолжал жить в здании Адмиралтейства и устроил себе в нижнем этаже временную штаб-квартиру. Я сообщил Чемберлену о моем разговоре с Эттли и о ходе формирования нового правительства. «Я надеюсь представить королю полный состав Военного Кабинета и министров армии, флота и авиации уже сегодня вечером. Спешка вызвана ходом битвы... Так как нам с вами необходимо работать в тесном контакте, то я надеюсь, вы не сочтете неудобным снова знять вашу старую квартиру, так хорошо нам обоим знакомую в доме № 11*). Я добавил:

«Я думаю, что нет необходимости собирать сегодня кабинет, так как на фронте всё идёт согласно выработанному плану. Тем не менее я был бы очень рад, если бы вы и Эдуард (лорд Галифакс) зашли ко мне в Адмиралтейство в 12.30. Там мы могли бы взглянуть на карты и переговорить.

Передовые части британской и французской армий уже достигли линии Антверпен-Намюр и можно надеяться, что эта линия будет прочно занята союзными армиями раньше, чем последует наступление. Это может быть достигнуто за 48 часов и я полагаю, что это очень важно. До сих пор немцы еще не овладели каналом Альберта, бельгийская армия держится хорошо. Голландцы также оказывают упорное сопротивление».

Мои переживания этих дней были странны. Все мысли были сосредоточены на идущей битве; мы жили ею, но сделать для нее ничего не могли. Все мое время было занято формированием правительства, разговорами с разными лицами и улаживанием претензий партий. Теперь я уже не могу припомнить, как было распределено мое время. Число министров в то время доходило до 60 или 70 и распределение их между тремя партиями являлось сущей голово-

*) Дом на Даунинг-стрит, где обычно живет канцлер казначейства (министр финансов).

ломкой, так как требования партий были часто несовместимы. Мне приходилось иметь дело не только с главными кандидатами, но с целыми толпами способных людей, между которыми надо было распределять должности и ответственные задания.

При составлении коалиционного правительства премьер-министр должен считаться с лидерами партий, с их мнениями о кандидатах на пост, предоставленный данной партией. Этим принципом я главным образом и руководился. Если кто-то, кто заслуживал лучшего места, не получал его по совету лидеров его партии или даже вопреки их совету, то я мог только выразить сожаление. В общем, однако, затруднительных случаев было не так много.

В Клементе Эттли я нашел коллегу, опытного, как в военном деле, так и в парламентской практике. Мы расходились только в вопросе социализма, но это расхождение тонуло в злобах дня: война требовала почти полного подчинения индивидуума государству. Мы сотрудничали в полном согласии и при взаимном доверии в течение всего периода существования этого правительства. Артур Гринвуд был умным советником, обладал большим мужеством и был хорошим, верным другом.

Сэр Арчибальд Синклэр, как официальный лидер Либеральной партии, отказался возглавить министерство авиации, так как его партия считала, что его место было в Военном Кабинете. Но Военный Кабинет не хотел расширять своего состава (он придерживался принципа Малого Военного Кабинета). Поэтому я предложил, чтобы Синклэр приглашался в Военный Кабинет в тех случаях, когда затрагивались основные политические вопросы или интересы партий Великобритании. Синклэр был моим другом и моим заместителем, когда я командовал 6-м полком шотландских фузильеров. Он всегда стремился к широкой сфере деятельности, которую я ему и предо-

ставил. В конце концов, это дело было дружески улажено.

С Эрнестом Бевинем я познакомился в начале войны, когда мы старались смягчить суровые требования, которые Адмиралтейство предъявляло тральщикам. Перед тем, как принять ответственный пост министра труда, Бевин должен был посоветоваться с Союзом транспортных рабочих, секретарем которого он состоял. Это длилось два или три дня, но дело стоило того. Союз — крупнейший во всей Британии — единогласно подтвердил вхождение Бевина в кабинет и стойко поддерживал правительство все пять лет до нашей победы.

Наибольшие затруднения были с лордом Бивербруком. Я считал, что он может оказать очень ценные услуги. Я решил, на основании опыта предыдущей войны, изъять конструирование и постройку самолетов из министерства авиации и я имел ввиду для Бивербрука пост министра авиационного строительства. Сначала он как будто не проявлял особого желания взять это на себя, да и министр авиации конечно был против выделения этого отдела из его ведомства. Были и другие возражения против назначения Бивербрука. Однако я ясно ощущал, что наше будущее зависит от развития авиации; я нуждался в Бивербруке, в его чутье, в его неутомимой энергии, и настоял на своем.

**

Из уважения к преобладающему мнению Парламента и печати пришлось составить небольшой Военный Кабинет. Я начал с пяти членов, из которых только у одного — министра иностранных дел — был департамент. Остальные были деятелями ведущей партии. Для гладкого хода дел было необходимо, чтобы канцлер казначейства (министр финансов) и

лидер либеральной партии присутствовали постоянно, а с течением времени число «непременных членов» возрастало. Но вся ответственность лежала на пяти министрах Военного Кабинета. Они были единственными, кому пришлось бы сложить свою голову на Тауер Хилл в случае нашего поражения. Другие могли пострадать в административном порядке, но не за ведение государственной политики. Помимо членов Военного Кабинета каждый мог сказать: «Я не ответствен за то-то и то-то». Бремя политики было вознесено на высшую ступень. Это избавило многих людей от забот и мучений в те тяжелые дни, которые вскоре наступили.

Ниже я привожу последовательность, в какой правительство Национальной коалиции создавалось день за днем в течение великой битвы.

ВОЕННЫЙ КАБИНЕТ

11 мая 1940

Премьер-министр, 1-й лорд казначейства, министр обороны, лидер Палаты общин	}	Винстон Черчилль	консерват.
Лорд президент Совета		Невилль Чемберлэн	„
Лорд хранитель малой печати		Клемент Эттли	рабочей
Государст. секретарь иностранных дел		лорд Галифакс	консерв.
Министр без портфеля		Артур Гринвуд	рабочей

МИНИСТРЫ, РАВНЫЕ ПО РАНГУ ЧЛЕНАМ КАБИНЕТА:

Первый лорд Адмиралтейства (морской министр)	А. В. Александер	рабочей
Гос. секр. военных дел	Антони Иден	консерв.
„ „ авиации	Сэр Арчибальд Синклэр	либерал.

ОСТАЛЬНЫЕ МИНИСТРЫ

12 мая:

Лорд-канцлер	лорд Джон Саймон	нац. либерал.
Канцлер казначейства (министр финансов)	сэр Кинсли Вууд	консерват.
Министр внутренних дел и безопасности	сэр Джон Андерсон	беспартийный
Госуд. секр. колоний	лорд Ллойд	консерват.
Министр торговли	сэр Эндрю Дункан	беспартийный
„ снабжения	Герберт Моррисон	рабочей
„ информации	А. Даф Купер	консерват.

13 мая:

Гос. секр. Индии и Бирмы	Л. С. Эмери	консерват.
Министр здравоохранения	Малкольм Макдональд	нац. рабоч. п.
„ труда и общ. работ	Эрнест Бевин	рабочей
„ питания	лорд Вултон	беспартийный

14 мая:

Гос. секретарь доминионов и лидер Палаты лордов	Виконт Калдкот	консерват.
Гос. секретарь Шотландии	Эрнест Браун	нац.-либерал.
Министр авиа-строительства	лорд Бивербрук	консерват.
Министр просвещения	Гервалд Рамсботэм	„
Министр земледения	Роберт Хадсон	„
Министр транспорта	сэр Джон Рэйт	беспартийный
Министр торгового флота	Рональд Кросс	консерват.
Министр экономической войны	Хьюг Далтон	рабоч.
Канцлер герцогства Ланкастер	лорд Хэнки	беспартийный

15 мая:

Министр пенсий	сэр В. Вомерсли	консерват.
Министр почты и теле- графа	В. Моррисон	„
Главный казначей	лорд Крэнборн	„
Генеральный прокурор	сэр Доналд Сомер- вэлл	„
Генеральный прокурор Шотландии	Т. М. Купер	„
Генеральный солиситор*)	сэр Вильям Джоувит	рабоч.
Генеральный солиситор Шотландии	Дж. С. Рейд	консерват.

**

В течение моей долгой политической деятельности я занимал поочередно большую часть высоких государственных должностей, но признаюсь что пост, который теперь выпал мне на долю, был мне больше всего по душе. Власть ради проявления ее над окружающими или для придания себе помпы, пышности — по справедливости достойна порицания. Но власть в момент национального кризиса, когда человек уверен в себе, когда он знает, какие приказы надо отдавать — такая власть это Божье благословение. В любой сфере деятельности роль номера первого — командующего — совершенно исключительна; она не может быть сравниваема с ролью номера второго, третьего и т. д. — исполнителей. Обязанности и задача всех остальных — кроме номера первого — совсем другого рода и во многих случаях они труднее. Это всегда несчастье, когда номер второй или третий должны составлять план или делать политику. Они должны учитывать не только достоинства своего плана, но и характер своего шефа — № 1; им приходится отгадывать не только что ему посоветовать, но также и то, что

*) Высший чиновник министерства юстиции, защищающий интересы государства в судебных процессах.

он сам посоветовал бы на их месте; не только, что делать, но и как получить согласие шефа, как добиться исполнения совета. Далее: номер второй или третий должны считаться еще с номерами 4, 5, 6, а может быть и совершенно неизвестным двадцатым. Желание славы никому не чуждо. Всегда есть несколько точек зрения, из которых каждая может быть правильной и есть много вполне допустимых. Я потерпел неудачу в 1915 в Дарданеллах и эта исключительной важности операция сорвалась потому, что я пытался провести ее в жизнь, сам находясь в подчиненном положении. Никогда не следует пускаться в такие авантюры. Этот урок глубоко запал мне в память.

Положение номера первого гораздо проще. Признанный руководитель должен знать твердо лишь одно: лучшее решение в каждом вопросе — по его мнению, по крайней мере. Он со всех сторон встречает внимание и помощь. Если он спотыкается, его поддерживают. Если он делает ошибки, то это скрывается. Если он спит, то его нельзя беспокоить. Если он не годится, то его надо просто убрать. Но эта крайняя мера применяется редко и во всяком случае не сразу же после его назначения.

**
*

Коренные перемены в управлении военной машиной были гораздо реальнее, чем казалось. «Конституция, — сказал Наполеон, — должна быть краткой и непонятной». Все существующие учреждения работали попрежнему. Ни один из официальных руководителей не был смещен. Военный Кабинет и Комитет начальников штабов вначале попрежнему собирались ежедневно. Приняв на себя, с одобрения короля, звание министра обороны, я не произвел никаких правовых или конституционных изменений. Я старался не определять точно свои права и обязанности. Я

не испрашивал специальных полномочий ни от короля, ни от парламента. Однако само собой разумелось, что мне было поручено общее ведение войны при поддержке и содействии Военного Кабинета и Палаты общин. Основная перемена в моем положении состояла в том, что на меня, как на министра обороны с неопределенной властью, был возложен надзор и руководство Комитетом начальников штабов. Так как я был в тоже время и премьер-министром, то я обладал всеми правами этого последнего, включая весьма широкие полномочия в смысле отбора и удаления всех профессиональных и политических деятелей. Таким образом между Комитетом начальников штабов и главой исполнительной власти был впервые установлен тесный контакт в ежедневной работе и полный совместный контроль над ведением войны и над вооруженными силами страны.

Роль Первого лорда Адмиралтейства*) и министров военного и авиации были существенно умалены на деле, хотя и не формально. Они не являлись членами Военного Кабинета и они не присутствовали на заседаниях Комитета начальников штабов. Они по-прежнему были целиком ответственны за свои отделы; но как-то быстро и почти незаметно перестали быть ответственными за составление стратегических планов и за выполнение текущих операций. Эти функции перешли к Комитету начальников штабов, работающему под непосредственным руководством министра обороны и премьер-министра, иначе говоря, — в ведение Военного Кабинета.

Три военных министра (армия, флот, авиация) — мои верные и надежные друзья, которых я сам выбрал на эти посты — не причиняли мне забот. Их работа по организации и укреплению наших вооруженных сил шла гладко и они помогали мне как толь-

*) Морской министр Великобритании.

ко могли, просто и искренне. Они были в курсе всего происходящего, так как входили в Комитет Оборона и были в постоянном контакте со мной. Они обсуждали все вопросы со своими непосредственными подчиненными, начальниками штабов, и те относились к ним с крайним почтением. Но сами они лояльно подчинялись требованиям интегрального ведения войны. Не было случая, чтобы их приказы были отмены или изменены и каждый в этом кругу мог свободно высказывать свое мнение; но фактическое управление войной скоро было сосредоточено в руках очень немногих лиц и то, что раньше казалось таким сложным, на деле оказалось гораздо более простым (исключая, конечно, Гитлера). Несмотря на водоворот событий и целый ряд катастроф, которые нам пришлось перенести, наша военная машина работала почти автоматически и каждый из нас жил как бы в непрерывном потоке последовательных мыслей, претворявшихся с огромной быстротой в ряд последовательных действий.

**
*

Хотя читатель вероятно с нетерпением ждет описания страшной битвы, разыгравшейся в то время на побережье Ламанша, я все же хотел бы прежде описать ту систему, тот аппарат для ведения военных и государственных дел, который я сконструировал в первые же дни после моего назначения. Я являюсь убежденным сторонником делопроизводства в письменной форме. Без сомнения, многое из того, что тогда было сделано наспех, под давлением событий, теперь кажется сильно преувеличенным или просто неверным. Всегда лучше (кроме, конечно, военной службы, подчиненной иерархической дисциплине) излагать свои мнения и пожелания, чем отдавать приказы. Мои письменные директивы, как исходившие непосред-

ственно от законного главы Правительства и министра обороны, имели такое значение, что, хотя формально они и не являлись приказами, но очень часто приводили к желаемому результату.

Чтобы предотвратить возможные недоразумения и злоупотребления моим именем я послал в критические дни июля следующую инструкцию:

«Премьер-министр нач. Генштаба, генералу Исмэю и сэру Эдуарду Бриджесу.

19. 7. 40

Прошу принять к сведению, что все указания, исходящие от меня, будут делаться в письменной форме, или должны быть немедленно подтверждены в письменной форме. Я не принимаю на себя ответственности в делах, касающихся национальной обороны, за якобы данные мною распоряжения, если они не подтверждены письменно».

Просыпаясь около 8 часов утра, я прочитывал все телеграммы и, лежа в постели, диктовал целый поток писем и директив в департаменты и в Комитет начальников штабов. Все это немедленно печаталось и передавалось генералу Исмэю — 2-му секретарю Военного Кабинета и моему представителю в Комитете начальников штабов, который приходил ко мне каждое утро. Таким образом ему приходилось порядочно писать, подготавливая работу для Комитета начальников штабов, которые собирались к 10.30 утра. Они высказывали свои соображения по поводу моих взглядов при обсуждении общей ситуации. Если между нами не возникало серьезных разногласий, требующих дальнейшего исследования вопроса, то обычно между 3 и 5 часами дня уже была готова кипа приказов и телеграмм, посылаемых мною или начальниками штабов с нашего общего согласия. Большей частью мы успевали дать ответы на все вопросы, требовавшие немедленного разрешения.

В тотальной войне совершенно невозможно провести точно демаркационную линию между военными

и невоенными проблемами. Если при нашей общей работе не возникало никаких трений и недоразумений между военными начальниками и Военным Кабинетом, то это является прежде всего личной заслугой Эдуарда Бриджеса, секретаря Военного Кабинета (сына поэта-лаурета). Он был не только надежным и неутомимым работником, но и человеком исключительных способностей и огромного личного шарма, при том без всякой зависти и ревности. Самым важным для него было, чтобы его секретариат обслуживал премьер-министра и Военный Кабинет как можно лучше, и он вкладывал в это дело все свои силы. У него абсолютно не было личных амбиций и между военными и штатскими служащими секретариата никогда не было никаких недоразумений.

Для разрешения важных вопросов или при наличии разногласий я назначал заседание Комитета обороны при Военном Кабинете, в который вначале входили Чемберлэн, Эттли, министры: военный, морской и авиации и начальники штабов. После 1941 г. такие собрания созывались все реже и реже. Так как военная машина начала работать более гладко, то я пришел к заключению, что ежедневные собрания Военного Кабинета с начальниками штабов уже не представляются необходимыми. Тогда я учредил так называемые «понеделничные смотры кабинета». Каждый понедельник было многолюдное собрание: весь Военный Кабинет, министры армии, флота и авиации, министр внутренней безопасности, министр финансов, госуд. секретари Доминионов и Индии, министр информации, начальники штабов и министр иностранных дел. На этих собраниях начальники штабов по очереди представляли отчёты о происшедшем за истекшие семь дней. Министр иностранных дел вслед делал доклад об иностранных делах.

В остальные дни Военный Кабинет собирался один и здесь разбирались все дела, требовавшие спешного

решения. Другие министры, предварительно ознакомленные с вопросами, стоящими на повестке, являлись для рассмотрения своих особых проблем. Члены Военного Кабинета имели полную возможность знакомиться со всеми документами, касающимися войны, и со всеми важными телеграммами, приходившими на мое имя. По мере того, как взаимное доверие росло, Военный Кабинет все меньше вмешивался в военные операции, хотя все члены его внимательно следили за ними и прекрасно в них разбирались. Они сняли с моих плеч главную тяжесть забот о внутренних и партийных делах и этим предоставили мне возможность целиком сосредоточиться на главной теме — войне. Я заблаговременно советовался с ними о всех важных будущих операциях, но уделяя большое внимание значению операций и последствиям их, мои сотрудники никогда не интересовались деталями и датами и даже оставали меня, когда я собирался посвятить их в это.

Я никогда не пытался обратить управление министерства обороны в департамент. Это требовало бы специального закона, формальностей и волокиты. Однако у нас был готов и действовал под личным руководством премьер-министра военный отдел секретариата Военного Кабинета, который перед войной был секретариатом Комитета Имперской Обороны. Во главе этого отдела стоял генерал Исмэй с полковниками Холис и Джекоб, в качестве его помощников, и группа специально отобранных молодых офицеров всех трех отделов — армии, флота и авиации. Этот секретариат превратился в штаб при министре обороны. Я бесконечно обязан этим людям. Генерал Исмэй, полковник Холис и полковник Джекоб повышались в чинах и в своей репутации по мере того, как война разгоралась, но ни один из них не был заменен. Перемещения в сфере столь интим-

ной, столь связанной с военными тайнами, крайне вредны для дела.

Почти такое же постоянство состава установилось, после первоначальных перемен, также и в Комитете начальников штабов. Маршал авиации Ньюуол, отслужив свой срок в качестве начальника штаба Воздушного флота, в сентябре 1940 был назначен генерал-губернатором Новой Зеландии и его заместил маршал авиации Портл, общепризнанная «звезда» воздушного флота. Портл оставался при мне в течение всей войны. Генерал Джон Дилл, который заместил генерала Айронсайда в мае 1940, оставался начальником Имперского Генерального Штаба до декабря 1941, когда он сопутствовал мне в моей поездке в Вашингтон. Я его оставил там в качестве моего личного военного представителя при президенте США и главы миссии нашего Объединенного Штаба. Его отношения с генералом Маршаллом, начальником Штаба армии США, оказались неоценимым связующим звеном во всех наших делах и, когда он умер на своем посту два года спустя, он удостоился исключительной чести быть похороненным в Вашингтоне, на Арлингтонском кладбище, предназначенном исключительно для американских воинов. Ему наследовал в качестве начальника Имперского Генерального Штаба сэр Ален Брук, который оставался со мной до конца.

С 1941 года, то есть почти за четыре года — первая половина которых была полна неудач и разочарований — был лишь один случай перемены в личном составе этой небольшой группы нашего штаба, вызванный смертью адмирала Паунд. Это поистине является рекордом в британской военной истории. Подобное постоянство состава было достигнуто у президента Ф. Рузвельта в его личном кругу. Начальники штабов США — генерал Маршалл, адмирал Кинг и генерал Арнольд, впоследствии замененный адмиралом Лехи, — вместе начали войну на сво-

их постах и до конца не были заменены. Так как англичане и американцы вскоре сформировали Объединенный Комитет начальников штабов, то это постоянство состава представляло неоценимую выгоду для общего дела. Ничего подобного никогда еще не бывало между союзниками.

Я не могу сказать, чтобы мы никогда не расходились друг с другом во мнениях, даже дома, в Англии; но между мною и начальниками британских штабов установилось как бы безмолвное соглашение: что мы должны скорее убеждать, склонять друг друга, чем подавлять большинством. Это было тем легче, что мы все говорили одним и тем же техническим языком и обладали одним и тем же военным образованием и опытом. На этой изменчивой арене событий мы все действовали заодно, а Военный Кабинет сделал нас еще более сплоченными и поддерживал нас с неизменным постоянством. Здесь не было разделения, как в предыдущей войне, на «политиков» и «солдат», различия между «фраками» и «шлемами» — одиозные клички, тормозившие работу. Мы все близко сошлись друг с другом и образовалось содружество, которое, я уверен, мы все глубоко ценили.

Успешность ведения войны зависит главным образом от того, насколько решения, исходящие от верховной власти, исполняются точно, добросовестно и своевременно. Мы достигли этого в Великобритании в момент величайшего кризиса благодаря преданности, сосредоточенности и решимости, с какими Военный Кабинет стремился к главной цели, которой мы себя посвятили. Корабли, войска, аэропланы двигались, колеса заводов и фабрик вращались в точности, согласно полученным директивам. Благодаря этому достижению, а также благодаря доверию, корректности и преданности моих сотрудников я вскоре оказался в состоянии давать общее направление почти в каж-

дом аспекте войны. Это было существенно необходимо, так как положение было действительно очень тяжелым: каждый из нас ощущал дыхание смерти и гибель вокруг себя. Дело шло не только о личной смерти, от которой никто не уходит; на карту было поставлено нечто несравненно более значительное: существование Великобритании, ее судьба, ее слава.

**
*

Мой рассказ о методах управления, выработанных Национальной коалицией, был бы неполным без упоминания о серии личных посланий, отправленных мною президенту США, главам иностранных государств и доминионов Британского Содружества Наций. Эта корреспонденция заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Получив от Кабинета какое-либо решение политического характера, я составлял и диктовал эти послания сам, так как это была большей частью неофициальная, интимная корреспонденция с друзьями и сотрудниками. Собственные мысли лучше всего передаются собственными же словами автора. Лишь в редких случаях я предварительно прочитывал мой текст в заседании Кабинета. Ознакомившись с мнением членов кабинета, я мог свободнее и увереннее действовать в данном вопросе. Я работал в тесном контакте с министром иностранных дел и его департаментом и наши разногласия мы улаживали сообща. Иногда я рассылал текст моих посланий — уже после отправки их — главным членам Военного Кабинета и, поскольку это их касалось, министрам доминионов. Перед отправкой я, конечно, проверял официально мои утверждения и факты, а мои военные сообщения почти всегда проходили через руки генерала Исмэя и начальников штабов. Эта корреспонденция никогда не шла вразрез с официальными сообщениями или с работой послов. Однако факти-

чески она приобретала все большее значение и временами играла в общем ведении войны даже большую роль, чем мои официальные действия в качестве министра обороны.

Узкий кружок избранных, которые с полной свободой высказывали здесь свои мнения, обычно выражал одобрение моим предложениям и оказывал мне все большее доверие. Так например, разногласия с американскими властями, непреодолимые в низшей инстанции, бывали улажены часто в несколько часов благодаря прямому контакту руководящих лиц. Действительно, с течением времени преимущества такого способа решения вопросов стали настолько очевидны, что я старался не загружать этой переписки обычными департаментскими делами. Я вынужден был неоднократно отказывать моим коллегам в просьбах о непосредственном обращении к президенту США по поводу тех или иных военных подробностей. Внесение таких вопросов в личную корреспонденцию очень скоро исказило бы частный характер этой переписки и лишило бы её специфической ценности.

Мои отношения с президентом постепенно стали настолько близкими, что главные вопросы, касающиеся обеих стран, фактически обсуждались и предпринимались в этой личной переписке между нами. Будучи главой государства и одновременно главой правительства, Рузвельт говорил и действовал в любой сфере с полным авторитетом; и я, опираясь на Военный Кабинет, почти в такой же степени представлял Великобританию. Таким образом получалось почти полное соответствие и к тому же огромная экономия времени и предельное ограничение посвященных в тайны лиц, что было в особенности неопределимо. Я посылал свои каблогаммы американскому посольству в Лондоне, которое имело специальное оборудование для прямой связи с Белым Домом в Вашингтоне. Материал, отправляемый мною в посоль-

ство поздно вечером, передавался президенту (благодаря разнице во времени) еще до того, как он шел спать и очень часто ответ от него приходил уже утром к моему пробуждению. Всего я отправил ему 950 посланий и получил от него 800 в ответ. Я ценил в нем очень крупного человека, который умел быть и сердечным другом и готов был защищать до конца то дело, которому мы оба служили.

Так как Военный Кабинет поддержал мою идею получить от американского правительства партию истребителей, то 15 мая я отправил президенту Рузвельту мое первое послание с тех пор, как я стал премьер-министром. Вот его текст:

«Хотя я переменял мою должность, однако я уверен, что вы не захотите прекратить нашу частную интимную переписку. Как вам, без сомнения, известно, общая картина быстро омрачилась. Неприятель имеет явное превосходство в воздухе и его новая техника производит глубокое впечатление на французов. Я лично думаю, что война на суше еще только начинается, и интересно знать, как она разовьется. До сих пор Гитлер оперирует главным образом танковыми соединениями и авиацией. Малые государства просто раздавлены, одно за другим, как спичечные коробки. Надо ожидать — хотя это еще не наверно — что Муссолини поспешит принять участие в разгроме цивилизации. Мы ожидаем, что мы сами будем атакованы как с воздуха, так и на земле — парашютистами, и готовимся к этому. Если окажется необходимым, мы будем продолжать войну одни, и мы не боимся этого.

Но я полагаю, что вы учитываете, г-н президент, что голос и силы США могут потерять всякое значение, если они будут сдерживаться слишком долго. Вы можете в поразительно короткий срок очутиться перед совершенно покоренной «нацифицированной» Европой и тяжесть этого состояния может оказаться свыше наших сил.

Все, что я прошу теперь, это чтобы вы объявили себя не участвующими в войне, что будет значить, что вы будете помогать нам всем, кроме введения в дело вооруженных сил. Прежде всего, нам крайне нужны займы 40-50 ваших старых миноносцев-истребителей, чтобы мы могли продержаться, пока не будут готовы наши новые, заложен-

ные в начале войны. Через год у нас их будет достаточно. Но если до этого времени Италия выступит против нас со своими 100 подводными лодками, то наше положение станет критическим. Во-вторых, нам нужны несколько сот аэропланов новейшего типа и выпуска. Они могли бы быть возмещены теми, что строятся сейчас в США для нас. В-третьих, оборудование и боеприпасы для противовоздушной обороны, которых, опять-таки, у нас самих будет достаточно через год, если мы доживем до этого времени. В-четвертых, тот факт, что наши запасы руды подвергаются риску при перевозке из Швеции, Северной Африки, и может быть, из северной Испании, заставляет нас покупать сталь в США. Это касается также и других материалов. Мы будем платить вам долларами так долго, как мы сможем, но я почти уверен, что когда мы не сможем больше платить, вы все-таки будете слать нам необходимые материалы. В-пятых, у нас есть сведения о возможных десантах германских парашютистов в Ирландии. Прилет американских эскадрилий в ирландские порты, особенно на долгий срок, был бы для нас неоцененной помощью. В-шестых, я надеюсь, что вы примете меры, чтобы японцы вели себя спокойно в Тихом Океане, используя Сингапур как Вам будет удобно. Более подробный материал, имеющийся у нас под рукой, будут доставлен вам отдельно.

С наилучшими пожеланиями и уважением.

18 мая получен был ответ. Президент приветствовал продолжение нашей частной переписки и ответил на мои специальные просьбы. Предоставление взаимы 40 или 50 старых истребителей, по его словам, потребовало бы санкции Конгресса, и момент был неблагоприятен. Он постарается облегчить как только возможно для союзных правительств получение новейших типов американских аэропланов, оборудования для противовоздушной обороны, вооружения и стали. Во всех этих делах заявления нашего агента, в высшей степени компетентного и преданного м-ра Первис*), будут всегда приниматься в соображение. Президент примет к сведению мое предложение о посылке воздушной эскадрильи США в

*) Ныне погибшего в воздушной катастрофе.

порты Ирландии. По поводу Японии он только указал на сосредоточение американского флота в Перл Харбор.

В понедельник, 13 мая, я испросил у Палаты общин, собранной на экстренное заседание, вотум доверия новой администрации. Сообщив о замещении должностей в разных отделах управления, я сказал: «Я могу предложить только свою кровь, труд, слезы и пот».

За всю долгую историю Англии ни один премьер-министр не мог предложить Парламенту и нации программы столь краткой и в то же время столь популярной. Я закончил следующими словами:

«Вы спросите, в чем наша политика? Я скажу: в том, чтобы вести войну на суше, на море и в воздухе, всеми нашими средствами и всеми силами, какие Господь даст нам. Вести войну против чудовищной тирании, обратившейся в черный поток грязных преступлений. В этом наша политика.

Вы спросите: в чем наша цель? Я отвечу одним словом — победа! Победа любой ценой, победа, несмотря на весь террор. Победа, как бы ни был долог и труден путь к ней. Ибо без победы нам нет спасения. Запомните это твердо: нет спасения для Британской Империи; нет спасения для всего того, за что стояла Империя; нет спасения для того извечного жизненного импульса, который движет человечество вперед к намеченной цели.

Но я берусь за мою задачу с верой и надеждой. Я совершенно уверен, что наше дело не погибнет. В этот момент я призываю всех к сотрудничеству. Сожмем ряды, объединим наши усилия и все вперед!»

После этого простого призыва Палата проголосовала единогласно и закрылась до 21 мая.

**
*

Итак мы приступили к нашей общей задаче. Никогда еще британский премьер-министр не получал от своих коллег по кабинету такой лояльной и ис-

кренней помощи, какую получал я в течение следующих пяти лет от этих людей, принадлежавших ко всем партиям. Парламент сохранял свободный и творческий критицизм, оказывая постоянную всемерную поддержку всем предложениям Правительства. Правительство и вся нация были сплочены и едины, как никогда раньше. В этом было наше спасение, так как последующие события обрушились на нас с такой страшной силой, которой никто не мог предвидеть.

2.

БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ

**Первая неделя. Гамелэн.
10-16 мая 1940.**

Вечером 10 мая, когда я принял на себя ответственность, от меня и от моих коллег в новой, еще не сформировавшейся администрации не требовалось решения по вопросу об отражении германского вторжения в Нидерланды. Мы были уверены, что французский и британский штабы сговорились на плане «Д» генерала Гамелэна и что план этот уже с рассвета этого дня приводится в исполнение. И действительно, к утру 11 мая вся обширная операция была уже в полном ходу. На приморском фланге 7-я французская армия генерала Жиро уже начала свое рискованное движение в Голландию. В центре британские броневые разъемы 12-го уланского полка достигли реки Диль, а к югу от нашего фронта вся первая армейская группа генерала Биллота спешно продвигалась к Маасу. По мнению союзных военачальников, план «Д» — в случае его успеха — сэкономит от 12 до 15 дивизий благодаря сокращению фронта против Германии; затем была бельгийская армия из 22 дивизий и голландская армия из 10 дивизий, без которых наши общие силы на Западе были численно слабее германских. Поэтому я не имел ни малейшего желания вмешиваться в военные планы и с надеждой ожидал надвигающегося столкновения.

Однако теперь когда мы смотрим на эту диспозицию и вспоминаем знаменательное письмо начальников штабов британской армии от 18 сентября 1939*), то многое нам становится ясным. В этом письме утверждалось, что если бы бельгийцы действительно держали фронт на Маасе и на канале Альберта, то движение англичан и французов им на помощь было бы ошибкой: им следовало бы стоять твердо на французской границе или, самое большее, слегка выдвинуть вперед свой левый фланг на линию Шельды. После сентябрьских дней 1939 было условлено проводить план «Д» генерала Гамелэна. Однако за это время не случилось ничего, что могло бы ослабить первоначальную точку зрения британских начальников штабов, наоборот, произошло многое, что подкрепляло её. Германская армия росла в силе и зрелости с каждым месяцем и теперь она обладала гораздо более сильным вооружением. Французская армия, подточенная советским коммунизмом и ослабленная долгим бездействием на фронте, фактически была разложена. Бельгийское правительство рискнуло жизнью и свободой своей страны, сделав ставку на уважение Гитлера к международному праву и нейтралитету Бельгии; поэтому оно даже не координировало планы своих военачальников с планами союзников. Противотанковые заграждения и оборонительные линии, которые должны были быть возведены на линии Намюр-Лувен, были не достаточны и не закончены. Бельгийская армия, в основе состоявшая из храбрых, энергичных людей, не могла взять себя в руки и подтянуться из опасения нарушить нейтралитет. Бельгийский фронт был в сущности прорван в нескольких местах уже первой волной германских атак, еще раньше, чем генерал Гамелэн дал сигнал к выполнению его давно подготовленного плана. Самое большее, на что можно было надеяться, был успех в той самой

*) См. книгу I.

«встречной битве», которой французское Верховное Командование решило всячески избегать.

В начале войны, 8 месяцев тому назад, главные силы германской армии и ее авиация были брошены на завоевание Польши. Вдоль всего западного фронта, от Аахена до Швейцарской границы, стояли 42 германские дивизии без оружия. Против них Франция после своей мобилизации могла развернуть семьдесят своих дивизий. В силу уже изложенных причин тогда считалось невозможным напасть на Германию. 10 мая 1940 ситуация была уже совершенно иной. Неприятель, использовав восьмимесячную отсрочку и разгром Польши, успел сформировать, вооружить и обучить 155 дивизий, из них 10 танковых. Пакт со Сталиным дал Гитлеру возможность уменьшить германские силы на восточной границе до минимума.

По словам генерала Гальдера, начальника германского Главного Штаба, против России были оставлены «только слабые заслоны, едва достаточные для взимания таможенных пошлин». Не предчувствуя собственной судьбы, советские правители наблюдали за ликвидацией этого «второго фронта» на западе, к восстановлению которого они вскоре стали отчаянно призывать и которого они так долго в агонии ожидали.

Таким образом Гитлер оказался в состоянии бросить на Францию 126 дивизий и всю страшную силу своих танковых дивизий, то есть около 3000 бронированных машин, в том числе по крайней мере тысячу тяжелых танков. Эти огромные силы были развернуты от Северного моря до Швейцарии в следующем порядке:

Армейская группа «Б», состоящая из 28 дивизий под командой генерала фон-Бока, выстроилась от Северного моря до Аахена; она должна была пройти Голландию и Бельгию и затем двинуться во Францию, составляя правое крыло германской армии.

Армейская группа «А» из 44 дивизий под командой генерала фон-Рундштедта, составляющая главные силы, занимала фронт от Аахена до Мозеля.

Армейская группа «С» из 17 дивизий под командой генерала фон-Лееба, занимала линию Рейна от Мозеля до Швейцарской границы.

Резерв германской армии состоял приблизительно из 47 дивизий, из которых 20 были в ближайшем резерве позади армейских групп, а 27 в общем резерве.

Против этого боевого порядка, точная сила и расположение которого были нам, конечно, неизвестны, стояла французская первая армейская группа под командой генерала Биллота, состоявшая из 51 дивизии (из которых 9 держались в резерве Главной Квартиры), включавшая в себя 9 британских дивизий, и занимавшая фронт от линии Мажино (близ Лонгви) до бельгийской границы и вдоль этой границы до моря у Дюнкерка. Вторая и третья армейские группы под командой генералов Претелá и Бессона, состоявшие вместе с резервами из 43 дивизий, охраняли французскую границу от Лонгви до Швейцарии. Кроме того, 9 дивизий занимали линию Мажино; итого 103 дивизии. Если бы Бельгия и Голландия приняли участие в войне, то прибавилось бы еще 22 бельгийских дивизий и 10 голландских. Так как обе эти страны подверглись внезапному нападению, то общее число союзных дивизий разного рода, номинально бывших на лицо 10 мая, равнялось 135, то есть ровно столько же, сколько было у немцев, как мы теперь знаем. При условии надлежащей организации и снабжения, хорошей подготовки и руководства, эти силы, на основании опыта предыдущей войны, имели все шансы остановить наступление немцев.

Однако, немцы могли свободно выбрать момент, направление и силу удара. Больше половины французской армии стояло на южной и восточной границе

Франции, а группе генерала Биллота, состоящей из 51 дивизии — французских и британских, с бельгийцами и голландцами, предстояло встретить натиск свыше 70 дивизий Бока и Рундштедта на участке между Лонгви и морем. Комбинация почти неуязвимого танка с пикирующими самолетами Штука, так блестяще показавшая себя в малом масштабе в войне с Польшей, теперь снова должна была сыграть роль тарана в главной атаке, и группа из пяти танковых и трех моторизованных дивизий под начальством генерала фон-Клейста была направлена через Арденны на Седан и Монтермэ.

Для такой новейшей формы войны Франция располагала 2.300 танков, большей частью легких. Ее бронечастии имели несколько мощных современных танков, но большая часть тяжелого оружия была распылена между соединениями легких танков, предназначенных для совместной работы с пехотой. Шесть танковых дивизий, которые одни только годились для встречного боя с ударным кулаком германских танков, были раскиданы по всему фронту и не могли быть собраны для совместных операций. Великобритания, родоначальница танка, как раз заканчивала формирование и обучение своей первой танковой дивизии (328 танков), которая находилась еще в Англии.

Воздушные силы Германии, сосредоточенные теперь на Западе, далеко превосходили французскую авиацию в численности и в качестве. Британские воздушные силы во Франции состояли из 4-х эскадрилий («Ураганы»), выделенных из воздушных сил внутренней обороны Англии; далее из 8 эскадрилий «Бэтлс», шести эскадрилий «Бленхэйм» и пяти «Лайзандер». Ни французская, ни английская авиация не имела пикирующих бомбардировщиков, которые прославились в польской войне и должны были сыграть

важную роль в деморализации французской пехоты, в особенности цветных войск.

В ночь с 9 на 10 мая после общей воздушной атаки на аэродромы, пути сообщения, главные квартиры и склады французов и их союзников, все германские дивизии Бока и Рундштедта ринулись к Франции через территории Бельгии, Голландии и Люксембурга. Почти всюду это неожиданное нападение имело полный тактический успех. Из темноты внезапно появлялись бесчисленные ряды хорошо вооруженных, горящих рвением ударных войск, часто с легкой артиллерией; и еще задолго до рассвета 150 миль фронтовой линии было в огне. Голландцы и бельгийцы, атакованные без малейшего предложения или предупреждения, громко зывали о помощи. Голландцы полагались на свою водную оборону: все шлюзы, незахваченные немцами, были открыты и голландская пограничная стража открыла стрельбу против немцев. Бельгийцы успели разрушить мосты через Маас, но германцы захватили целыми два моста через канал Альберта.

Согласно плану «Д» первая армейская группа генерала Биллота с небольшой, но прекрасной британской армией должна была после перехода немцами границы двигаться к востоку в Бельгию. Ее целью было предупредить немцев и занять линию Маас-Лувен-Антверпен. Впереди этой линии, вдоль Мааса и канала Альберта находились главные силы бельгийцев. Если бы им удалось сдержать первый натиск немцев, то армейские группы поддержали бы их. Но казалось более вероятным, что бельгийцы будут сразу отброшены к позициям союзников. И действительно так и случилось. Предполагалось, что в этом случае сопротивление бельгийцев даст короткую передышку, в течение которой французы и англичане смогут укрепиться на новых позициях. Это и было исполнено, за исключением фронта

9-й французской армии. На крайнем левом прибрежном фланге 7-я французская армия должна была захватить острова, доминирующие над устьем Шельды и по возможности помочь голландцам продвинуться по направлению к Бреде. Предполагалось, что на нашем южном фланге Арденны представляют собою непроходимый барьер, а к югу от них начинались уже укрепления линии Мажино, которые тянутся до Рейна и потом вдоль Рейна до Швейцарии. Поэтому, казалось, все будет зависеть от контрудара северных армий союзников на их левом фланге. Это в свою очередь зависело от того, как скоро будет занята Бельгия. Все было разработано в плане до мельчайших деталей и по данному сигналу армия союзников, численностью свыше миллиона, должна была броситься на немцев. 10 мая в 5.30 утра лорд Горт получил от генерала Жоржа приказ: «Сигнал 1, 2 и 3» — то есть: «готовьтесь к немедленному движению в Бельгию!» В 6.45 утра генерал Гамелэн приказал выполнять план «Д» и давно приготовленная схема французского главного командования, которой англичане сами подчинились, вошла в действие.

**
*

Когда г-н Колийн в качестве премьер-министра Голландии посетил меня в 1937, он объяснил мне чудесное действие системы затопления Голландии. По получении известия о вторжении неприятеля он мог простым нажатием кнопки на своем столе создать перед неприятелем непреодолимое водное пространство. Но все это оказалось чепухой. В современных условиях великая держава неизмеримо сильнее малого государства. Немцы пробились во всех пунктах, перебрасывая мосты через каналы и захватывая контроль над водой в свои руки.

В течение одного лишь дня вся внешняя линия обороны Голландии была захвачена немцами. В то же самое время германская авиация начала расправляться с незащищенной страной. Роттердам был обращен в пылающие развалины. Гааге, Утрехту и Амстердаму угрожала та же судьба. Надежда голландцев, что эти города будут обойдены немцами, как в прошлой войне, оказалась тщетной.

И однако, когда удар последовал, голландская нация воспрянула и мгновенно с непоколебимым мужеством сплотилась для борьбы. Королева Вильгельмина, ее семья и члены правительства были перевезены англичанами в Англию и оттуда продолжали воодушевлять свой народ и управлять своими обширными заморскими владениями. Военный флот Голландии, как и ее огромный коммерческий флот, были безоговорочно взяты под контроль Великобритании и играли крупную роль в делах союзников.

Судьба Бельгии требует более тщательного исследования. Сотни тысяч могил британских и французских солдат, павших на полях Бельгии, напоминают об упорной борьбе в прошлой войне. Политика Бельгии в период между двумя войнами недостаточно учитывала прошлое. Бельгийские политики с беспокойством смотрели на растущую внутреннюю слабость Франции и на колеблющийся пацифизм Великобритании. Они избрали строгий нейтралитет. В годы, предшествовавшие второму вторжению, их отношение к двум враждебным лагерям, собиравшим силы друг против друга, было — по крайней мере официально — совершенно нейтральным. Это вполне понятно, если принять во внимание страшные проблемы, стоявшие перед маленьким государством; однако французское главное командование за последние годы говорило о позиции, занятой бельгийским правительством, не иначе, как с

большой горечью. Единственный шанс защитить свои границы от Германии был в тесном союзе с Францией и Великобританией. Канал Альберта и другие водные фронты можно было с успехом защищать и если бы британская, французская и бельгийская армии после объявления войны заняли во время бельгийские границы, то с этих позиций можно было бы подготовить и начать очень сильное наступление на Германию. Но бельгийское правительство считало, что безопасность Бельгии гарантирована ее строгим нейтралитетом и вся надежда была на честность Германии и ее уважение к договорам.

Даже после того, как Англия и Франция вступили в войну, было невозможно убедить бельгийцев вернуться к прежнему союзу. Они заявили, что они будут защищать свой нейтралитет до конца, выставили 9/10 своих сил на границе с Германией и в то же время строго запретили англо-французской армии вступать на территорию Бельгии и делать там приготовления к обороне или к превентивному контрудару. Сооружение новых окопов и противотанковых рвов вдоль франко-бельгийской границы, произведенное британской армией и 1-й французской армией зимой 1939, были единственными мерами, доступными для нас. Это все еще большой вопрос — не следовало ли пересмотреть весь план «Д» с этой точки зрения и не лучше ли было бы принять бой на французской границе, а бельгийской армии ударить в тыл немцам, чем предпринимать рискованную и поспешную вылазку на Диль или на канал Альберта.

**

Чтобы понять решения, принимавшиеся в этот период, надо учесть тот громадный авторитет, которым пользовались тогда военные вожди Франции. Каждый французский офицер непоколебимо верил,

что Франции принадлежит неоспоримое первенство в военном искусстве. Франция вынесла на себе главную тяжесть страшной сухопутной войны 1914 — 1918 гг. Она потеряла убитыми 1.400.000 человек. Верховным главнокомандующим был маршал Фош и крупные армии Британской Империи, от 60 до 70 дивизий, были предоставлены — как и американцы — в его безусловное распоряжение. Теперь британская экспедиционная армия, численностью всего лишь от 300 до 400.000 человек, разбросанных от баз в Гавре и вдоль побережья вплоть до передовых линий, казалась очень скромной рядом с французской армией, насчитывавшей почти 100 дивизий, то есть свыше 2-х миллионов человек, фактически державших длинную линию фронта от Бельгии до Швейцарии. Вполне естественно, что мы должны были встать под их команду и принимать их решения. Предполагалось, что генерал Жорж примет верховное командование французской и британской действующими армиями в момент объявления войны, а генерал Гамелэн займет место советника во французском Военном Совете. Однако генерал Гамелэн не склонен был уступить свое место, как генералиссимус. Верховное командование осталось за ним. Досадный конфликт из-за власти возник между ним и генералом Жоржем во время 8-месячного затишья. По моему мнению, генерал Жорж никогда не имел возможности составить полный стратегический план и принять на себя всю ответственность.

Британский Генеральный Штаб и наш штаб действующей армии долго были обеспокоены брешью между северным краем линии Мажино и началом британского укрепленного фронта вдоль франко-бельгийской границы. Военный министр Великобритании, Хор-Белиша, несколько раз поднимал этот вопрос на заседаниях нашего Военного Кабинета. Представления были сделаны по военной ли-

нии. Однако Кабинет и наши военные вожди естественно затруднялись критиковать союзника, обладавшего армией в 10 раз большей, чем наша собственная. Французы считали, что Арденны непроходимы для большой современной армии. Маршал Петэн в военной комиссии Сената произнес фразу: «Этот сектор не опасен». Главные работы по укреплению границ велись вдоль Мааса, но и там не было ни бункеров, ни антитанковых препятствий, подобных тем, какие англичане возвели на бельгийском секторе. Помимо того 9-я французская армия генерала Корапа была укомплектована большей частью войсками 2-й категории, значительно ниже среднего уровня. Из ее 9 дивизий только 2 были из состава постоянной регулярной армии. Таким образом от Седана до Хирсона, на Уазе, на фронте, длиною в 50 миль, не было постоянных укреплений и стояли только две дивизии регулярных войск.

Нельзя быть повсюду сильными. Часто приходится, и даже необходимо, занимать большие участки фронта лишь сторожевым охранением: но это делается с целью накопления резервов для контратаки, когда у неприятеля обнаружены слабые пункты. Разбросать 43 дивизии, то есть половину действующей армии на линии от Лонгви до Швейцарской границы, защищенной на всем ее протяжении либо фортами линии Мажино, либо широким и быстрым Рейном с целой системой крепостей вдоль него — это было расточительной диспозицией. Она была более выгодной для атакующей стороны (вероятно, и без того более сильной), чем для обороняющейся. Очень длинные фронты должны иметь сильные подвижные резервы, которые могут быть быстро введены в дело в решающей битве. К тому же французские резервы были недостаточны и, кроме того, плохо распределены. И, наконец, незащищенный сектор позади Арденн открывал прямую дорогу из

Германии в Париж, служившую на протяжении многих столетий историческим плацдармом для решающих битв. Как только неприятель проникал сюда, всякое наступление северных французских армий лишалось опоры и все их пути сообщения оказывались под угрозой равно, как и сам Париж.

Вспоминая прошлое, надо признать, что Военный Кабинет Чемберлена — в котором я состоял и за действия и ошибки которого я несу свою долю ответственности — не должен был воздерживаться от обсуждения этого вопроса с французами осенью и зимой 39 года. Правда, это был бы весьма неприятный и трудный разговор, так как французы в любой момент могли спросить: «почему же вы сами не посылаете на фронт ваших войск в достаточном количестве? Не угодно ли взять на себя больший участок фронта? Если резервов не достаточно — пожалуйста, пополните их. Мы мобилизовали уже пять миллионов.*) Мы разделяем ваши мысли о войне на море; мы считаемся с планами британского Адмиралтейства. Пожалуйста, проявите надлежащее доверие к французской армии и к нашему историческому мастерству в сухопутной войне».

И тем не менее мы должны были высказать наше мнение французам.

У Гитлера и его генералов не было ни малейшего сомнения по поводу военных соображений и общих приготовлений их противников. В течение всей осени и зимы Германия спешно производила танки на заводах, которые строились на полный ход уже в 1938, во время кризиса, разрешившегося Мюнхеном, и дали обильные плоды за 8 месяцев, истекших с начала войны. Гитлера и его генералов вовсе не

*) Из «мобилизованных» во Франции пяти миллионов большое число было направлено не в армию, а на фабрики и на сельскохозяйственные работы.

смущали трудности перехода через Арденны. Наоборот, они верили, что современный моторизованный транспорт и широко поставленное дорожное строительство обратят эту область, до сих пор считавшуюся непроходимой, в кратчайший, вернейший и наиболее легкий путь проникновения во Францию, который приведет весь французский план контратаки к полному крушению. Сообразно с этим германское Верховное Командование (Оберкомандо-Вермахт) рассчитывало мощным вторжением через Арденны оторвать загнутое левое крыло северных союзных армий от его плеча. Это движение — хотя и более грандиозное по масштабу и весьма отличное по скорости и по вооружению — напоминает маневр Наполеона в битве под Аустерлицем, когда австро-русское обходное движение было отрезано, а центр был прорван.

**

По данному сигналу союзные Северные армии бросились на спасение Бельгии и устремились вперед по всем дорогам, бурно приветствуемые жителями. Первая фаза плана «Д» была завершена 12 мая. Французы заняли левый берег Мааса до Юи, но отряды их, переправившиеся через Маас, вынуждены были отойти назад под напором неприятеля. Бронетанковые дивизии первой французской армии достигли линии Юи-Анню-Тирлемон. Бельгийцы, оставив канал Альберта, отступили на линию реки Жетт и заняли предписанные им позиции от Антверпена до Лувена. Они еще удерживали Льеж и Намюр. 7-я французская армия заняла острова Вальхерен и Южный Бевеланд и вела бои с механизированными частями 18-й германской армии на линии Херентальс — Берген-оп-Зоом. Продвижение 7-й французской армии было столь быстрым, что она

уже израсходовала свои боеприпасы. Превосходство британской авиации в качестве — хотя не в количестве — стало уже очевидным. Таким образом до ночи 12 мая не было оснований считать развитие операций неудачным.

Однако 13 мая Штаб лорда Горта получил сведения о сильном натиске немцев на фронте 9-й французской армии. К вечеру неприятель закрепился на западном берегу Мааса в Динане и Седане. Главная квартира французской армии до сих пор еще не была уверена в том, куда направлен главный удар немцев: через Люксембург на левый фланг линии Мажино или через Маастрихт на Брюссель? На всем протяжении фронта: Лувен — Намюр — Динан — Седан шла упорная битва, но в условиях, не предвиденных генералом Гамелэном, так как у Динана 9-я французская армия не успела занять своих позиций до прихода неприятеля.

**

14 мая начали приходиться плохие известия. Сперва все было неясно. В 7 час. вечера я прочел кабинету сообщение, полученное от П. Рейно,*) о том, что немцы прорвали фронт у Седана, что французы не смогли устоять против комбинации танков и пикирующих самолетов и они просят еще 10 эскадрилий истребителей, чтобы восстановить положение. Другие донесения, полученные начальниками штабов, содержали подобные же известия и добавляли, что генералы Гамелэн и Жорж оба считают положение серьезным и что генерал Гамелэн поражен быстротой продвижения неприятеля. Действительно, группа генерала Клейста, хорошо снабженная бронетанковыми частями, совершенно разметала или уничто-

*) Поль Рейно — французский премьер-министр.

жила французские войска на их собственных позициях и теперь она свободно может продвигаться вперед с небывалой скоростью. Почти во всех пунктах, где неприятельские армии сталкивались, сила и ярость германских атак была непреодолимой. Немцы перешли Маас в районе Динана в составе двух танковых дивизий. Дальше к северу, на фронте 1-й французской армии, шли самые жестокие бои. 1-й и 2-й британские корпуса еще держат свои позиции между Вавром и Лувеном, где 3-я дивизия под командой генерала Монтгомери вела упорные бои. Дальше к северу бельгийцы отступили на оборону Антверпена. На приморском фланге 7-я французская армия отступила еще быстрее, чем она сюда подходила.

С начала германского наступления мы начали проводить операцию «Королевской морской пехоты» — пуск речных мин в Рейн*) и в течение первой недели войны мы спустили на воду и пустили по течению около 1700 мин. Успех проявился немедленно. Практически, все движение по Рейну от Карлсруэ до Майнца было остановлено и целый ряд немецких речных сооружений был разрушен или поврежден. Однако этот частичный успех потонул в общем нашем разгроме.

Все британские воздушные эскадрильи работали без передышки; главные их усилия были направлены на разрушение германских понтонных мостов в районе Седана. В отчаянно-смелых атаках многие из мостов были полностью разрушены, другие только повреждены. В низких полетах над мостами наша авиация несла тяжелые потери от огня германских зенитных батарей. В некоторых случаях из соеди-

*) Эта операция была запланирована в ноябре 1939. Производилась она на французской территории. Мины должны были плыть вниз по Рейну и уничтожать неприятельские суда и мосты.

нения в 6 самолетов возвращался только один. В этот день мы потеряли 67 самолетов, тогда как немцы потеряли на этом же участке только 53. В эту ночь на территории Франции оставалось лишь 206 годных английских самолетов из бывших — 474.

Подробная информация только постепенно поступала в наши руки. Но было уже ясно, что продолжение борьбы в таких масштабах вскоре поглотит целиком все силы британской военной авиации, несмотря на ее индивидуальное превосходство. Уже в этот момент перед нами встал суровый вопрос: сколько еще летчиков мы можем послать из Англии без риска остаться самим беззащитными и таким образом потерять возможность продолжать борьбу? Наши собственные естественные побуждения и веские военные доводы подкрепляли настойчивые, непрестанные требования Франции. Но с другой стороны был предел, перейти который значило бы поставить под угрозу собственное существование.

В то время все эти вопросы обсуждались в Лондоне всем составом Военного Кабинета, который собирался по несколько раз в день. Начальник воздушных сил маршал Даунинг, возглавлявший военное командование Лондона, заявил мне, что с 25 эскадрильями истребителей он сможет отстоять Великобританию против всей мощи германской авиации, но с меньшими силами он будет побежден. Это наше поражение повлечет за собой не только уничтожение всех наших аэродромов и воздушных сил, но и наших авиационных заводов, от которых зависит все наше будущее. Мои коллеги и я решили идти для выигрыша битвы на всякий риск вплоть до этого предела, но не переходить его ни в коем случае — будь что будет.

15 мая в 7½ ч. утра я был разбужен известием, что Рейно ждет меня у телефона. Он говорил по-

английски и видимо был крайне угнетен. «Мы побеждены» — сказал он. Так как я не ответил немедленно, то он повторил: «Мы разбиты, мы проиграли битву». Я возразил: «Но это не могло произойти так скоро?» Он отвечал: «Фронт прорван у Седана; они стремятся в прорыв огромными массами, с танками и бронемашинами».

На это я сказал: «Опыт показывает, что их наступление скоро закончится. Я вспоминаю 21 марта 1918. После пяти или шести дней они вынуждены будут остановиться для подвоза снабжения и это даст возможность контратаки. Я слышал это из уст самого маршала Фоша». Конечно, мы это уже видели много раз в прошлом и это же должно случиться и теперь. Однако, французский премьер снова повторил те же слова: «Мы побеждены, мы проиграли битву». Я ответил, что готов приехать для разговоров.

В этот день 9-я французская армия Корапа была в состоянии полного разложения; ее остатки были разделены между генералом Жиро, командующим 7-й армией, который перенял от Корапа части, находящиеся на севере, и штабом 6-й армии, которая формировалась на юге. В оборонной линии Франции была пробита брешь около 50 миль длиною, через которую густой массой вливались танки противника. К вечеру 15 мая германские бронемашины появились уже в Лиарте и Монкорне — в 60 милях за линией первоначального фронта. Фронт 1-й французской армии также был прорван к югу от Лималь. Далее к северу атаки на англичан были отбиты. Отступление соседней французской дивизии обнажило фланг англичан и заставило их создать фланговую оборону, обращенную к югу. 7-я французская армия отступала в Антверпен и была выбита с островов Вальхерен и Южный Бевеланд.

В этот же день закончилась также борьба в Голландии. Так как капитуляция Верховного Командования Голландии последовала уже в 11 ч. утра, то лишь очень малая часть голландских войск могла быть эвакуирована.

Без сомнения эта картина давала полное впечатление поражения. Я видел достаточно таких сцен в прошлой войне и факт прорыва фронта, сам по себе, не вызывал в моем представлении тех ужасных последствий, какие из этого вытекали. Не имея в течение многих лет доступа к официальной информации, я не мог оценить той революции в военном деле, которая произошла после предыдущей войны благодаря введению тяжелого оружия, движущегося с большой скоростью. Я знал о нем, но это не изменило моих привычных убеждений, как следовало бы. Во всяком случае я ничего не мог поделать. Я вызвал по телефону генерала Жоржа; он казался совершенно спокойным и сказал мне, что прорыв у Седана уже ликвидируется. Телеграмма от генерала Гамелэна тоже говорила, что, хотя положение между Намюром и Седаном серьезное, однако он смотрит на общую ситуацию спокойно. В 11 ч. утра я сообщил Военному Кабинету о телефоне Рейно и все остальное.

16 мая германский клин достиг линии: Ла Капель — Вервен — Марль — Лан —, а авангарды германского XIV корпуса подходили к Монкорнэ и Нефшатель-сюр-Эн. Падение Лана подтвердило глубокое вклинение неприятеля — на 60 слишком миль от границы у Седана. По этой причине, а также вследствие все усиливающегося напора на остальном фронте, 1-я французская армия и британские экспедиционные силы получили приказ отойти в три перехода к Шельде. Хотя все эти детали были еще неизвестны даже военному министерству и нельзя было составить себе ясной картины о всем проис-

шедшем, однако серьезность положения была вполне очевидна. Я почувствовал, что нужно немедленно ехать в Париж.

**
*

Надо было ожидать, что бедственные события на фронте создадут нам новых врагов. Хотя еще и не было признаков изменений в политике Италии, однако морской министр дал инструкции к постепенному выводу британских судов из Средиземного моря. Суда, везшие в Англию австралийские войска, были из Адена направлены в обход Африки. Комитет обороны получил инструкции на случай войны с Италией, в частности в отношении Крита. Было приступлено к составлению плана эвакуации гражданского населения из Адена и Гибралтара.

**
*

В 3 ч. дня я уже летел в Париж на «Фламинго», пассажирском аэроплане правительства, в сопровождении генерала Дилла (помощника начальника Генерального Штаба) и генерала Исмэя.

Это был отличный самолет, очень комфортабельный, делавший 160 миль в час. Так как он не был вооружен, то был приготовлен эскорт, но мы нырнули в дождевые тучи и через час с небольшим уже спустились в Ле-Бурже. Тут сразу стало ясно, что общее положение было несравненно хуже, чем мы себе представляли. Офицеры, встретившие нас, сказали генералу Исмэю, что немцев ждут в Париж самое большее через несколько дней. После доклада в британском посольстве я поехал на Кэ д'Орсэ (Министерство иностранных дел). Там были Рейно, Даладье, военный министр и генерал Гамелэн. Все стояли; мы так и не садились за круглый стол. На

всех лицах было крайне подавленное выражение. Перед Гамелэном на мольберте висела огромная карта, на которой чернилами был показан фронт союзников. У Седана была небольшая, но зловещая впадина.

Главнокомандующий кратко изложил события. Немцы прорвались на севере и на юге от Седана на фронте 50-60 миль. Французская армия, стоявшая против них, была уничтожена или рассеяна. Тяжелый таран бронечастей подвигался с небывалой скоростью к Амьену и Аррасу, повидимому с намерением достигнуть моря где-то около Аббевилля; или же его целью мог быть Париж. Позади этого тарана, продолжал Гамелэн, двигались 8 или 10 моторизованных дивизий, прокладывая себе путь между двумя разъединенными французскими армиями. Гамелэн говорил около пяти минут, в течение которых никто не произнес ни слова. Когда он кончил, наступило длительное молчание. Тогда я спросил: «Где стратегические резервы?» и, перейдя на французский язык, я повторил свой вопрос. Генерал Гамелэн обернулся ко мне, покачал отрицательно головой, пожал плечами и произнес: «Никаких резервов нет».

Снова долгая пауза. За окнами, в саду на Кэ д'Орсэ, подымались клубы дыма от разложенных костров; почтенные чиновники опрокидывали в костры тачки с архивными делами. Итак, эвакуация Парижа уже готовилась.

Опыт прошлого имеет, помимо своих достоинств, один недостаток: события никогда не повторяются в точности. Иначе, я полагаю, жизнь была бы слишком легкой. В конце концов, ведь не раз бывало, что наш фронт был прорван; и всегда нам удавалось пережить тяжелый момент и поправить дело. Но здесь были налицо два фактора, для меня совершенно неожиданных. Первый — захват всей страны, всех путей сообщения непреодолимой ла-

виной бронемашин; второе — отсутствие стратегических резервов. «Никаких!». Я был ошеломлен. И это была великая французская армия и ее высшие начальники? Я не мог себе представить, чтобы генералы, на которых была возложена оборона открытого фронта в 500 миль длиной, могли не иметь стратегических резервов. Никто не может оборонять с уверенностью такой длинный фронт; но когда неприятель напрягает все усилия, чтобы прорвать фронт, обороняющийся всегда может иметь, он должен иметь достаточно дивизий для энергичной контратаки в тот момент, когда ярость атак противника уже утратила свою силу.

К чему была линия Мажино? Ее задачей была экономия войск на большом секторе фронта; не только укрытие для местных вылазок, но помещение для крупных резервов войск. И этих резервов теперь не оказалось. Это было одним из крупнейших разочарований в моей жизни. Почему я не знал этого раньше, хотя бы я и был так занят при Адмиралтействе? Почему Британское правительство и прежде всего наше военное министерство ничего не знало об этом? Французское высшее командование не сообщало нам своих решений, помимо общих фраз; этому нет извинения, мы имели право знать. И мы должны были настаивать. Ведь наши армии сражались бок о бок.

Я отошел снова к окну и смотрел на клубы дыма, в которые обращались государственные документы Французской Республики. Старые джентльмены все еще подвозили свои тачки с документами и проворно бросали их содержание в огонь.

Затем был длинный разговор о распределении армейских групп между главными начальниками. Рейно опубликовал подробный протокол его. В нем записано, что я настаивал на том, чтобы Северные армии не отступали со своих позиций, но наоборот

начали контратаки. Действительно такова была моя реакция, но это не было продуманным военным суждением.*) Надо напомнить, что это было первым осознанием грандиозности нашего поражения и отчаянного положения Франции. Мы, англичане, не руководили операциями и наша армия, составлявшая всего лишь одну десятую часть войск на фронте, была под французским командованием. Я и британские офицеры, бывшие со мной, были поражены очевидной уверенностью французского главнокомандующего и премьер-министра в том, что все потеряно. И все мои слова были энергичным протестом против этого взгляда. Однако нет никакого сомнения, что они были совершенно правы в том, что надо было как можно скорее отступить к югу. Это очень скоро стало ясным для всех.

Затем генерал Гамелэн заговорил снова. Он обсуждал вопрос, следует ли собрать войска для удара во фланги прорыва или «мешка», как мы позднее

*) Когда появились другие рассказы об этом собрании, то я просил лорда Исмэя, который все время был около меня, формулировать его воспоминания. Он пишет:

«Мы не сидели кругом стола, многое могло быть сказано, когда мы ходили или стояли в группах. Я уверен, что вы не выражали «продуманного мнения военного специалиста» на тему «что делать».

Когда мы покидали Лондон, то мы считали прорыв у Седана серьезным, но не смертельным. В 1914 — 18 было много прорывов, но они все было ликвидированы, обычно контратаками с одной или с обеих сторон прорыва.

Когда вы увидели, что французское высшее командование считает, что все потеряно, вы задали Гамелэну ряд вопросов, с двойной, я полагаю, целью: 1) чтобы ознакомиться самому с тем что случилось и что он предполагает делать и 2) чтобы предупредить панику. Один из вопросов был: «Когда и где вы полагаете атаковать фланг мешка? С севера или с юга? Я уверен, что вы не отстаивали стратегических и тактических мыслей. Лейтмотив ваш был: дела может быть и плохи, но не безнадежны».

это назвали. 8 или 9 дивизий могли быть сняты со спокойных участков фронта, с линии Мажино. Были две или три танковых дивизии, еще не введенных в бой; еще 8 или 9 дивизий должны быть привезены из Африки и они могут прибыть на фронт через 2-3 недели. Генерал Жиро был назначен командовать французской армией, стоящей к северу от прорыва. Таким образом немцам придется продвигаться по коридору между двумя фронтами, и война будет вестись на подобие 1917-18. Быть может немцам не удастся удержать коридор под все усиливающимся фланговым обстрелом и питать через него прорвавшиеся части. Гамелэн сказал что-то в этом роде и все это было совершенно здраво. Я чувствовал, однако, что эта небольшая, но все еще влиятельная и ответственная группа не убеждена словами Гамелэна. Тогда я спросил генерала — когда и где он собирается атаковать прорыв с флангов. Ответ был: «Превосходство у врага в численности, превосходство в оружии, превосходство в методах!» и за этим — безнадежное пожатие плечами. Это было бесспорно, здесь дискуссия была не нужна. Хороши были и мы, англичане, с нашим ничтожным вкладом: 10 дивизий после 8 месяцев войны и притом ни одной современной танковой дивизии на фронте!

Это был последний раз, что я видел генерала Гамелэна. Он был патриот, честный и образованный офицер. Без сомнения он многое мог бы рассказать.



Рефреном всех последующих высказываний генерала Гамелэна, то есть в сущности всего верховного командования Франции, были настойчивые признания своей слабости в воздухе и настоятельные мольбы о посылке британских эскадрилий как бомбардировщиков, так и истребителей, но главным обра-

зом последних. Эти просьбы о помощи истребителями неизменно повторялись при каждой конференции вплоть до капитуляции Франции. В своем обращении Гамелэн указывал, что истребители нужны не только для охраны французской армии, но и для борьбы с германскими танками. На это я ответил: «Нет! Это дело артиллерии расстреливать танки. Задача истребителей — очищать небо над полем битвы». Было совершенно необходимо, чтобы наши истребители оставались для защиты Лондона и не покидали Британию. Все наше существование зависело от них.

И тем не менее нужно было что-то дать французам. Утром перед моим отъездом Британский Военный Кабинет дал разрешение на отправку во Францию еще четырех эскадрилий истребителей. После собрания у Гамелэна я, поговорив с генералом Диллом, решил просить санкции на посылку еще шести эскадрилий. После этого в Англии оставалось всего лишь 25 эскадрилий и это был уже окончательный предел. Это было мучительное решение. Я поручил генералу Исмэю телефонировать в Лондон, чтобы Кабинет собрался немедленно для обсуждения телеграммы, которая придет через час. Исмэй вел разговор на индусском языке при помощи офицера индусской армии. Вот текст моей телеграммы:

9 ч. вечера 16 мая 1940

«Прошу кабинет собраться немедленно, чтобы обсудить следующее. Положение в высшей степени серьезно. Немцы нанесли страшный удар у Седана. Французские армии разбросаны, часть на севере, другие в Эльзасе. Нужно по меньшей мере 4 дня, чтобы собрать 20 дивизий для заслона Парижа и для ликвидации прорыва 50 километров шириною.

Три германские танковые дивизии и две или три пехотные дивизии прошли через прорыв и крупные массы следуют за ними. Угрожают две серьезные опасности. Первая, что Британские экспедиционные силы будут оставлены без

всякой поддержки и им придется с трудом выходить из боя и возвращаться на старые позиции.

Вторая, что германский натиск сломит сопротивление французской армии раньше, чем она сможет полностью собраться с силами.

Отдан приказ защищать Париж во что бы то ни стало, но архивы на Кэ д'Орсэ уже сжигаются. Я считаю, что следующие три, четыре дня будут решающими для Парижа и вероятно для французской армии. Перед нами стоит вопрос: можем ли мы еще раз оказать помощь Франции посылкой истребителей сверх тех 4-х эскадрилий, за которые французы нам очень благодарны, и можно ли часть наших бомбардировщиков дальнего действия использовать завтра ночью и в следующие ночи для борьбы с германскими войсками, переходящими Маас и вливающимися в прорыв. Даже и в этом случае успех не может быть гарантирован; но если прорыв не будет ликвидирован, то сопротивление французов будет сломлено так же быстро, как было в Польше. Я лично считаю, что мы должны послать просимые эскадрильи истребителей (то есть еще 6) завтра же и, собрав все имеющиеся французские и британские воздушные силы, получить перевес в воздухе в районе прорыва на ближайшие 2-3 дня, не для местного успеха, но чтобы дать французской армии возможность собраться с силами и воспрянуть духом. Если бы их просьба была отвергнута и результатом явилось поражение, то это легло бы пятном на нашу историю. Также и ночные налеты тяжелых бомбардировщиков без сомнения можно наладить. Неприятель, повидимому, уже полностью развернул свои силы и в воздухе, и в танках. Мы не должны недооценивать растущие трудности их продвижения в случае сильной контратаки. Я думаю, что в случае полного разгрома здесь, мы сможем использовать наши воздушные силы для эвакуации британских экспедиционных сил. Я еще раз подчеркиваю смертельную опасность момента и мое вышеизложенное суждение. Известите меня о вашем решении. Дилл согласен со мной. Я должен иметь ответ к полуночи, чтобы обнадежить французов. Телефонуйте генералу Исмэю в Посольство на индусском языке.»

Ответ пришел в половине 12-го ночи. Кабинет сказал «да». Я немедленно взял с собою Исмэя и поехал на квартиру Рейно. Там было почти темно. Через некоторое время Рейно вышел из

спальни в халате и я передал ему благоприятную новость. 10 эскадрилий истребителей! Я убедил его послать за Даладье; тот был привезен и тоже выслушал решение Британского кабинета. Этим я надеялся поднять дух наших французских друзей, как только позволяли наши ограниченные средства. Даладье не произнес ни слова. Он медленно поднялся с кресла и молча сжал мне руку.

Я вернулся в Посольство в 2 часа утра. Несмотря на канонаду и шум аэропланов, я спал хорошо. Утром я улетел домой. Несмотря на то, что мы были очень заняты, я все же настаивал на скорейшем назначении товарищей министров в новом правительстве.

3.

БИТВА ЗА ФРАНЦИЮ**Вторая неделя. Вейган.****17 — 24 мая**

Военный Кабинет собрался 17 мая в 10 ч. утра. Я сделал доклад о моей поездке в Париж и об общем положении, поскольку я мог оценить его.

Я передал слова, сказанные мною французам о том, что если сами они не проявят максимального усилия, то мы не в праве будем рисковать безопасностью нашей страны, посылая дальнейшие эскадрильи истребителей во Францию. Я чувствовал, что вопрос об усилении воздушной обороны является одним из серьезнейших, когда либо стоявших перед британским кабинетом. Было заявлено, что потери германской авиации в 4 или 5 раз больше наших; но с другой стороны мне сказали, что у Франции осталась всего четверть ее истребителей. В этот день Гамелэн считал игру проигранной; передавали его слова, что он гарантирует безопасность Парижа только на сегодня, на завтра (18 мая) и на следующую ночь. В Норвегии оказалось, что Нарвик мог быть взят каждую минуту, но лорд Корк был извещен, что ввиду событий во Франции, подкрепления не могут быть ему посланы.

Кризис разрастался с каждым часом. По просьбе генерала Жоржа Британская армия удлиннила свой

оборонительный фронт, заняв всю линию от Дуэ до Перонн и прикрывая таким образом Аррас, важный узел путей отступления на юг. 18 мая после полудня германская армия заняла Брюссель. 19 мая она достигла Камбрэ, прошла Сэн-Кантэн и выбросила наши слабые части из Перонн. 7-я французская армия, бельгийская, британская и 1-я французская армия — все продолжали отступление к Шельде; британские части расположились на дневку вдоль реки Дандр и вошли в состав отряда «Петрефорс» (временная группа, составленная из разных частей под командой генерал-майора Петре) для обороны Арраса.

В полдень с 18 по 19 мая лорд Горт принял в своей штаб-квартире генерала Биллота. Ни личность этого французского генерала, ни его предложения не внушали доверия англичанам. С этого момента у главнокомандующего британских войск сложилась идея отступления к морю. В его донесении, опубликованном в марте 1941, он пишет: «теперь (ночь на 19 мая) у нас положение не фронта, хотя бы и прорванного, а осажденной крепости».

В результате моей поездки в Париж и дискуссии в Военном Кабинете я счел необходимым поставить перед моими коллегами основной вопрос.

«Премьер-министр — лорду-президенту

17 мая 1940

Я очень вам признателен за то, что вы назначили на сегодняшний вечер рассмотрение возможных последствий выезда Французского Правительства из Парижа или взятия этого города неприятелем, а также и проблем, возникающих в случае необходимости эвакуации британских экспедиционных сил (Б. Э. С.) из Франции, либо французскими путями сообщения, либо из портов Бельгии и Ламанша. Очевидно, что в первую очередь придется установить лишь перечень основных положений для последующего сообщения их штабам. Я сам буду у военных властей в 6.30.»

**

Близкое решение судьбы Голландии было у всех нас на уме. Антони Иден уже предложил Военному Кабинету организацию волонтеров местной обороны и этот план был энергично поддержан. По всей стране, в каждом городе и деревне собирались группы решительных людей, вооруженных охотничьими ружьями, спортивными винтовками, дубинками и вилами. Из них в короткий срок должна была возникнуть крупная организация. Но нужда в регулярных солдатах была также велика.

«Премьер-министр — генералу Исмюю.

18 мая 40.

1. Мне кажется, что у нас недостаточно надежных войск в Англии на тот случай, если неприятельская авиация попытается высадить на нашей земле крупный десант, предварительно спустив парашютистов.

Я не считаю эту опасность актуальной в данный момент, так как генеральная битва во Франции еще не разрешилась.

Прошу принять к сведению и по возможности немедленно исполнению следующее:

а) Транспорты, доставившие австралийские войска в Суэц, должны привезти в Англию 8 батальонов регулярной пехоты из Палестины, под надлежащим конвоем, даже с некоторым риском, любым путем, какой найдут личшим. Я надеюсь, что можно плыть Средиземным морем.

б) Спешный конвоированный транспорт из Австралии прибывает в первых числах июня с 14.000 солдат.

в) На эти суда должны быть немедленно погружены 8 батальонов территориальных войск и отправлены в Индию, где эти суда возьмут на борт еще 8 регулярных батальонов. Скорость этого спешного транспорта должна быть максимальной.

2. Все должно быть сделано для проведения в жизнь мер по контролю иностранцев, предложенных Комитетом и набросанных мною вчерне (на другом листе). Также должны быть предприняты меры против коммунистов и фашистов; очень значительное число лиц должно быть подвергнуто охранному или предварительному интерниро-

ванию, включая лидеров. Эти меры, конечно, должны пройти через Кабинет до применения их.

3. Начальники штабов должны обсудить, не лучше ли послать во Францию только половину так называемой танковой дивизии? Надо быть готовыми к тому, что французам могут быть предложены весьма выгодные условия мира и тогда вся тяжесть войны падет на нас.»

**

Я также считал необходимым послать — с одобрения моих коллег — следующие важные телеграммы президенту Рузвельту, чтобы показать, насколько серьезно интересы США будут затронуты в случае завоевания и покорения не только Франции, но и Великобритании. Кабинет несколько раздумывал над этими текстами, но не внес никаких поправок. Вот эти тексты:

«1. Бывший моряк — президенту Рузвельту 18.5.40.

Мне не приходится говорить вам о серьезности происшедшего. Мы твердо решили выдержать до конца, каков бы ни был результат генеральной битвы, идущей сейчас во Франции. Мы должны ожидать в недалеком будущем нападения на нас, по примеру Голландии, и мы надеемся показать себя с лучшей стороны. Но что бы американская помощь могла сыграть какую-то роль, она должна быть оказана безотлагательно.»

«2. Бывший моряк — президенту Рузвельту. 20.5.40.

Лотиан сообщил о своем разговоре с вами. Я понимаю ваши затруднения, но я очень огорчен по поводу истребителей. Если бы они были здесь через 6 недель, то они могли бы оказать неоценимые услуги. Битва за Францию полна риска для обеих сторон. Хотя мы здорово всыпали немцам в воздухе, сбивая два или три их аэроплана за один наш, но они все еще имеют громадное численное превосходство. Поэтому наша самая насущная нужда — это присылка нам как можно скорее возможно большего числа истребителей типа Кёртис Р.40, принятого в вашей армии.

По поводу заключительной части вашего разговора с Лотианом: наше намерение — во всяком случае драться до конца на нашем острове; и в случае, если мы получим помощь, о которой мы просим, мы надеемся сравняться с противником в воздухе благодаря нашему индивидуальному превосходству.

Члены сегодняшнего правительства вероятно уйдут, если дела пойдут плохо, но мы не сдадимся ни при каких обстоятельствах. Если члены сегодняшнего правительства падут, а другие среди руин пойдут на переговоры, то не забудьте, что единственным козырем в игре с Германией останется флот и если США предоставят Англию ее судьбе, то никто не вправе будет порицать ответственных лиц, если они примут в с я к и е условия, чтобы только обеспечить жизнь уцелевшим жителям. Простите, г-н президент, что я излагаю этот кошмар так резко. Ясно, что я не могу отвечать за моих преемников, которые в крайнем отчаянии и беспомощности могут подчиниться воле Германии. К счастью, однако, сейчас нет оснований предаваться таким мыслям. Еще раз благодарю вас за вашу доброту»...



Теперь Рейно радикально преобразовал свой кабинет и верховное командование. 18 мая маршал Петэн был назначен вице-президентом Совета; сам Рейно, передав Даладье министерство иностранных дел, стал во главе министерства национальной обороны и войны. 19-го мая в 7 ч. вечера он назначил генерала Вейгана, только что прибывшего из Леванта, вместо генерала Гамелэна. Я знал Вейгана, когда он был правой рукой маршала Фоша, и я был восхищен его мастерски разыгранным вмешательством в битву с большевиками под Варшавой в августе 1920 — решающее событие для Европы того времени. Ему было теперь 73 года, но, как передавали, он был еще необычайно крепок и энергичен. Последний приказ генерала Гамелэна № 12, от 19 мая, 9.45 утра, предписывал Северным армиям не давать себя окружить, а любой ценой пробиваться

в южном направлении к Сомме, атакуя германские танковые дивизии, перерезавшие их коммуникации. В то же время 2-я армия и вновь сформированная 6-я армия должны были вести наступление к северу, в направлении на Мезьер. Эти директивы были разумны. Фактически, приказ об общем отступлении Северных армий к югу опоздал по крайней мере на 4 дня. Как только серьезность прорыва у Седана определилась, единственным спасением для Северных армий было немедленное движение к Сомме. Вместо этого генерал Биллот начал постепенно и частично отступать к Шельде, обороняясь только своим правым флангом. Еще и сейчас было время для движения к югу.

Замешательство северного командования, видимый паралич 1-й французской армии и неуверенность в том, что собственно произошло, причиняли нашему Военному Кабинету крайнее беспокойство. Внешне мы оставались спокойны и методичны, но все были угнетены одной и той же мыслью, которая причиняла нам глубокое страдание. 19-го мая в 4 ч. 30 м. дня мы получили известие, что лорд Горт «имел в виду возможное отступление к Дюнкерку, если обстоятельства этого потребуют». Для генерала Айронсайда*) этот проект был неприемлем, так как он, подобно большинству из нас, стоял за движение к югу. Мы поэтому послали его к лорду Горту с инструкцией двинуть британскую армию в юго-западном направлении и пробиться этим путем через все препятствия с тем, чтобы соединиться на юге с французами. Бельгийцев надо было побудить примкнуть к этому движению; или же мы могли бы эвакуировать их, по крайней мере частично, через порты Ламанша. Горту надо было передать, что мы сами известим французское правительство о нашем ре-

*) Главный начальник Генерального Штаба

шении. Одновременно мы послали генерала Дилла в штаб генерала Жоржа, с которым у нас было прямое телефонное сообщение. Дилл должен был задержаться там на четыре дня и сообщать нам все, что ему удастся узнать. Прямой контакт даже с лордом Гортом был затруднителен и с перебоями, но нам было сообщено, что наличных запасов продовольствия и боеприпасов хватит только на четыре дня битвы.

**
*

20-го мая на утреннем заседании Военного Кабинета мы снова обсуждали положение нашей армии. Даже в случае успешного отхода с боем к Сомме я считал вероятным, что некоторые части окажутся отрезанными или будут отброшены назад к морю. В протоколе заседания записано: «Премьер-министр считает, что в качестве меры предосторожности Адмиралтейство должно собрать как можно больше мелких судов и приготовить их к отправке в порты и бухты на побережье Франции». Адмиралтейство немедленно принялось за это дело и действовало все энергичнее по мере того, как положение все ухудшалось. Руководство операциями было 19-го мая вверено адмиралу Рамсэю, командиру порта в Дувре, транспортные средства которого в этот момент состояли из 36 судов разного типа, стоявших в Саутхэмптоне и в Дувре. 20-го мая, в результате приказов из Лондона, в Дувре состоялось первое совещание лиц, имеющих отношение к этому вопросу включая представителей торгового флота, для обсуждения «экстренной эвакуации весьма крупных сил через Ламанш». Была намечена, в случае необходимости, эвакуация из Калэ, Булони и Дюнкерка из расчета по 10.000 человек из каждого порта в сутки. В первую очередь были назначены 30 «ферри»

(самоходный паром) пассажирского типа, 12 «дрифтеров» (рыболовное судно) и 6 небольших каботажных судов. 22-го мая Адмиралтейство приказало реквизировать 40 голландских судов, не желавших помогать нам, и поставило на них британскую команду; это было выполнено между 25 и 27 мая. На всем побережье от Гарвича до Уэймута офицеры морского транспорта должны были взять на учет все пригодные суда до 1000 тонн водоизмещения и во всех портах был установлен строгий контроль над судоходством. Эти меры подготовили так называемую «Операцию Динамо» и сделали возможным 10 дней спустя спасение британской армии.

**
**

Теперь направление германского удара на Западе более или менее определилось. Бронечасты и мотомеханизированные дивизии продолжали вливаться в прорыв между Амьеном и Аррасом, и заворачивать к западу вдоль Соммы в направлении к морю. В ночь на 20-е мая они ворвались в Аббевилль, пересекая и отрезая все пути сообщения Северных армий. Эти страшные стальные орды не встречали почти никакого сопротивления на своем пути с того момента, как фронт был прорван. Германские танки — эти современные чудовища — рыскали свободно по беззащитной стране и, снабженные механизированным обозом, продвигались на тридцать, сорок миль в день. Они проехали через десятки городов и сотни деревень без малейшего сопротивления; немецкие офицеры, стоя в открытых куполах, весело приветствовали местных жителей. Очевидцы рассказывают о толпах пленных французов, маршировавших вслед за танками, многие из них еще со своими винтовками; время от времени эти винтовки собирались и ломались под гусеницами танков. Я был поражен

почти полным отсутствием боев с германскими танками, которые в числе всего нескольких тысяч совершенно разгромили могущественные армии и привели к полному крушению Францию, как только фронт оказался прорванным. Все движение германской армии шло по главным дорогам, которые ни в одном пункте не были, повидимому, блокированы.

Уже 17-го мая я запросил начальника Воздушного Штаба:

«Нет ли возможности выведать, где колонны неприятельских бронечастей останавливаются на ночь и разбомбить их там? Эти бродячие колонны разрывают нас в куски за фронтом».

21 мая я телеграфировал Рейно:

«Поздравляю вас с назначением Вейгана, к которому мы здесь питаем полное доверие.

У нас нет средств остановить колонны танков, прорывающие наши линии и проникающие далеко вглубь. Все ямы и тому подобные средства против их вторжения — никуда не годятся. Правильный метод прямо обратный — расстреливать их. Не надо обращать большого внимания на мелкие группы танков. Что могут они сделать, въехав в город? Города нужно защищать стрелками, а экипаж танка должен быть застрелен в тот момент, когда они пытаются выйти из танка. Если они не смогут достать еды, питья и бензина, то они могут произвести только переполох и затем уехать. Если можно — взрывать дома, мимо которых они едут. Все города с важными перекрестками должны держаться такой тактики. Далее: танковые колонны вне города должны быть преследуемы и атакованы небольшими отрядами с легкими пушками. Их гусеницы скоро будут изношены, их энергия выдохнется. Это единственный метод борьбы с вторжением танков. Что касается главных сил, которые, повидимому, еще не скоро появятся, то единственный метод — это бить по их флангам. Смятение идущей битвы можно использовать с выгодой, если еще усилить его, сделать его обоюдным. Они ударяют по нашим коммуникациям; мы должны бить по их. Я чувствую себя сейчас более уверенным, чем в начале битвы. Но все армии должны сражаться одновременно, и

я надеюсь, что британская армия вскоре будет иметь успех. Все вышесказанное является моим личным мнением и я надеюсь, что вы не примете за обиду, если я вам его излагаю. Всего хорошего!»

Первым шагом Вейгана было совещание со старшими начальниками. Он пожелал лично видеть ситуацию на северном фронте и войти в контакт с генералами, там командующими. Это было совершенно естественно для генерала, принимавшего верховное командование в разгар неудачной битвы. Но теперь для этого не было времени. Ему не следовало выпускать из рук верховный контроль и тратить время и силы на личную поездку. Мы можем проследить в деталях, что из этого вышло. Утром 20-го мая Вейган, заняв место Гамелэна, условился посетить Северные армии 21-го. Узнав, что дороги на север перерезаны немцами, он решил лететь. Его самолет был обстрелян и спустился в Калэ. Совещание в Ипре было перенесено на три часа дня 21 мая. Там Вейган встретился с королем Леопольдом и генералом Биллотом. Лорд Горт, который не был извещен о времени и месте встречи, отсутствовал, и на совещании не было ни одного британского офицера. Король определил эту конференцию, как «четыре часа беспорядочных разговоров». Обсуждалась координация трех армий, выполнение плана Вейгана и задержка англичан и французов на реке Лис и бельгийцев на Изере. В 7 ч. вечера Вейган должен был уезжать. Лорд Горт прибыл только в 8 часов, он получил извещение о происходящем от генерала Биллота. Вейган поехал обратно в Калэ. Оттуда подводная лодка доставила его в Дьепп, и, наконец, он вернулся в Париж. Биллот уехал в своем автомобиле, а через час его машина разбилась и Биллот был на месте убит. Таким образом все осталось попрежнему, не решенным.



21 мая Айронсайд вернулся и сообщил, что лорд Горт, получив новые инструкции Кабинета, представил ему следующие соображения:

1. Марш к югу потребует арьергардных боев на Шельде и одновременно с этим продвижения вперед в район, уже прочно занятый неприятельскими танковыми и мотомеханизированными соединениями. В течение такого марша оба фланга должны быть охраняемы.

2. Сложные и длительные наступательные операции весьма затруднительны ввиду сложившейся административной ситуации.

3. По всей вероятности ни 1-я французская армия, ни бельгийская армия не будут в состоянии выполнить этот маневр, даже если он будет предпринят.

Айронсайд добавил, что во французском главном командовании Северного фронта царит смятение и беспорядок, что генерал Биллот не смог справиться со своими задачами координации за последнюю неделю и, повидимому, не имеет планов; что дух Британских экспедиционных сил хорош и что у них всего лишь около пятисот человек раненых и убитых. Он дал живое описание состояния дорог, переполненных беженцами и обстреливаемых германской авиацией. Он сам пережил жуткие часы.

Итак, две грозные альтернативы стояли перед Военным Кабинетом. Или британская армия любой ценой, вместе с французами и бельгийцами, или без них, пробьет себе путь на юг, к Сомме — в чем лорд Горт сильно сомневался; или она вернется назад, к Дюнкерку и пойдет на риск эвакуации морем под атаками авиации, с верной потерей всей артиллерии и снаряжения, столь скудного и ценного. Огромный риск первой альтернативы был ясен; но почему бы не попытаться принять своевременно меры для эвакуации морем, если план марша на юг не удатся?

Я предложил моим коллегам, что я поеду снова во Францию, повидаясь с Рейно и Вейганом и мы

там примем решение. Генерал Дилл встретит меня там в штабе генерала Жоржа.



В этот момент мои коллеги почувствовали необходимость получить от Парламента чрезвычайные полномочия. Законодательный акт был подготовлен в течение нескольких дней. Эта мера фактически давала Правительству неограниченную власть над жизнью, свободой и имуществом каждого гражданина Великобритании. По точному смыслу параграфов закона власть, дарованная Парламентом, была абсолютной. Парламентский акт уполномочивал Правительство издавать «Правила по обороне страны», которые обязывали граждан предоставлять самих себя, свои силы и способности и своё имущество в распоряжение Его Величества, как ему угодно будет признать нужным и целесообразным для обеспечения общественной безопасности, обороны Государства, поддержания общественного порядка, успешного ведения войны... и так далее, поскольку это необходимо для блага и жизни общества.

На основании этих «Правил» министр труда может послать каждого на любую требуемую работу. Но в «Правилах» имеется также параграф о справедливой заработной плате. В крупных городах учреждаются «Комитеты по распределению труда». Вводится контроль над собственностью в самом широком смысле слова. По распоряжению Правительства может быть установлен контроль над всеми учреждениями, включая банки. Предприниматели обязуются предъявлять свои кассовые книги и сверх прибыль облагается налогом до 100%. Учреждается Производственный Совет, возглавляемый Гринвудом, а также должность Директора по распределению труда.

Акт был внесен в Парламент 22 мая Чемберлэном и Эттли; последний лично провёл второе чтение. Обе Палаты — как общин, так и лордов — с их громадным консервативным большинством единодушно приняли акт в течение всего лишь одного заседания; и в тот же вечер он получил королевскую санкцию.

Ибо римляне в своих распрах
 Не щадили ни полей, ни золота,
 Ни сыновей, ни жён, ни самих себя.
 Так было в старые, славные дни...

Таково было настроение и в Англии в этот ответственный час.



Когда я прибыл в Париж 22 мая, там была совершенно новая обстановка. Гамелэн ушел; Даладьё сошел с военной сцены, Рейно был премьером и военным министром. Так как германский удар окончательно определился в направлении моря, то непосредственная угроза Парижу отпала. Главный штаб французской армии был все еще в Венсене. Рейно привез меня туда около полудня. В саду я заметил несколько фигур, бывших в окружении Гамелэна; они уныло бродили взад и вперед. «Это остатки старого режима» — заметил адъютант. Рейно и я были введены в комнату Вейгана, а затем в залу, где были развешаны большие карты Верховного Командования. Вейган вышел нам навстречу. Несмотря на физическую усталость и ночную работу, он был свеж, бодр и остро на все реагировал. На нас всех он произвел прекрасное впечатление. Вейган изложил нам свой план войны. Он не был согласен с отступлением северных армий на юг: они должны были ударить на юго-восток, у Камбрэ и Арраса с общим направлением на Сен-Кантэн, во фланг германским

танковым дивизиям, ведущим сейчас бой у Сен-Кантэн — Амьена. Тыл их, как он предполагал, был бы защищен бельгийской армией с востока и с севера. Теперь вводилась в бой новая французская армия силою в 18-20 дивизий, изятых из Эльзаса, с линии Мажино, прибывших из Африки и т. д. Эта армия, под командой генерала Фрер, должна была занять фронт вдоль Соммы. Ее левый фланг был бы выдвинут вперед, к Амьену и Аррасу, и таким образом был бы установлен контакт с северными армиями. Вражеские танки должны быть все время сдерживаемы. «Нельзя позволить, — сказал Вейган, — немецким танкам захватывать инициативу». Все необходимые распоряжения были сделаны, поскольку вообще было еще возможно распоряжаться. Тут нам сообщили, что генерал Биллот, которому весь план был передан, только что убит в автомобильной катастрофе. Генерал Дилл и я были совершенно согласны в том, что у нас не было выбора и никаких возражений, и мы полностью приветствовали план. Я подчеркнул необходимость восстановить сообщение между северными и южными армиями через Аррас. Я объяснил, что лорд Горт при ударе в юго-западном направлении должен все же держать связь с побережьем. Чтобы зафиксировать в точности все, что было постановлено, я сам продиктовал резюме нашего совещания и показал его Вейгану, который его одобрил. На основании этого я послал сообщение в Лондон Военному Кабинету, а лорду Горту телеграфировал следующее:

«22 мая 40. Я прилетел в Париж сегодня утром с генералом Дилл и другими. Заключение, к которым мы пришли с Рейно и Вейганом, я привожу ниже. Они точно согласуются с общими директивами, полученными вами от военного министерства. Шлем вам наилучшие пожелания в решающей битве, идущей в направлении Бопом и Камбрэ».

Было решено, что:

1. Бельгийская армия отойдет на линию Изера и будет стоять здесь; шлюзы будут открыты.

2. Британская армия и 1-я французская армия начнут наступление к юго-западу, на Бопом и Камбрэ как можно скорее, завтра непременно, силами около 8 дивизий, с бельгийским кавалерийским корпусом на правом фланге англичан.

3. Так как от исхода этой битвы зависит судьба обеих армий и так как коммуникации британской армии зависят от освобождения Амьена, то британская авиация должна оказывать самое энергичное содействие, днем и ночью, в продолжение битвы.

4. Новая французская армейская группа, подвигающаяся к Амьену и вытянувшаяся вдоль Соммы, должна ударить в северном направлении и соединиться с британскими дивизиями, атакующими в южном направлении, в общем движении на Бопом.

Как видно, новый план Вейгана мало чем отличался от отмененной инструкции № 12 генерала Гамелена. Он был также близок мнению Военного Кабинета, сформулированному 19-го мая. Северные армии должны были подкреплять свое движение к югу наступательными действиями, по возможности истребляя германские танки. Их движение должно быть облегчено вспомогательным наступлением у Амьена новой французской армейской группы под командой генерала Фрера. В случае удачи, это имело бы огромное значение. Конфиденциально я пожаловался Рейно, что Горт в течение четырех дней был оставлен без всяких указаний. Вейган принял командование три дня тому назад и эти дни были потеряны для действий. Перемена Верховного Командующего была правильной, но последовавшая заминка в делах была вредной.

Я ночевал в британском посольстве. Ночные налеты стали обычными; пушки стреляли оглушительно, но бомб не было слышно. Парижские впечатления были, право, очень не похожи на то, что вскоре

предстояло пережить Лондону. У меня было сильное желание навестить моего друга генерала Жоржа в его Главной Квартире в Компьене. Наш офицер для связи с ним, бригадир Свэйн, находился теперь при мне и он обрисовал мне французскую армию, поскольку он знал ее, то есть несколько односторонне. Я был того мнения, что в такое время, когда мы предпринимаем совместно сложную и ответственную операцию, лучше не углубляться в недостатки административного управления и другие мелочи.

При отсутствии у нас единого верховного управления ведущая роль перешла к неприятелю или к случайностям. 17 мая лорд Горт начал направлять войска на линию Рююкур-Арле и в гарнизон Арраса и все время укреплял свой южный фланг. 7-я французская армия, кроме 16 корпуса, который понес тяжелые потери в боях на острове Вальхерен, двинулась к югу на соединение с 1-й армией. Она пересекла тыл англичан без серьезных столкновений. 20 мая лорд Горт известил генералов Биллота и Бланшара, что 21 мая он предполагает атаковать противника к югу от Арраса силами двух дивизий и танковой бригады. Биллот согласился поддержать атаку двумя дивизиями 1-й армии. Эта армия, состоявшая из 13 дивизий, занимала территорию 10x19 миль: Мольд — Валансьенн — Денэн — Дуэ. 20 мая немцы перешли Шельду у Оуденарде и три британских корпуса, еще обращенных фронтом к востоку, отступили 23 мая на те самые укрепленные позиции, построенные нами зимой вдоль бельгийской границы, с которых они с таким жаром пошли в наступление 12 дней тому назад. В этот день британские войска получили половинный рацион. Впечатление беспомощности французов, проистекавшей от многих причин, заставило меня послать Рейно следующий протест:

«Премьер-министр — г-ну Рейно (копия лорду Гарту)

23 мая 40

Коммуникации северных армий перерезаны крупными танковыми частями неприятеля. Спасение этих армий может быть достигнуто только немедленным выполнением плана Вейгана. Я требую строжайших приказов командующим французскими войсками Севера и Юга, а также бельгийской Главной Квартире о выполнении этого плана с тем, чтобы превратить поражение в победу. Время драгоценно, ибо припасов мало».

Я огласил это письмо Военному Кабинету, когда он собрался в 11.30 утра, указав, что весь успех плана Вейгана зависит от инициативы французов, на которую пока нет никаких данных рассчитывать. В 7 ч. вечера мы собрались еще раз.

И на следующий день:

24 мая 40.

«Премьер-министр — г-ну Рейно, для генерала Вейгана.

Генерал Горт телеграфирует, что координация на Северном фронте настоятельно необходима ввиду наличия армий трех различных наций. Он говорит, что он не может заняться этой координацией, так как он ведет бон на севере и на юге и его коммуникации под угрозой. В то же время сэр Роджер Книз сообщает мне, что сегодня (23 мая) до 3-х часов дня бельгийская Главная Квартира и король не получили никаких директив. Как это согласовать с вашим утверждением, что Бланшар и Горт действуют «рука об руку»? Я учитываю вполне трудности связи, но не чувствую реального согласования операций на Северном фронте, против которого неприятель сосредоточивает свои силы. Верю, что вам удастся исправить это.

Горт говорит далее, что всякое его наступление будет носить характер вылазки и что помощь должна придти с юга, так как у него нет боеприпасов для серьезной атаки. Тем не менее мы предписываем ему продолжать выполнение вашего плана. Мы здесь даже еще не видели ваших собственных директив и не знаем подробно ваших северных операций. Будьте добры послать все это через французскую миссию как можно скорее. Всего хорошего».

**
*

Я должен еще привести рассказ о сражении англичан у Арраса. Генерал Франклин, командовавший здесь, намеревался занять территорию Аррас — Камбрэ — Бопом. У него были 5-я и 50-я пехотные дивизии и 1-я армейская танковая бригада. Его план был бросить в атаку танки и по одной бригаде из каждой дивизии под общим начальством генерала Мартель; направление атаки — к западу и к югу от Арраса, непосредственная цель — река Сансэ. Французы должны были поддержать атаку двумя дивизиями в восточном направлении, вдоль дороги Аррас — Камбрэ. Британские дивизии состояли всего из двух бригад каждая, танковая бригада имела 65 танков типа М-I и 18 типа М-II, все старые, изношенные машины. Атака началась в 2 часа дня (21 мая). Сопrotивление оказалось гораздо сильнее, чем ожидалось. Поддержка французов на восточном фланге не осуществилась, а на западном ограничилась одной легкой механизированной дивизией. Неприятельские силы состояли из 400 танков 7-й и 8-й танковых дивизий. 7-й дивизией командовал генерал по имени Роммель. Сперва наше наступление шло удачно, мы взяли 400 пленных, но нам не удалось достигнуть берега реки Сансэ, а германская контратака подавляющими силами, при мощной поддержке авиации, причинила нам тяжелые потери. 12-й уланский полк донес о сильных неприятельских колоннах, движущихся к Сен-Поль и угрожающих смять наш западный фланг. В течение ночи 13-я бригада 5-й дивизии и 151 бригада 50-й дивизии постепенно отступили к реке Скарп. Здесь три британских бригады стояли до полудня 22 мая, отражая атаки неприятеля. Мы все еще держали Аррас, но неприятель постепенно пытался обойти нас в направлении на Бетюн. Французская легкая мотомеханизированная дивизия, охранявшая наш западный фланг, была выбита с позиции Мон-Сент-Элуа и неприятельские танки вскоре подошли к

Сушэ. К 7 часам вечера 23 мая британский восточный фланг был под сильным нажимом и неприятель, достигнув Ленс, окружил наш западный фланг. Наше положение становилось критическим. Мы были почти окружены неприятелем, далеко превосходившим нас численностью и тяжелым оружием. В 10 час. вечера генерал Франклин известил Главную Квартуру, что если его войска не будут выведены ночью, то позднешее отступление будет уже невозможным. Ему отвечали, что приказ об отступлении послан ему 3 часа тому назад. Операция произвела некоторое впечатление на неприятеля: он возвестил «сильную контратаку британских танков», которая доставила ему значительное беспокойство.

Выполняя план Вейгана, лорд Горт предложил генералу Бланшару, который теперь командовал Северной группой, чтобы две британские дивизии, одна французская дивизия и корпус французской кавалерии атаковали неприятеля между Северным каналом и каналом Шельды. Две французские дивизии действительно дважды достигли окраин Камбрэ, но оба раза они были обстреляны с воздуха и отступали. За все это время это было единственной попыткой наступления 1-й французской армии.



В Лондоне мы не имели понятия о ходе этой неудачной попытки прорвать окружение у Арраса. Однако 24 мая от Рейно пришли телеграммы, полные упреков. В одной из них было описание события:

«Вы телеграфировали мне, — писал Рейно, — сегодня утром, что вы дали инструкции генералу Горту продолжать выполнение плана Вейгана. Теперь генерал Вейган извещает меня, что согласно телеграмме генерала Бланшара британская армия по собственной инициативе произвела отступление на 25 миль вглубь к портам, в то время, как

наши войска, двигаясь с юга, успешно ведут наступление к северу, где они должны были встретиться со своими союзниками.

Это действие Британской армии прямо противоречит формальным приказам, снова повторенным сегодня утром генералом Вейганом. Это отступление естественно принудило генерала Вейгана изменить все его предначертания и он вынужден отказаться от мысли закрыть брешь и восстановить непрерывный фронт. Мне не приходится подчеркивать серьезность возможных последствий».

До этого момента генерал Вейган рассчитывал на продвижение армии генерала Фрера к северу, на Амьен, Альбер и Перонн. Она действительно не проявила заметных признаков жизни и все еще была в стадии формирования и пополнения. Я отвечал Рейно следующими двумя депешами:

1) 25. V. 40 Моя телеграмма, посланная вчера вечером, передала вам все, что нам здесь известно, и мы еще не имели от лорда Горта ничего, что противоречило бы ей. Но я должен сказать вам, что штабной офицер подтвердил отход двух дивизий из района Ар-раса, о котором говорит ваша телеграмма. Генерал Дилл, который, вероятно, сейчас у лорда Горта, должен был послать штабного офицера как можно скорее. Как только мы узнаем, что случилось, я вам сообщу все. Ясно однако, что Северная армия фактически окружена и что все пути сообщения отрезаны, кроме Дюнкерка и Остенде.

2) 25. V. 40 Мы имеем все основания полагать, что Горт все еще настаивает на движении к югу. Все, что мы знаем, это что вследствие натиска на его западный фланг и для обеспечения сообщения с Дюнкерком — необходимого для снабжения — он был вынужден двинуть в этом направлении части двух дивизий. Германские танковые части, продвигаясь с непреодолимой, по видимому, силой, последовательно заняли Аббевилль и Булонь, угрожают Калэ и Дюнкерку и взяли уже Сент-Омер. Как может Горт двигаться к югу и обнажать свой северный фронт, если он не обеспечит своего правого фланга? Ни одно из передвижений Британских сил, нам известных, не может служить оправданием для оста-

новки вашего наступления к северу от Соммы, которое, мы надеемся, будет развиваться.

Во-вторых, вы жалуетесь на то, что из Гавра эвакуировано тяжелое оборудование. Единственное, что оттуда было эвакуировано, были газовые бомбы, которые было бы неблагоразумно там оставлять. Да еще некоторые склады были перевезены на южный берег Сены в Гавре.

В-третьих, если я узнаю, что в силу чрезвычайных обстоятельств нам приходится изменить принятый нами план, то я вас немедленно об этом извещу. Дилл, который ещё сегодня утром был совершенно убежден, что единственное спасение нашей армии заключается в движении к югу и в энергичном наступлении генерала Фрера — теперь согласился с Гортом. Поймите, что таким образом мы потеряли целую неделю в ожидании движения к югу; а теперь мы оказываемся отрезанными от моря крупными силами неприятельских танков. Поэтому нам не остается ничего другого, как продолжать движение к югу, выставив необходимый заслон для охраны нашего западного фланга.

Генерал Спирс будет у вас завтра утром и, вероятно, самое лучшее будет отправить его обратно, когда положение выяснится».

**

Члены Военного Кабинета, как и высшие военные круги, высоко ценили стратегические знания и способности генерала Джона Дилла, который с 23 апреля был помощником начальника Генерального Штаба. Его способности могли найти полное применение в должности главного советника армии. Не было никакого сомнения в том, что в этой роли он на много превышал бы генерала Айронсайда.

Когда неудачная битва достигла своего крайнего предела, я и мои коллеги очень хотели, чтобы сэр Джон Дилл стал Начальником Генерального Штаба. Нам нужно было также наметить главнокомандующего обороной Великобритании на случай вражес-

кого вторжения. Поздно ночью 25 мая Айронсайд, Дилл, Исмэй, я и еще один или двое сидели в моей комнате в здании Адмиралтейства и старались определить наше положение. Генерал Айронсайд внес предложение о своем уходе с должности начальника Генерального Штаба и выразил согласие принять пост командующего силами внутренней обороны. Ввиду того, что в то время этот пост не сулил ни славы, ни выгод, надо признать это предложение смелым и самоотверженным. Поэтому я принял его; и высокие титулы и почести, какие позже были дарованы Айронсайду, оправдали мою оценку его поведения в тот момент. Генерал Джон Дилл стал начальником Генерального Штаба 27 мая. Эти перемены были встречены общим одобрением, как отвечающие потребности момента.

4.

МАРШ К МОРЮ

24 — 31 мая

Теперь мы можем дать обзор хода этой незабываемой битвы вплоть до ее поворотного момента. Один только Гитлер был готов нарушить нейтралитет Бельгии и Голландии. Бельгия не искала бы союзников, если бы на нее не было сделано нападение. Таким образом военная инициатива целиком остается за Гитлером. 10 мая он нанес свой удар. Первая армейская группа с англичанами в центре, вместо того, чтобы стоять за своими укреплениями, бросилась в Бельгию с напрасной, ибо запоздалой, миссией спасения. Французы оставили брешь против Арденн, плохо укрепленную и слабо охраняемую. Германский бронированный кулак с силой, небывалой в военной истории, пробил фронт французских армий и через 48 часов уже угрожал отрезать Северные армии как от южных коммуникаций, так и от моря. Самое позднее 14 мая французское Верховное Командование должно было бы послать этим армиям категорический приказ об отступлении полной скоростью, даже с потерей материальной части. Это решение, во всем его грубом реализме, даже не пришло в голову генералу Гамелэну. Командующий северной группой армии, генерал Биллот, сам был неспособен принять необходимые решения. На уро-

жаемом левом фланге французов царило неопишное смятение.

Так как французы чувствовали подавляющую силу противника, то они отступили. Так как при повороте фронта их правое крыло загнулось, то они образовали оборонительный фланг. Если бы они начали отступление уже 14 мая, то они достигли бы своих старых позиций 17-го и имели бы возможность отбиться. Но по крайней мере три роковых дня было потеряно. Начиная с 17 мая британский Военный Кабинет ясно видел, что только немедленное движение с боем к югу могло спасти британскую армию. Кабинет хотел представить свои взгляды французскому Правительству и генералу Гамелэну, но британский главнокомандующий лорд Горт сомневался, чтобы можно было оторваться от противника и еще больше сомневался в возможности пробиться. 19 мая Гамелэн был смещен и Вейган встал на его место. «Инструкция № 12», составленная Гамелэном (его последний приказ), хотя и запоздавшая на 5 дней, была в принципе разумна и вполне согласовалась с главными заключениями британского Военного Кабинета и начальников штабов. Смена французского Верховного Командования, то есть вернее отсутствие командования, вызвало новую задержку в три дня. Смелый план, предложенный генералом Вейганом после осмотра им Северных армий, был все же лишь бумажной схемой. В основном это был все тот же план Гамелэна, ставший еще более безнадежным благодаря дальнейшей просрочке.

Перед лицом страшной дилеммы, представшей перед нами, мы приняли план Вейгана и делали честные и настойчивые, хотя в тот момент уже бессельные, попытки осуществить этот план вплоть до 25 мая, когда при перерезанных коммуникациях наши семидневные контратаки были окончательно отражены, Аррас был взят, бельгийский фронт прорван,

король Леопольд близок к капитуляции и все надежды на отход к югу исчезли.

Теперь оставалось только море. Удастся ли нам достигнуть его, или мы будем окружены и раздавлены в открытом поле? Во всяком случае вся наша артиллерия и снаряжение нашей армии будут потеряны. Но что это значит в сравнении со спасением армии, этого ядра, ячейки, без которой будущая армия Британии не сможет быть восстановлена? Лорд Горт, который начиная с 25 мая чувствовал, что эвакуация морем является нашим единственным шансом, теперь приступил к образованию предмостного укрепления вокруг Дюнкерка и пытался пробиться к нему с оставшимися силами. Необходима вся британская дисциплина и выдающиеся достоинства таких командиров, как Брук, Александер и Монтгомери. Все, что человек способен дать, было дано. Хватит ли этого?

**

Здесь нам предстоит рассмотреть эпизод, вызвавший много споров. Генерал Гальдер, начальник германского Генерального Штаба, заявил, что в тот момент Гитлер лично вмешался — в первый и единственный раз — в руководство боевыми операциями. Он проявил, по словам Гальдера, беспокойство по поводу того, что танковым соединениям придется работать в трудных условиях в стране, насыщенной водой, прорезанной каналами, где танки не смогут дать существенных результатов. Он считал, что он не вправе жертвовать танковыми частями бесцельно, так как они незаменимы на следующем этапе кампании. Без сомнения Гитлер считал, что его превосходство в воздухе будет достаточным, чтобы помешать успешной эвакуации союзных сил морем. Поэтому он, по словам Гальдера, послал ему через Браухича приказ остановить продвижение танков и отправить

их обратно. «Таким образом, говорит Гальдер, дорога к Дюнкерку была открыта для англичан». Во всяком случае мы перехватили германскую депешу, посланную 24 мая, предписывавшую приостановить атаку на линии Дюнкерк — Газебрук — Мервиль. Гальдер утверждает, что он от имени Верховного Командования отказался вмешиваться в движение армейской группы Рундштедта, которая имела прямой приказ не допустить неприятеля на побережье. «Чем быстрее и полнее будет здесь успех, тем легче будет впоследствии восстановить потери танков», мотивировал Гальдер. На следующий день ему было предписано прибыть вместе с Браухичем на совещание. Жаркая дискуссия окончилась тем, что Гитлер подтвердил свой приказ. Он добавил к этому, что для проверки исполнения приказа он пошлет своих офицеров для связи на фронт. Кайтель был послан аэропланом в армейскую группу Рундштедта, другие офицеры — в прочие группы. Я никогда не мог постичь, — говорит Гальдер, — что Гитлер понимает под словами: «Бесполезно подвергать опасности танковые дивизии»? Вернее всего это Кайтель, который долго был во Фландрии в 1-ю мировую войну, внушил эту идею Гитлеру своими рассказами.

Другие германские генералы тоже не раз говорили об этой истории и даже предполагали, что приказ Гитлера был вызван политическими соображениями: желанием упрочить шансы на мир с Англией после поражения Франции. Теперь имеется подлинный документ в виде дневника штаба Рундштедта, веденного в то время. Эти записи приводят иное объяснение. В полночь на 23 мая пришел приказ Браухича, подтверждающий, что 4-я армия остается под командованием Рундштедта для выполнения «последнего акта» и «битвы в окружении». На следующее утро Гитлер прибыл к Рундштедту, который доложил ему, что его танки сильно изношены дол-

гой работой и нуждаются в отдыхе для реорганизации и восстановления сил перед окончательным ударом по неприятелю, который — говорится в дневнике — «сражается с чрезвычайным упорством». Кроме того, Рундштедт предвидел возможность атаки на его широко разбросанные силы с севера и с юга; действительно, план Вейгана, если бы он был выполнен, сводился к контрудару союзников. Гитлер «всецело соглашался», что атака к востоку от Арраса должна быть произведена пехотой, а что моторизованные соединения должны попрежнему занимать линию Ленс — Бетюн — Эр — Сент-Омер — Гравелин с тем, чтобы держать неприятеля под огнем армейской группы «Б» на северо-востоке. Он также настаивал на крайней необходимости сохранить танковые части для дальнейших операций. Однако, рано утром 25 мая новая директива была дана Браухичем, как главнокомандующим, предписывающая продолжать наступление танковыми соединениями. Рундштедт, опираясь на устное высказывание Гитлера, был против использования танков. Он не передал этого приказа командующему 4-й армией Клюге, который хотел использовать танковые дивизии. Клюге протестовал, однако Рундштедт разрешил пустить танки лишь на следующий день, хотя и тут он запретил атаковать танками самый Дюнкерк. Дневник отмечает, что 4-я армия протестовала против этого ограничения и начальник штаба телефонирует 27 мая:

«Картина в портах Ламанша такова: большие корабли подходят к набережной, сходни переброшены и солдаты переполняют корабли. Все имущество оставляется на месте. Мы не хотели бы встретиться с этими людьми, только что обмундированными, лицом к лицу еще раз».

Отсюда несомненно, что танки не были пущены в ход и это было сделано по инициативе не Гитлера,

но Рундштедта. Он, без сомнения, имел основания к такому образу действий, как по состоянию танков, так и по ходу генеральной битвы; но он должен был повиноваться формальным приказаниям главного командования или по крайней мере сообщить им то, что было сказано Гитлером в разговоре. Все германские начальники согласны в том, что тут были упущены громадные возможности.

**
*

Была, однако, особая причина, определившая действия германских танков в решающем пункте. Передовые германские танковые и мотомеханизированные колонны, достигнув моря за Аббевиллем в ночь на 20-е мая, повернули к северу и двигались вдоль побережья через Этабль по направлению к Булони, Калэ и Дюнкерку с очевидным намерением отрезать отступление морем. Я знаю этот район еще с предыдущей войны, когда я поддерживал бригаду морской пехоты, действовавшую из Дюнкерка против тыла и флангов германской армии, двигавшейся на Париж. Поэтому мне уже была знакома система затопления местности между Калэ и Дюнкерком, а также и значение уровня воды в Гравелине. Шлюзы были уже открыты и с каждым днем вода поднималась и распространялась, охраняя таким образом наши пути отступления. Защита Булони и еще в большей степени Калэ продолжалась до последней возможности и гарнизоны были присланы сюда непосредственно из Англии. Булонь, изолированная и осажденная 22-го мая, защищалась двумя батальонами британской гвардии с одной батареей противотанковых пушек, да еще какими-то французскими войсками. После 36 часов обороны положение было объявлено безнадежным и я согласился, чтобы остаток гарнизона, включая и французов, был эва-

куирован морем. Гвардейцы были взяты на 8 истребителей ночью с 23 на 24 мая, потеряв всего лишь 200 человек. Французы продолжали оборону цитадели до утра 25 мая. Я сожалел о нашей эвакуации.



Несколькими днями раньше я поручил оборону портов в Ламанше непосредственно начальнику Имперского Генерального Штаба, с которым я был в постоянном контакте. Теперь я решил, что Калэ должно защищаться до последнего человека и что гарнизону не будет разрешена эвакуация морем. Гарнизон состоял из одного батальона стрелковой бригады и по одному батальону 60-го стрелкового полка и Королевы Виктории стрелкового полка, далее из 229-й противотанковой батареи и батальона Королевского танкового полка, с 21 легким танком и с 27 танков-разведчиков и приблизительно такого же числа французов. Было больно жертвовать этими великолепными, испытанными войсками, которых у нас было так мало, для сомнительного выигрыша двух-трех дней при полной неизвестности — как могут быть использованы эти два-три дня. Военный министр и начальник Генерального Штаба согласились на эту суровую меру. Телеграммы и протоколы дают подробности.

«Премьер-министр — генералу Исмэю для нач. Ген. Штаба. 23.5.40.

Помимо общих приказов, отданных вчера вечером Вейганом по обеспечению движения армий к югу через Амьен, еще настоятельно необходимо как можно скорее установить прямую доставку снабжения армии Горта через Дюнкерк, Калэ или Булонь. Горт не может не сознавать опасности, которой он сейчас подвергается и он должен еще выделить дивизию или что-либо в этом роде навстречу нашим силам, пробивающимся к нему с побережья. Если бронетанковый полк (включая также

танки-разведчики, действительно высадился в Калэ, то это может улучшить положение и позволить нам послать туда и остаток 2-й бригады танковой дивизии. Прибрежный район должен быть очищен, если дело дойдет до эвакуации в крупных размерах. Все пробравшиеся за линию должны быть пойманы и извлечены оттуда. По указанию генерала Вейгана беженцы должны расположиться в полях, так, чтобы дороги оставались свободными. Есть ли у вас телефонное или телеграфное сообщение с Гортом и сколько времени берет доставить ему шифрованное письмо? Будьте добры поручить одному из ваших штабных офицеров послать на Даунинг-стрит*) карту с обозначением сегодняшнего расположения 9 британских дивизий. Не отвечайте на это письмо сами.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 24. 5. 40

Я не могу понять положения вокруг Калэ. Немцы заняли все выходы и наш танковый полк заперт в городе, так как он не может состязаться с полевыми орудиями, расставленными кругом города. Все же я полагаю, что их силы очень скромны. Но тогда почему же мы их не атакуем? Почему лорд Горт не атакует их с тыла в тот момент, когда мы попытаемся сделать вылазку из Калэ? Ведь наверняка Горт мог бы отрядить одну-две бригады, чтобы почистить свои коммуникации и обеспечить доставку снабжения, необходимого для армии. Вот генерал, у которого почти 9 голодающих дивизий, и тем не менее он не может послать отряда, чтобы восстановить сообщение. Что может быть важнее этого? На что нужны резервы, если не для этого?

Неприятельские силы, блокирующие Калэ, могли бы быть атакованы Гортом, канадцами из Дюнкерка, наконец, вылазкой наших запертых здесь танков. Повидимому, немцы могут идти всюду и делать все, что им угодно; их танки могут парами и тройками гулять по нашим тылам и даже когда они замечены, на них не нападают. Наши танки прячутся от их полевых орудий, но наши полевые орудия не смеют стрелять по их танкам. Если их моторизованная артиллерия, вдали от своей базы, может держать нас в блокаде, почему не можем мы, со всей нашей артиллерией, блокировать их?.. Ответствен-

*) Министерство иностр. дел в Лондоне.

ность за свободу коммуникаций вокруг Калэ лежит прежде всего на британских экспедиционных силах».

Это может быть несправедливо по отношению к нашим войскам. Но я привожу эти слова так, как я написал их тогда.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 24. 5. 40.

Помощник Начальника Морского Штаба извещает меня, что в 2 часа ночи был послан в Калэ приказ, извещающий, что эвакуация в принципе решена, но это чистое безумие. Единственным результатом этой эвакуации была бы переброска сил, сейчас блокирующих Калэ, к Дюнкерку.

Калэ надо держать по многим причинам, но главная из них — это удерживать здесь неприятеля на его позициях.

Адмиралтейство говорит, что оно готовит к выпуску 24 морских 12-ти фунтовых орудий, которые снарядами S. A. P. смогут пробивать любой танк. Часть из них будет готова уже сегодня вечером».

«Премьер-министр — начальнику Ген. Штаба. 25. 5. 40

Я должен знать как можно скорей: почему Горт отдал Аррас и что он, собственно, делает с остатками своей армии? Всё еще настаивает на выполнении плана Вейгана или переходит к позиционной войне? Если второе, то как по-вашему сложатся события в ближайшие дни и какой курс вы рекомендуете? Ясно, что он не должен позволить окружить себя, не вступая в битву. Не следует ли ему пробиваться к морю, подавляя танковые части противника, преграждающие ему путь, огнём полевой артиллерии и прикрывая себя и бельгийцев — которые тоже повернули бы обратно — сильным арьергардом? Завтра решение должно быть принято.

Генерал Дилл, конечно, может лететь домой с любого свободного аэродрома и наш воздушный флот даст эскадрилью для охраны его».

«Премьер-министр — военному министру и нач. Генштаба 25. 5. 40.

Прошу выяснить, кто из офицеров ответствен за рассылку вчерашнего приказа об эвакуации Калэ и кем со-

ставлена неудачная телеграмма — я видел её сегодня утром — в которой употреблено выражение: «ради солидарности союзников»? Такого рода фразы не могут побудить солдат сражаться до последней капли крови. Уверены ли вы, что это не проявление скрытого поражения в Генеральном Штабе?»

«Премьер-министр — начальнику Ген. Штаба. 25. 5. 40.

Что-то вроде нижеследующего должно быть послано бригадиру, обороняющему Калэ: «Оборона Калэ до последней крайности является сейчас делом величайшей важности для нашей страны и нашей армии. Во-первых, она связывает значительную часть неприятельских танков и лишает их возможности атаковать наши линии сообщения. Во-вторых, Калэ является для нас базой, откуда части британской армии могут попасть домой. Лорд Горт послал уже войска на помощь вам, а наш флот делает всё возможное для доставки вам снабжения. Глаза всей Империи устремлены на Калэ и Правительство Его Величества уверено, что вы и ваш храбрый полк совершите подвиг, достойный имени Великобритании».

Это письмо было послано бригадиру Никольсону 25 мая около 2 часов дня.

Окончательное решение о судьбе гарнизона Калэ было принято поздно вечером 26 мая: гарнизон остается на месте. До этого момента эскадренные миноносцы держались наготове. Иден и Айронсайд были со мной в Адмиралтействе. Мы втроем работали весь день и в 9 часов вечера решение было вынесено. Оно коснулось и того полка, где долго служил Иден и в составе которого он сражался в прошлую войну. Есть и пить приходится и во время войны, но я чувствовал себя физически больным, когда мы после заседания молча сели за стол.

Вот сообщение, посланное бригадиру:

«Каждый лишний час, что вы продержитесь, будет громадной помощью для британских сил. Правительство поэтому решило, что вы должны продолжать борьбу. Мы выражаем наше величайшее восхищение вашим блестя-

щим сопротивлением. Эвакуации не (повторяю: не) будет, суда, предназначенные для нее, возвращаются в Дувр. «Верити» и «Виндзор» назначаются для прикрытия командующего отрядом минных тральщиков».

Калэ явилось решающим фактором. Многие другие причины могли помешать эвакуации Дюнкерка, но, несомненно, что три дня, выигранные обороной Калэ, дали возможность поддержать уровень воды Гравелина и что без этого, даже несмотря на колебания Гитлера и приказы Рундштедта, все были бы окружены и погибли бы.

**
*

Теперь на все это надвигалась все разрешающая катастрофа. Немцы, которые до сих пор не проявляли большой энергии на бельгийском фронте, 24 мая прорвали бельгийскую линию обороны по обеим сторонам Куртрэ, всего лишь в 30 милях от Остенде и Дюнкерка. Бельгийский король вскоре признал положение безнадежным и приготовился к капитуляции.

К 23 мая 1-й и 2-й корпуса британской армии, отступая постепенно из Бельгии, вернулись обратно на оборонительные линии к северу и востоку от Лилля, построенные ими самими в течение зимы. Германская «косилка», работавшая вокруг нашего южного фронта, дошла уже до моря и нам пришлось от нее обороняться. По мере того, как события воздействовали на Горта и его штаб, войска постепенно посылались на позиции вдоль линии каналов Ла Бассе — Бетюн — Эр — Сэнт Омер — Уаттен. Эти позиции упирались в море у Гравелина, где они были заняты частями французского 16 корпуса. Ответственность за этот изогнутый, выпуклый к югу, фланг лежала главным образом на 3-м британском корпусе. Здесь не было непрерывной линии укреп-

лений, но лишь ряд укрепленных пунктов на главных перекрестках; некоторые из них, как, например, Сент Омер и Уаттен, уже были взяты противником. Важные дороги к северу от Касселя были под угрозой. Резервы Горта состояли всего лишь из двух британских дивизий, 5-й и 50-й, которые, как мы видели, только что с таким трудом отбили контратаками у Арраса, безнадежно пытаясь выполнить план Вейгана. К этому времени весь фронт британских войск был длиною около 90 миль, всюду в тесном контакте с противником.

К югу от британских сил находилась 1-я французская армия, две дивизии которой охраняли фронт, а остальные 11 дивизий, в довольно плохом виде, были зажаты в узком пространстве к северо-востоку от Дуэ. Эта армия была под угрозой окружения и под ударом германского броневго кулака с юго-востока. Слева от нас бельгийская армия была отброшена во многих местах от канала Лис и с ее отходом к северу образовалась брешь севернее Менэн.

Вечером 25 мая лорд Горт принял важное решение. До сих пор его приказы были все еще продиктованы планом Вейгана о наступлении к югу на Камбрэ силами 5-й и 50-й дивизий, совместно с французами. Но обещанная атака французов севернее Соммы, повидимому, была далека от осуществления. Последние защитники Булони были эвакуированы. Калэ еще держалось. Теперь Горт наконец решил оставить план Вейгана. По его мнению марш на юг и к Сомме был уже безнадежен. Кроме того, одновременное крушение бельгийской обороны и брешь, образовавшаяся на севере, создавали новую, грозную опасность. Захваченный приказ 6-й германской армии говорил о том, что один корпус должен был направиться к северо-западу на Ипр, а другой — к западу на Витшет. Как могли бельгийцы устоять против этого двойного удара?

Уверенный в своих военных талантах, убежденный в полном параличе контроля, как со стороны британского и французского правительства, так и со стороны французского Верховного Командования, Горт решил оставить план наступления на юг, заткнуть брешь на севере, открывавшуюся в случае капитуляции Бельгии, и двинуться к морю. В данный момент в этом была единственная надежда спасти хоть что-нибудь от уничтожения или капитуляции. В 6 часов вечера Горт приказал 5-й и 50-й дивизиям присоединиться ко 2-му британскому корпусу, чтобы закрыть угрожающую брешь, оставленную бельгийцами. Он известил о своем решении французского генерала Бланшара, который теперь командовал (после Биллота) первой группой французских армий. Генерал Бланшар, признавая силу обстоятельств, отдал в 11 ч. 30 вечера приказ на 26 мая об отходе на линию за каналом Лис, к западу от Лилля, с целью образования предмостного укрепления вокруг Дюнкерка.

Утром 26 мая Горт и Бланшар составили общий план отступления к морю. Так как 2-й французской армии предстоял более долгий путь, то начало движения британских частей предполагалось в ночь с 26 на 27 мая, а арьергарды 1-го и 2-го корпуса британской армии должны были охранять границу вплоть до ночи с 27 на 28. Во всем этом Горт действовал на свой страх и риск. Но в то же самое время мы, дома, с несколько иной точки зрения, пришли к тем же заключениям. 26 мая военное министерство телеграммой одобрило действия Горты и уполномочило его продолжать движение к побережью в контакте с французской и бельгийской армиями. Спешная подготовка тоннажа всякого размера и рода шла уже на полный ход.

На западном фланге коридора к морю положение оставалось в основном неизменным весь день

26 мая. Позиции, занятые 48-й и 44-й дивизиями, подвергались сравнительно слабому напору неприятеля. Но 2-й дивизии пришлось вести тяжелые бои на канале Ла Бассэ-Эр и она удержала свои позиции. Далее к востоку немцы произвели сильную атаку на Карвин, защищаемый британскими и французскими войсками. Положение было восстановлено контратакой двух батальонов 50-й дивизии, стоявшей возле бивуаком. На левом фланге британской линии 5-я дивизия вместе с приданной к ней 143-й бригадой 48-й дивизии шли всю ночь и на рассвете приняли на себя оборону канала Ипр — Комин, заполняя собою брешь, образовавшуюся между британской и бельгийской армиями. Они прошли как раз во-время: вскоре по их уходе неприятель начал атаку и тяжелые бои длились весь день. Три батальона из резерва 1-й дивизии приняли участие в них. 50-я дивизия, переночевав на бивуаках южнее Лилля, двинулась к северу, продолжая фланг 5-й дивизии вокруг Ипра. Бельгийская армия в течение целого дня выдерживала тяжелые атаки, которыми правый ее фланг был смят; она известила, что у нее нет сил, чтобы снова установить контакт с англичанами и что она не в состоянии отступить к Изеру в соответствии с движением англичан.

Между тем организация предместного укрепления вокруг Дюнкерка уже началась. Французы должны были взять на себя участок от Гравелина до Берг, а англичане оттуда дальше вдоль канала, через Фюрн и Ньюпор к морю. Различные группы и части войск всех родов оружия, которые прибывали с обоих направлений, включались в эту линию. Вместе с подтверждением его приказов от 26 мая, лорд Горт получил от военного министерства телеграмму, посланную в час дня 27 мая, с указанием, что отныне его задача была «эвакуировать как можно больше войск». Накануне я информировал Рейно, что бла-

горазумие требовало эвакуации британских экспедиционных сил и просил его дать соответствующие распоряжения. Отсутствие связи было таково, что 27 мая командующий 2-й французской армией отдал следующий приказ по его войскам: «Битва будет дана, без мысли об отступлении, на реке Лис».

Четыре британские дивизии и вся 1-я французская армия были теперь в страшной опасности быть отрезанными около Лилля. Два крыла германской армии сближались, стремясь захватить союзные армии в клещи. Хотя в те дни мы не имели еще чудесных «комнат с картами» позднейших лет и хотя контроль битвы из Лондона был невозможен, но я все же в течение 3-х дней мучился судьбой союзных армий, полуокруженных у Лилля, в том числе наших славных четырех дивизий. К счастью, это был один из тех редких, но решающих случаев, когда механизированный транспорт вступает в свои права. Как только Горт отдал приказ, все четыре дивизии вернулись назад с поразительной быстротой, сделав весь путь почти в одну ночь. Ведя упорные битвы по обеим сторонам коридора, остатки британской армии прокладывали себе путь к морю. Германские клещи были задержаны 2-й британской дивизией, а потом в течение трех дней сдерживались 5-й дивизией; и, наконец, они сомкнулись в ночь на 29 мая, подобным же образом, как два года спустя русские клещи сомкнулись вокруг германских армий у Сталинграда. Понадобилось два с половиной дня, чтобы захлопнуть капкан; и за это время 4 британские дивизии и большая часть 1-й французской армии — кроме пятого корпуса, который был потерян — отступили в полном порядке через брешь, несмотря на то, что у французов был только конский транспорт и что главная дорога на Дюнкерк была уже перерезана, а второстепенные дороги были перепол-

нены отступающими войсками, бесконечными обозами и тысячами беженцев.

**
*

Вопрос о том, в состоянии ли мы продолжать войну одни, который я просил Чемберлена обсудить с другими министрами еще 10 дней тому назад, теперь был поставлен мною формально нашим военным советникам. Я умышленно облек свой вопрос в такую форму, которая давала возможность начальникам штабов выражать свои взгляды свободно, каковы бы они ни были. Я заранее был уверен в их ответах, но в таких случаях всегда лучше иметь письменные протоколы. Кроме того, я хотел иметь в руках данные, чтобы уверить Парламент, что наше решение опирается на заключения специалистов. Вот текст их ответа:

«§ 1. Мы пересмотрели наш доклад о «Британской стратегии в известном случае» в связи со следующим запросом, предложенным на наше рассмотрение премьер-министром Великобритании:

В случае, если Франция будет не в состоянии продолжать войну и станет нейтральной; если бельгийская армия будет вынуждена капитулировать после того, как она помогала британским силам достигнуть моря; в случае, если Британии будут предложены такие условия, которые всецело отдадут ее на милость Германии путем разоружения, передачи морских баз на Оркнейских островах и т. д.; каковы в этом случае перспективы продолжения войны одной Англией против Германии и вероятно Италии? Смогут ли морской флот и воздушные силы оправдать наши надежды и предотвратить серьезное вторжение и смогут ли наземные силы, сосредоточенные на наших островах, справиться с воздушными налетами и десантами до 10.000 человек? При этом надо принять во внимание, что продолжение сопротивления со стороны Британии может оказаться крайне опасным для Германии, вынужденной держаться в повиновении большую часть Европы.

§2. Наши заключения изложены в следующих параграфах:

§3. Пока наш воздушный флот существует, то наш морской флот и воздушные силы вместе взятые в состоянии предотвратить серьезное германское вторжение с моря на острова Великобритании.

§4. В случае, если Германия достигнет полного превосходства в воздухе, мы считаем, что наш флот может задержать вторжение на время, но не на неограниченный срок.

§5. Если наш флот будет неспособен предотвратить вторжение, а наши воздушные силы будут подавлены и Германия сделает попытку вторжения, то наша береговая оборона не будет в состоянии помешать германским танкам и пехоте высадиться и закрепиться на нашей земле. При описанных обстоятельствах наши наземные силы будут недостаточны для борьбы с серьезным вторжением.

§6. Решающим моментом является превосходство в воздухе. Если Германия достигнет его, то она может покорить нашу страну одними воздушными атаками.

§7. Германия не может достигнуть полного превосходства в воздухе, пока она не разгромит наши воздушные силы и нашу авиационную индустрию, наиболее важная часть которой сосредоточена в Ковентри и Бирмингеме.

§8. Воздушные налеты на авиационные заводы могут быть и днем и ночью. Мы считаем, что днем мы можем нанести неприятелю такие потери, которые предохранят нас от серьезных повреждений. Однако, что бы мы ни делали в области обороны — и это подтверждают все получаемые нами сообщения — мы не можем обеспечить безопасность крупных индустриальных центров, от которых зависит наша авиационная индустрия, от тяжелых разрушений в ночных налетах. Неприятель не нуждается в точных попаданиях для достижения полного эффекта.

§9. Уничтожение авиационной индустрии зависит не только от материальных разрушений, причиняемых бомбами: оно может явиться также результатом психического воздействия налетов на рабочих, их неспособности вести работу в обстановке всеобщего разрушения.

§10. Поэтому, если противник будет производить систематические ночные налеты на нашу авиационную индустрию, то он, вероятно, причинит ей такой материальный ущерб, что заставит прекратить работу.

§11. Следует напомнить, что количественно Германия имеет превосходство в авиации в пропорции 4:1. Сверх того германские авиационные заводы разбросаны по всей стране и трудно уязвимы.

§12. С другой стороны, поскольку мы имеем бомбардировочную авиацию для контратак, мы можем производить подобные же налеты на германские промышленные центры и часто также останавливать их производство.

§13. Суммируя, мы приходим к заключению, что материально Германия имеет более сильные карты; но окончательный результат зависит от того, сможет ли духовная сила наших бойцов и гражданского населения уравновесить и превзойти численное и материальное превосходство Германии. Мы верим, что она сможет.»

Этот документ, написанный, несомненно, в самый мрачный момент перед эвакуацией Дюнкерка, подписали не только три начальника Штабов, — Ньюол, Паунд и Айронсайд, но и их три помощника — Дилл, Филипс и Пирс. Читая его теперь, по прошествии ряда лет, я должен признать, что он звучит мрачно и зловеще. Но Военный Кабинет и другие министры, видевшие его, были все единодушны. Никакой дискуссии не было. Сердцем и душой мы были все вместе.



Теперь я обратился к лорду Горту:

27. 5. 40

«1. В этот ответственный момент я шлю вам лучшие пожелания. Никто не может предсказать, что будет дальше. Но все, что угодно, лучше, чем быть запертыми, как в курятнике, и умирать с голоду. Я позволю себе сделать несколько замечаний. Во-первых, против танков есть пушки и в этом случае их нечего жалеть. Во-вторых, я очень беспокоюсь за Остенде, пока он занят бригадой с артиллерией. В-третьих, неприятельские танки, атакующие Калэ, вероятно, весьма утомлены и так или иначе заняты в Калэ. Колонна, направленная на вырубку Калэ, пока оно еще дер-

жится, может иметь успех. Быть может, они окажутся не столь грозными, когда сами будут атакованы.

2. Надо теперь обратиться к бельгийцам. Я посылаю прилагаемую телеграмму Киизу, но желателен ваш личный контакт с королем. Кииз поможет вам. Мы просим их пожертвовать собою для нас.

3. Предположим, что наши войска узнают, что им отрезают путь домой в Англию; это небывалый стимул для отчаянной борьбы. Мы предоставим вам все, что могут сделать флот и авиация. Антони Иден сейчас со мной и присоединяет свои наилучшие пожелания к моим».

Приложение:

«Премьер-министр адмиралу Киизу.

Сообщите вашему другу (королю бельгийскому) следующее: я думаю, ему известно, что англичане и французы пробивают себе путь к морю между Гравелин и Остенде и что мы предполагаем оказать полную поддержку флотом и авиацией в течение рискованной эвакуации. Что мы можем сделать для него? Конечно, мы не можем помочь Бельгии, оставаясь в окружении, полумертвые от голода. Единственная наша надежда в победе, и Англия никогда не прекратит войны — чтобы ни случилось — пока Гитлер не будет разбит, или же мы перестанем быть государством. Убедите его улететь с вами аэропланом, пока не поздно. Если наша операция удастся и мы образуем предморское укрепление, мы попытаемся, если нужно, перебросить несколько бельгийских дивизий во Францию морем. Существенно важно, чтобы Бельгия продолжала войну, а безопасность короля совершенно необходима».

Моя телеграмма была получена адмиралом Киизом только по его возвращении в Англию, 28 мая. Таким образом, это обращение не было передано королю Леопольду. Этот факт, однако, не имел значения, так как 27 мая около 6 ч. пополудни адмирал Кииз говорил со мной по телефону. Следующие строки взяты из его донесения:

«27 мая около 5 ч. дня, когда король сказал мне, что его армия не в состоянии более сражаться и что он просил о прекращении военных действий, была послана по

радио шифрованная телеграмма Горту и военному министерству. Министерство получило ее в 5.54. Я поехал тотчас в Ла Панны и телефонировал премьер-министру. Он не был несколько удивлен, ввиду повторных предупреждений, но сказал мне, что я должен приложить все старания убедить короля и королеву-мать уехать со мной в Англию и прочел мне письмо, которое, как он сказал, я должен был получить сегодня после полудня:

27.5.40

«Бельгийское посольство полагает, что король — судя по его решению оставаться в Бельгии — считает войну проигранной и предполагает сепаратный мир.

Конституционное бельгийское правительство собралось здесь, на чужой земле, с тем, чтобы отмежеваться от этого мнения. Даже, если регулярной бельгийской армии придется сложить оружие, то все же во Франции находится 200.000 бельгийцев призывного возраста и Бельгия имеет сейчас больше ресурсов, чем она имела в 1914, чтобы продолжать борьбу. Своим решением король разъединяет нацию и отдает ее под протекторат Гитлера. Будьте добры, сообщите эти соображения королю и убедите его в катастрофических последствиях его решения, как для союзников, так и для Бельгии».

Я передал королю Леопольду письмо премьер-министра, но он сказал, что он уже принял решение и что он должен оставаться со своей армией и со своим народом»...

**
*

Дома я отдал следующее общее приказание:

(Строго конфиденциально)

28 мая 1940

«В эти тяжелые дни премьер-министр был бы очень благодарен, если бы его коллеги в Правительстве, равно как и все лица, занимающие ответственные посты, поддерживали бодрость в своих учреждениях; не преуменьшая серьезности событий, но сохраняя веру в наши способности и непреклонную решимость продолжать войну до тех пор, пока мы не слошим волю противника, стремящегося подчинить всю Европу своему господству.

Мысль, что Франция заключит сепаратный мир, не должна быть терпима, но, чтобы ни случилось на континенте

Европы, мы не можем сомневаться в нашем долге и мы должны напречь все усилия для защиты Великобритании, нашей Империи и нашего дела».

Утром 28 мая лорд Горт снова встретился с генералом Бланшаром. Я крайне обязан генералу Паунелу, начальнику штаба лорда Горта, за нижеследующую запись, сделанную им в свое время:

«Энтузиазм Бланшара по поводу встречи в Касселе уже испарился, когда он пришел к нам сегодня. У него не было ни конкретных предложений, ни планов. Мы прочли ему телеграмму, приказывающую нам прибыть к берегу моря для посадки на суда. Он пришел в ужас. Но вот что странно: что же он думал, для чего ему и Горту было приказано образовать предместное укрепление? К чему иному могло служить такое предварительное действие? Мы указали ему, что мы оба получили одинаковые инструкции относительно предместного укрепления. Сейчас мы узнаем от нашего правительства только следующий логический шаг (о котором без сомнения было сообщено французскому правительству), тогда как он, Бланшар, соответствующего приказа еще не получил.

Это его несколько успокоило, но, конечно, не вполне. Тогда мы сказали ему, что мы также, как и он, хотим, чтобы британская армия и 1-я французская держались вместе в этой последней фазе. Поэтому 1-я французская армия будет, вероятно, продолжать отступление ночью, держа равнение с нами. Тогда он пришел в страшное возбуждение: «Это невозможно!» — заявил он. Мы объяснили ему, как только могли, всю ситуацию. Угроза от немцев на нашем северовосточном фланге вероятно не станет актуальной еще ближайшие 24 часа, (хотя, если она появится, это будет очень серьезно). Что непосредственно важно — это угроза нашему длинному югозападному флангу. Там, как ему хорошо известно, вчера в нескольких местах авангарды германских пехотных дивизий вели атаки, подкрепляемые артиллерией. Хотя главные пункты — Вормхоуд, Кассель, Хазебрук — еще держатся, однако там были уже вклинения. Можно быть уверенными, что немцы используют свои преимущества и что главные их силы начнут вскоре развертываться и двинуться прямо наперерез наших путей отступления к морю. (Отступление, которое было приказано нам, если не ему). Поэтому сейчас надо было, не теряя ни минуты, воз-

вращаться назад с Лиса и мы должны дойти сегодня ночью по крайней мере до линии Ипр — Поперинге — Кассель. Ждать до завтрашнего вечера, значило бы дать немцам два дня, это было бы безумием. Мы думали, что нам не удастся спасти и 30% наших сил, даже если бы мы достигли моря; многие, идущие в авангарде, никогда не достигли бы его. Но если бы мы могли спасти хоть небольшую часть наших отборных офицеров и солдат, то это очень пригодилось бы для продолжения войны. Поэтому все возможное должно быть сделано, а единственное, что было возможно, хотя бы частично, это повернуть назад, так или иначе сегодня же ночью...

Потом пришел офицер связи от генерала Приу, нового командующего первой французской армией. Офицер сказал генералу Бланшару, что Приу решил, что он не может отступать дальше сегодня ночью и поэтому намерен оставаться в четырехугольнике каналов между Армантьер и Бетюн. Это, повидимому, настроило Бланшара против отступления. Мы просили его ради 1-й армии и ради союзников приказать Приу отступить хотя бы с частью армии на одну линию с нами. Это было вполне возможно, солдаты были не так уж утомлены и связь между частями еще была. Отступление к морю давало каждому хоть какой-то шанс к посадке на корабль, тогда как каждый, кто оставался, этот шанс терял навсегда. Так почему же не попробовать? Оставшийся на месте не выигрывал ничего; ушедший на запад нес в себе надежду. Но Бланшара ничто не могло поколебать. Он объявил, что эвакуация с берега невозможна: без сомнения британское Адмиралтейство организовало ее для британских экспедиционных сил, но французское министерство никогда не сделает этого для французских солдат. Поэтому бесполезно и пытаться — игра не стоит свеч; он соглашается с Приу.

Затем он спросил: не потому ли Горт намерен был отступить ночью на линию Ипр — Поперинге — Кассель, что он знал, что пошел бы без 1-й французской армии? На это Горт ответил, что он действительно отступает сегодня ночью. Во-первых, он получил приказ погрузиться на суда, а для этого требуется немедленное отступление. Ждать еще 24 часа, значило бы не исполнить приказа, так как его войска были бы отрезаны. Во-вторых, и помимо формально-го нарушения приказа, было бы безумием оставлять войска на их теперешней незащищенной позиции. Здесь они без сомнения были бы разбиты очень легко. В силу этих при-

чин, к большому сожалению, британские войска вынуждены отступить даже и в том случае, если 1-я французская армия остается».



Рано утром 28 мая бельгийская армия сдалась. Лорд Горт получил формальное предупреждение об этом всего лишь за час до события, но эту катастрофу можно было предвидеть уже за три дня и брешь была так или иначе заткнута. Я сообщил об этом событии Парламенту в гораздо более сдержанной форме, чем это предпочел сделать Рейно в Париже. Вот мое сообщение:

«Да будет Палате известно, что бельгийский король прислал полномочных представителей к германскому командованию, прося о перемирии на бельгийском фронте. Британское и французское правительства дали приказ своим генералам немедленно отмежеваться от этого акта и продолжать операции, ими сейчас ведущиеся. Однако германское командование приняло бельгийское предложение и бельгийская армия прекратила сопротивление воле неприятеля сегодня в 4 часа утра.

Я не намереваюсь предлагать Палате в этот момент выносить свое суждение о действии бельгийского короля в его роли Главнокомандующего бельгийской армией. Эта армия сражалась храбро и понесла тяжелые потери. Бельгийское правительство отмежевалось от действий короля и, объявив себя единственной законной властью Бельгии, формально объявило свое решение продолжать войну на стороне союзников».

Французское правительство выразило свое огорчение по поводу того, что мой отзыв о поступке короля Леопольда был резким контрастом к заявлению Рейно. Я считал своим долгом, говоря в Палате 4 июня, после тщательного исследования всех фактов, связанных с этим событием, и стараясь быть справедливым не только к нашим французским союзникам, но и к бельгийскому правительству, находя-

щемся сейчас в Лондоне, сделать следующее заявление:

«В последний момент, когда Бельгия уже подверглась нападению, король Леопольд обратился к нам с призывом прийти к нему на помощь и как раз в последний момент мы пришли. Король и его храбрая, энергичная, почти полумиллионная армия охраняли наш левый фланг, оставляя свободным наш проход к морю. Внезапно, без предварительного совещания, без малейшего намека, не посоветовавшись со своими министрами, взяв все на свою личную ответственность, он послал полномочного посла к германскому командованию, сдал свою армию и обнажил весь наш фланг и путь к отступлению».

Храбрая и энергичная армия, о которой я говорил, действительно вела себя согласно лучшим ее традициям. Она была одолена таким противником, которому ей было не по силам сопротивляться в течение долгого времени. Ее поражение и капитуляция не пятнает ни чести, ни репутации ее.

**

В течение всего дня 28 мая спасение британской армии висело на волоске. На всем нашем фронте — от Комин до Ипра и дальше к морю — обращенном к востоку и предназначенному закрыть брешь, оставленную бельгийцами, генерал Брук со своим вторым корпусом вел великолепную битву. В течение двух дней пятая дивизия удерживала Комин, отбивая все атаки, но когда бельгийцы отступили к северу и затем капитулировали, то брешь расширилась и не была заполнена. Возникла новая задача — оборонять фланг британских войск. Сперва сюда пришла 50-я дивизия, затем 4-я и 3-я; они стояли ранее у Лилля и теперь были переброшены на запад моторным транспортом для образования живой стены коридора, ведущего к Дюнкерку. Германский удар в стык британской и бельгийской армий не мог быть

предотвращен; но его роковое последствие — поворот британской армии лицом к Изеру, в результате чего германская армия на наших плечах ворвалась бы на побережье — было предвидено и повсюду предупреждено.

Немцы оказывали упорное сопротивление. Британской артиллерии, как полевой, так и тяжелой, был отдан приказ не жалеть снарядов и расходовать их до конца и ее ураганным огнем все атаки немцев были отбиты. А всего в 4-х милях позади огромные массы войск и транспортных колонн уже направлялись к образуемому предмостному укреплению Дюнкерка и включались в его импровизированную оборону. Вблизи Дюнкерка главная дорога с запада к востоку была некоторое время совершенно загромождена повозками и автомобилями и ее пришлось прочищать при помощи бульдозеров, сбрасывавших препятствия в боковые каналы.

28 мая к вечеру Горт отдал приказ об общем отступлении к предмостному укреплению, которое теперь было ограничено линией Гравелин — Берг — Фюрн — Ньюпорт. На этом фронте британские дивизии стояли справа налево*) в следующем порядке: 46-я, 42-я, 1-я, 50-я, 3-я, и 4-я. К 29 мая уже большая часть британских экспедиционных сил втянулась в периметр предмостного укрепления и одновременно морской транспорт работал во-всю. 30 мая Главная Квартира сообщила, что все британские дивизии или то, что осталось от них, прибыли.

Больше половины 1-й французской армии добралось до Дюнкерка, где большая часть погрузилась на суда. Но для пяти с лишним дивизий путь отступления оказался отрезанным германскими клещами у Лилля. 28 мая они пытались пробиться к западу, но тщетно: немцы окружили их со всех сто-

*) Смотря от моря.

рон. В течение трех дней французы оборонялись на все суживавшемся фронте против все возраставших сил противника. Наконец, вечером 31 мая, израсходовав боеприпасы и продовольствие, они вынуждены были сдать. Около 50 тысяч их попало в плен. Эти французы, под доблестным начальством генерала Молинье в течение четырех решающих дней сдерживали не менее, как семь германских дивизий, которые иначе присоединились бы к осаде Дюнкерка. Это в значительной степени облегчило участь их более счастливых товарищей и британских войск.

**
*

Для меня, взявшего на свои плечи тяжелое бремя ответственности, было суровым испытанием в эти дни следить за вспышками и мерцанием этой гигантской драмы, руководство которою было невозможно, а вмешательство могло причинить скорее вред, чем пользу. Нет сомнения, что лояльно держась так долго за план Вейгана — отступление к Сомме — мы тем самым увеличили грозившую нам опасность, и без того не малую. Но решение Горта (с которым мы сразу же согласились) отбросить план Вейгана и идти к морю — было исполнено им и его штабом мастерски и останется навсегда блестящим эпизодом в британской военной истории.

5.

ЭВАКУАЦИЯ ДЮНКЕРКА

26 мая — 4 июня

26 мая в Вестминстерском Аббатстве было краткое богослужение — моление о Божьей помощи и заступничестве. Англичане не любят публично проявлять свои чувства, но сидя на хорах я чувствовал то трепетное волнение, которым были охвачены молящиеся, тот страх не смерти, не ранений, не материальных потерь, а поражения и гибели Британии.

**

*

Был вторник 28 мая. Я не был в Парламенте целую неделю. Не было смысла делать доклад в этот перерыв, да и члены Палаты не выражали такого желания. Каждый чувствовал, что судьба нашей армии — а может быть и нечто еще большее — решится еще на этой неделе.

«Палата, сказал я, должна быть готова к суровым и тяжким известиям. Я должен лишь добавить, что бы ни случилось в этой войне, ничто не может освободить нас от обязанности защищать то дело, которое мы поклялись довести до конца; ничто не может разрушить в нас веру в нашу способность идти своим путем, как бывало уже не раз в нашей истории, через неудачи и бедствия к конечной победе над врагами».

С момента образования правительства я не встречался со многими членами его (помимо Военного Кабинета) и теперь я считал нужным собрать их всех в моей комнате при Палате общин. Их собралось человек 25. Я описал им ход событий и показал им ясно наше сегодняшнее положение и всё, чем мы рискуем. Затем я произнёс совсем случайно, как нечто незначительное:

«Конечно, чем бы ни завершился Дюнкерк, мы будем продолжать борьбу».

Тут произошла манифестация, поразительная, если принять во внимание состав ее: двадцать пять солидных политических деятелей, парламентариев, министров, стоявших до войны на разных платформах, теперь вдруг повскакали со своих мест, кинулись ко мне с криками одобрения и радости. Нет сомнения, что если бы при таком единодушии я не сумел бы вести нацию, то меня следовало бы выкинуть с моего поста. Я был уверен, что каждый министр скорее отдал бы всё свое состояние, свою семью и собственную жизнь, чем принял бы капитуляцию. В этом они достойно представляли Палату общин и почти всю нацию. В течение следующих дней и месяцев мне не раз приходилось выражать их чувства в соответствующих случаях. Я мог это делать, ибо это были и мои чувства. Вся Англия, от края и до края, была возбуждена, захвачена до глубины души, накалена добела.

**
*

Об эвакуации британской и французской армий из Дюнкерка написан точный и подробный отчет. Уже с 20 мая началась подготовка тоннажа — кораблей и мелких судов — под наблюдением адмирала Рамсэя, командира порта в Дувре. Вечером 26 мая на башне Адмиралтейства в Лондоне появился сиг-

нал, обозначавший начало операции «Динамо». Первые партии войск были перевезены в Англию той же ночью. После потери Булони и Калэ в наших руках оставались только гавань Дюнкерка и открытый берег моря до бельгийской границы. В то время мы надеялись вывезти не больше 45.000 человек в два дня. Рано утром 27 мая были приняты экстренные меры для нахождения дополнительных мелких перевозочных средств «для специальной надобности». Это было ничто иное, как полная эвакуация британских экспедиционных сил. Было ясно, что большое количество таких судов понадобится на всем побережье, помимо крупных судов, которые будут грузиться в гавани Дюнкерка. По предложению Риггса, из министерства торгового мореплавания, офицеры Адмиралтейства объехали все лодочные пристани и собрали свыше 40 пригодных моторных лодок, которые на следующий день были собраны в Ширнесе. В то же время в Лондоне были мобилизованы спасательные шлюпки с пассажирских пароходов, стоявших в лондонских доках, буксирные пароходы с Темзы, яхты, рыболовные суда, лихтеры, баржи, прогулочные лодки и т. п. В ночь на 27-ое мая большой флот мелких судов отплыл из Лондона к морю, сперва в порты Ламанша, оттуда к берегу Дюнкерка, навстречу нашей любимой армии.

Как только надобность сохранения секрета отпала, Адмиралтейство, не колеблясь, дало полную волю единодушному движению, охватившему все побережное население южной Англии. Каждый, кто имел моторную, паровую или парусную лодку, отправлялся в ней к Дюнкерку, и приготовления, к счастью, начатые за неделю вперед, были теперь превзойдены блестящей импровизированной мобилизацией добровольных помощников. 29 мая приплыла первая небольшая группа лодок. Это был авангард целого флота в 400 мелких судов, которым суждено было,

начиная с 31 мая, сыграть крупную роль в перевозке с берега на стоявшие вдали корабли почти ста тысяч солдат. В эти дни я лишился заведующего моей комнатой карт в Адмиралтействе, капитана Пим, и еще двух-трех моих знакомых. Они завладели голландским судном, на котором за 4 дня перевезли 800 солдат. Всего у Дюнкерка собралось для спасения армии под непрерывной бомбежкой германской авиации около 840 судов, из которых почти 700 было британских, остальные — союзников.

Вот официальный список судов, принимавших участие в перевозке войск:

БРИТАНСКИЕ СУДА

	Всего	Из них Потоплено	Повреждено
Крейсер	1	—	1
Истребители (эсминцы)	39	6	19
Шлюпы и корветы	5	1	1
Минные тральщики	36	5	7
Тральщики и дрейфтеры	77	17	6
Суда спец. назначения	3	1	—
Дозорные суда	3	1	1
Моторные торпедные лодки	4	—	—
Голландские «скойтс»	40	4	не регистр.
Яхты	26	3	—
Пасажирские суда	45	8	8
Госпитальные суда	8	1	5
Морские моторные шлюпки	12	6	—
Буксиры	22	3	не регистр.
Прочие мелкие суда	372	170	—
Итого	693	226	

СУДА СОЮЗНИКОВ

Военные суда (всех типов)	49	8	не регистр.
Прочие суда	119	9	—
Итого	168	17	
Общий итог	861	243	



Тем временем на побережье вокруг Дюнкерка шло заполнение периметра предмостного укрепления в точности согласно намеченному плану. Войска прибывали из внешнего хаоса и занимали по порядку оборонительные позиции, выросшие как из-под земли в течение двух дней. Части, сохранившие боеспособность, оборачивались лицом назад и составляли фронт. Сильно пострадавшие дивизии, как 2-я и 5-я, держались в резерве на берегу моря и были эвакуированы в первую очередь. В первые дни фронт держали 3 британских корпуса, но с 29 мая, когда французы приняли большее участие в обороне, осталось только два. Неприятель следовал за нами по пятам и упорные бои не прекращались, особенно у Нью-порта и Берг. По мере того, как шла эвакуация, число защитников все уменьшалось и линия обороны все сокращалась. На побережье, среди песчаных дюн, тысячи солдат в течение 3-х, 4-х или 5 дней подвергались непрерывным воздушным атакам. Уверенность Гитлера, что германская авиация сделает эвакуацию невозможной и что он поэтому может сберечь свои танковые дивизии для окончательного удара, не оправдалась, но она могла оправдаться.

Три фактора обманули его ожидания. Во-первых, беспрерывная бомбежка с воздуха войск на побережье причинила им очень мало вреда. Бомбы падали в мягкий песок, который парализовал действие разрыва. После первых оглушительных налетов наши войска были поражены ничтожным количеством жертв. Все побережье было усеяно воронками от взрывов, а результатов — почти никаких. На скалистом берегу было бы гораздо хуже. Теперь наши солдаты не боялись налетов; они спокойно зарывались в песчаные дюны со всё растущей надеждой на спасение. Перед ними было серое, но приветливое

море; на нем — спасительные корабли, а за ним — Родина.

Вторым фактором, непредвиденным Гитлером, было избиение его летчиков. Здесь шло состязание между британскими и германскими аппаратами, сравнение их качеств. Огромным усилием британские истребители добились преимущества в воздухе, и во многом превзошли своих соперников. Ежечасно они вступали в схватки с германскими бомбардировщиками и истребителями, рассеивая их эскадрильи и отгоняя их. Так продолжалось день за днем, пока, наконец, британская авиация не одержала окончательную победу. Где бы ни показались германские самолеты, даже в крупных соединениях, они были немедленно атакованы, хотя бы одной нашей эскадрильей, и несли потери, теперь уже исчислявшиеся сотнями. Уже весь «Метрополитен авиакорпус» — наш заветный резерв для охраны Лондона — был введен в дело. Иногда пилоты наших истребителей делали по 4 боевых вылета в день. Но зато результат был достигнут. Страшные враги сбивались или убивались и, несмотря на свою храбрость, были побеждены и даже запуганы. Это состязание было решающим. К сожалению, наши войска на побережье видели лишь малую часть этой воздушной битвы, разыгравшейся вдали или за облаками. Они не подозревали о тяжелых потерях неприятеля. Они видели только бомбы, взрывавшие побережье, сброшенные прорвавшимися врагами. Их охватывала злость на собственную авиацию, и наши войска, высаживаясь в Дувре и на Темзе, в своем неведении осыпали бранью встречных летчиков. Они должны были бы жать им руки; но откуда им было знать? В Парламенте я старался восстановить истину.

Но вся помощь песка и вся доблесть наших летчиков стоили бы немного, не будь моря. Инструкции, данные 10-12 дней тому назад под влиянием событий,

принесли изумительные плоды. Как на берегу, так и на море царила образцовая дисциплина. Море было спокойно. Тут и там между берегом и стоявшими кораблями мелькали лодочки, доставлявшие солдат с берега, откуда они шли вброд, или подбирая их из воды, с полным пренебрежением к авиабомбам, которые нередко находили свои жертвы: число этих жертв показывает степень их отгаги. Эта «Москито-Армада» (из мелких судов) была, как целое, непотопляема. В разгар нашего поражения наш островной народ покрыл себя славой, единственной и несравненной; и эвакуация Дюнкерка навсегда останется блестящей страницей нашей истории.

Несмотря на доблестную работу наших мелких судов, надо отметить, что наибольшее бремя эвакуации пало на крупные корабли, стоявшие в гавани Дюнкерка, где было погружено две трети всего состава. Главную роль играли миноносцы-истребители, как показывает список. Пассажирские суда, обслуживаемые вольнонаемными командами, также сыграли крупную роль.



Мы следили за ходом эвакуации с тревогой, но и с растущей надеждой. Вечером 27 мая положение лорда Горта в глазах морских авторитетов казалось критическим и капитан флота Теннант, старший морской офицер в Дюнкерке, телеграфировал в Лондон о спешной отправке всех наличных судов в Дюнкерк, «так как эвакуация будущей ночью сомнительна». Картина представлялась мрачной, даже безнадежной. Путем крайних усилий удалось добиться телефонного сообщения и в результате были посланы крейсер, 8 истребителей и 26 других судов. 28 мая было днем крайнего напряжения, которое постепенно спадало по мере того, как положение на бере-

гу упрочивалось благодаря огромной работе британской авиации. Морская авиация, несмотря на тяжелые потери, спасла положение 29-го мая, когда 3 истребителя и 20 прочих судов были потоплены, а многие другие повреждены.

Никогда не возникало вопроса о том, чтобы французов оставить на 2-ую очередь. Вот текст моего приказа, отданного раньше, чем какая-либо просьба или жалоба поступила от французов:

«Премьер-министр — военному министру, начальнику Ген. Штаба и генералу Исмэю . 29.5.40.

Важно, чтобы французы участвовали, поскольку возможно, в эвакуации из Дюнкерка. Они не должны быть ограничены лишь их собственными судами. Необходимо установить контакт с французской миссией в Великобритании или, если необходимо, с французским правительством так, чтобы было как можно меньше упреков. Пожалуй, было бы хорошо эвакуировать две французские дивизии из Дюнкерка, заменив их временно нашими войсками для упрощения командования. Сообщите мне ваши предложения и посоветуйте мне — что предпринять в этом деле?»

«Премьер-министр — генералу Спирсу (Париж) 29.5.40 (передать Рейно для сообщения Вейгану и Жоржу).

Мы эвакуировали около 50.000 из Дюнкерка и с победой и возьмем еще 30.000 сегодня ночью. Фронт может быть прорван в любой момент; пристани, берег, суда могут быть приведены в негодность воздушной бомбежкой или артиллерийским обстрелом с юго-запада. Никто не может сказать, как долго продлятся благоприятные условия и как много нам удастся спасти для будущего. Мы хотели бы, чтобы французские войска приняли участие в эвакуации в возможно большей мере. Адмиралтейство получило инструкции оказать французскому флоту требуемую помощь. Мы не знаем, какое число будет вынуждено капитулировать, но мы должны разделить между собой эту потерю и принять ее без упреков, могущих возникнуть из-за неизбежной сумятицы, напряжения и недоразумений.

Как только мы реорганизуем эвакуированные войска и подготовим силы, необходимые для охраны нашей жизни против угрожающего и, быть может, неизбежного вторже-

ния, мы создадим новые Б. Э. С. Я вызываю регулярные войска из Индии и Палестины; вскоре придут австралийцы и канадцы. Сейчас мы эвакуируем снаряжение из-под Амьена кроме необходимого для пяти дивизий. Но это только для подготовки к надвигающемуся удару; вскоре мы пошлем вам новый план усиления наших войск во Франции. Я сообщаю это по-товарищески. Пожалуйста, говорите со мной откровенно, без стеснений».

**
*

30 мая я собрал в Адмиралтействе совещание трех военных министров (армия, флот, авиация) и трех начальников Штаба. Мы обсуждали последние события на бельгийском побережье. Общее число эвакуированных войск возросло до 120.000, в том числе всего лишь 6.000 французов; 860 судов всякого рода было использовано. Сообщение от адмирала Уэйк-Уокера из Дюнкерка гласило, что, несмотря на интенсивный обстрел и воздушные атаки, в последние часы погружено еще 4.000 солдат. Он полагает, что Дюнкерк не продержится больше одного дня. Я подчеркнул настоятельную необходимость взять оттуда еще возможно больше французских войск. Иначе отношения между нами и союзниками могут сильно испортиться. Я сказал также, что если британские силы там уменьшатся до одного корпуса, то мы должны предписать лорду Горту вернуться в Англию, оставив вместо себя корпусного командира. Британская армия должна задержаться там как можно дольше, чтобы могла продолжаться эвакуация французов.

Хорошо зная характер лорда Горты, я собственноручно написал ему следующий приказ, который был послан ему официально через военное министерство 30 мая:

«Продолжайте защиту предместного укрепления до последней крайности с тем, чтобы максимально прикрывать

эвакуацию, идущую сейчас хорошо. Рапортуйте каждые три часа через Ла-Панн. Если у нас еще будет возможность сношиться с вами, мы пошлем вам приказ о возвращении вашем в Англию с теми из офицеров, которых вы отберете в тот момент, когда вы сочтете, что можно передать командование остающимися силами корпусному командиру. Вы можете уже сейчас назначить этого командира. Если сообщение будет прервано, вам надлежит передать командование и возвращаться как сказано выше, в тот момент, когда ваши наличные боевые силы не будут превышать трех дивизий. Это согласуется в точности с военным Уставом и отнюдь не является какой-либо личной привилегией для вас. Политически это было бы излишним триумфом для неприятеля, если бы он захватил вас в плен вместе с ничтожными силами, еще остающимися под вашим начальством. Корпусный командир, назначенный вами, должен продолжать оборону совместно с французами и эвакуацию из Дюнкерка или с побережья; но когда, по его мнению, дальнейшая организованная эвакуация будет невозможна, и не будет также возможности нанести неприятелю существенных потерь, то ему разрешено по соглашению с французским командующим капитулировать формально, во избежание бесполезного кровопролития».

Возможно, что этот последний приказ отозвался на другом событии и повлиял на судьбу другого доблестного военачальника. Когда я был в декабре 1941 в Белом Доме, я узнал от президента и от мистера Стимсона о судьбе, грозящей генералу Макартуру и американскому гарнизону на Коррегидоре. Я счел уместным рассказать им о том, как мы решили вопрос о главнокомандующем, силы которого уменьшились в несколько раз. Президент и Стимсон оба прочли мою телеграмму с глубоким вниманием, и я был поражен тем впечатлением, какое она на них, повидимому, произвела. Немного позже Стимсон вернулся ко мне и попросил текст телеграммы, который я ему немедленно дал. Возможно (ибо я не знаю наверно), что это подсказало им правильное решение, принятое ими в этом случае, то есть приказ генералу Макартуру передать командо-

вание одному из подчиненных генералов. Таким образом для великого военачальника, которому угрожала гибель или перспектива провести войну в японском плену, открылась возможность продолжать свои блестящие подвиги на службе Родине. Я надеюсь, что это было правильно.

**
*

30 мая чины штаба лорда Горта на совещании с адмиралом Рамсеем в Дувре сообщили ему, что восточная часть предмостного укрепления Дюнкерка может продержаться только до утра 1 июня. Поэтому эвакуация должна была вестись с крайней поспешностью с тем, чтобы к этому сроку на берегу оставался лишь арьергард, численностью не свыше 4.000 человек. Однако позднее нашли, что это число недостаточно для обороны последних позиций, и было решено держать британский сектор до полуночи с 1-го на 2-ое июня так, чтобы в этот период эвакуация шла при полном равенстве французских и британских сил.

Такова была ситуация, когда вечером 31 мая лорд Горт, согласно полученному приказу, передал командование генерал-майору Александеру и возвратился в Англию.

**
*

Чтобы путем личного контакта избежать возможных недоразумений, я счел необходимым 31 мая полететь в Париж на заседание Высшего Военного Совета. Со мною отправились Эттли и генералы Дилл и Исмэй. Я взял также генерала Спирса, который только что прилетел из Парижа с последними новостями. Этот блестящий офицер и член Парламента был моим другом еще с Первой мировой войны.

Состоя офицером для связи между левым крылом французской и правым крылом британской армии, он познакомил меня с генералом Файолем, командиром 33-го корпуса французской армии. Отлично владея французским языком, Спирс, со своими пятью нашивками за ранения, был в данный момент наиболее подходящим лицом для щекотливых разговоров с французами. Когда французы и англичане в чем-нибудь не сходятся, и аргументы не действуют, то французы часто оказываются многоречивы и темпераментны, а англичане — замкнуты и даже грубы. Но Спирс мог сказать высокопоставленным французам то, что нужно, так гладко и убедительно, как никто другой.

На этот раз мы поехали не на Кэ д'Орсэ, но в военное министерство, на улицу Св. Доминика, где Поль Рейно имел свой кабинет. Там нас с Эттли встретили Рейно и Петэн — единственные из числа французских министров. Это было первое появление Петэна — он был теперь вице-председателем Совета — на наших совместных собраниях. Он был в штатском. Наш посол, Дилл, Исмэй и Спирс были с нашей стороны, Вейган, адмирал Дарлан, капитан де Маржери (начальник канцелярии Рейно) и Бодуэн, секретарь французского Военного Кабинета, представляли Францию.

Первым вопросом было положение в Норвегии. Я сказал, что британское Правительство пришло к убеждению, что Нарвик должен быть немедленно эвакуирован. Наши войска, находящиеся там, миноносцы и сотни зенитных орудий нам крайне нужны в других местах. Поэтому мы предлагаем начать эвакуацию 2 июня. Британский флот перевезет во Францию французских солдат, короля Норвегии и те норвежские войска, которые захотят приехать.

Рейно сказал, что французское правительство соглашается с этой политикой. Миноносцы спешно

требуются в Средиземном море на случай войны с Италией. 16.000 солдат были бы очень ценны на фронте реки Эн и на Сомме. Таким образом, этот вопрос был улажен.

Тогда я перешел к Дюнкерку. Повидимому, французы не больше знали о том, что произошло с Северными армиями, чем мы знали о главном французском фронте. Когда я сказал им, что 165.000 солдат, в том числе 15.000 французов были эвакуированы, они были поражены. Они конечно обратили внимание на значительное преобладание британских войск. Я объяснил это тем, что в тылу скопилось большое число нестроевых частей, которые успели погрузиться раньше, чем боевые части подошли с фронта. Помимо того, французы до сих пор еще не имели приказа об эвакуации. Один из главных мотивов моего приезда в Париж, это — убедиться, что французским войскам отданы такие же приказы, как и британским. Три британские дивизии, которые сейчас держат центр, будут прикрывать эвакуацию всех союзных сил. Они, так же как и морской транспорт, послужат британским вкладом в возмещение тяжелых потерь союзников, перед лицом которых мы стоим сейчас. Правительство Его Величества жестокой необходимостью было вынуждено отдать приказ лорду Горту эвакуировать боеспособных и оставить на месте раненых. Если наши надежды исполнятся, то еще 200.000 боеспособных солдат может быть вывезено. Это было бы почти чудом. Четыре дня тому назад я не ручался бы даже за 50.000, как максимум. Я подробно остановился на наших ужасных потерях в снаряжении и боеприпасах. Рейно очень лестно отозвался о работе британского флота и воздушных сил, за что я поблагодарил его. Затем был длинный разговор о способах возвращения британских сил во Францию.

Тем временем адмирал Дарлан набросал телеграмму адмиралу Абриалю в Дюнкерк:

«1) Предмостное укрепление вокруг Дюнкерка будет обороняться дальше силами дивизий, состоящих под вашим начальством и силами британских дивизий.

2) Как только вы будете убеждены, что войска за пределами предмостного укрепления не смогут пробиться к месту посадки на суда, войска, защищающие предмостное укрепление, отступят и погрузятся сами, британские войска в первую очередь».

Я немедленно вмешался и сказал, что британские войска не будут грузиться первыми, но что эвакуация должна происходить поровну одних и других. Британские войска будут в арьергарде. На этом и порешили.

Дальнейшей темой была Италия. Я изложил британскую точку зрения: если Италия вступит в войну, мы должны ударить по ней сразу же и при том самым ощутительным образом. Многие в Италии против войны, и надо сделать всё, чтобы показать сразу всю суровость войны. Я предложил начать с воздушного налета на северо-западный индустриальный район, включающий города Милан, Турин и Геную. Рейно согласился с тем, что союзники должны нанести сильный удар сразу. Адмирал Дарлан сказал, что у него есть готовый план бомбардировки с моря и с воздуха нефтяных запасов Италии, расположенных на побережье между границей и Неаполем. Далее последовало обсуждение технических деталей вопроса.

Затем я упомянул о моем желании, чтобы британские министры вновь образованного Кабинета возможно скорее поближе познакомились со своими французскими коллегами. Например, я бы хотел, чтобы Эрнест Бевин, министр труда и лидер трэд-юни-

онов, посетил Париж. Мистер Бевин проявляет огромную энергию, и под его влиянием британские рабочие теперь отказались от праздничных дней и привилегий в гораздо большем объеме, чем в предыдущую войну. Рейно с воодушевлением приветствовал эту мысль.

После разговоров о Танжере и о необходимости удерживать Испанию от вступления в войну, я заговорил об общих перспективах. «Союзники, — сказал я, — должны создать непоколебимый фронт против всех их неприятелей. . . . Соединенные Штаты взволнованы недавними событиями и, хотя они не вступили в войну, однако они вскоре будут готовы оказать нам широкую поддержку. Вторжение немцев в Англию — если оно последует — окажет еще более глубокое воздействие на США. Англия не боится вторжения и будет сопротивляться ему всеми средствами в каждом селе, в каждой деревушке. Её войска были предоставлены в распоряжение её союзника — Франции — только после учета собственной, внутренней потребности в войсках, как излишек. . . . Я абсолютно убежден, что для победы нам нужно только продолжать войну до конца. Даже если бы один из нас был сражен, то другой не должен прекращать борьбу. Если бы Англия была опустошена и лежала в развалинах, то Британское Правительство готово продолжать войну из Нового Света. Если Германия покорит одного из нас, или обоих, то нам не будет пощады; мы будем навсегда обращены в вассалов или рабов. Будет гораздо лучше, если цивилизация Западной Европы со всеми ее достижениями завершится трагическим, но ослепительно ярким концом, чем если две великие демократии будут влачить жалкое существование, лишенные всего, ради чего стоит жить».

Когда я кончил, Эттли заявил, что он целиком разделяет мою точку зрения.

«Британский народ, — сказал он, — сейчас вполне сознает стоящую перед ним опасность. И он знает, что в случае победы Германии все, созданное британским народом, будет уничтожено. Немцы убивают не только людей, но и идеи. Наш народ сейчас полон твердой решимости, как никогда еще в своей истории».

Рейно благодарил нас за наши слова. Он был уверен, что дух германского народа далеко не соответствует уровню сегодняшних военных триумфов его армии. Если бы Франция могла с помощью Великобритании удержаться на Сомме и если бы американская индустрия помогла выравнять неравенство в оружии, то мы могли бы быть уверены в победе. Рейно был крайне благодарен за мое повторное уверение, что если одна страна не выдержит и сдастся, то другая не прекратит борьбы.

Официальное заседание на этом закончилось.

Когда мы встали из-за стола, то некоторые еще продолжали частным образом разговоры у окна, в несколько иной атмосфере. Старшим среди них был маршал Петэн. Спирс оставался около меня, помогая мне своим французским языком и дополняя мои мысли своими. Молодой француз, капитан де Маржери, уже говорил о войне в Африке. Но вид маршала Петэна — необщительный и хмурый — порождал во мне ощущение, что у него на уме сепаратный мир. Его личность, его репутация, та тихая покорность, с которой он принимал удары судьбы — не говоря уже о его словах — все это производило неотразимое впечатление на тех, с кем ему приходилось иметь дело. Кто-то из французоз, не помню кто, выразил в изысканной манере мысль, что продолжение военных неудач и превратностей может при известных обстоятельствах вынудить изменение иностранной политики Франции. В этот момент Спирс оказался на высоте положения: он обра-

тился к самому Петэну и сказал ему на прекрасном французском языке:

«Я полагаю, вы понимаете, маршал, что это вызвало бы блокаду Франции?» Еще кто-то заметил: «Это пожалуй было бы неизбежным». Тогда Спирс произнес в лицо Петэну: «Это вызвало бы не только блокаду, но и бомбардировку всех французских портов, находящихся в немецких руках». Я был рад, что он это сказал. Я затаил мою обычную песенку: мы будем биться, что бы ни случилось и кто бы ни вышел из строя.

**
*

Ночью были снова незначительные налеты на Париж, а на утро я отправился в обратный путь. Вот информация, ожидавшая моего приезда и моей подписи:

«Премьер-министр — генералу Вейгану. 1.6.40.

Кризис эвакуации настает. Пять эскадрилий истребителей, находящихся в непрерывном действии — это все, что мы имеем. И сегодня утром потоплено бомбами шесть кораблей, полных войсками. Наш артиллерийский огонь фактически бессилён. Неприятель атакует суженное предместное укрепление. Стараясь удержать его до завтра, мы можем потерять все. Уйдя сегодня ночью, многое можно спасти, хотя многое будет и потеряно. Ничего подобного названной вами цифре остающихся французских войск на лицо не имеется, ни в предместном укреплении, ни, вероятно, даже в целом районе. Ситуация не может быть точно оценена ни адмиралом Абриаль, ни вами, ни нами здесь. Поэтому мы приказали генералу Александру, командующему британским сектором предместного укрепления, решить по консультации с адмиралом Абриаль — пытаться ли продержаться до завтра или нет. Надеюсь на ваше согласие».

31 мая и 1 июня я считаю кульминацией, но еще не концом Дюнкерка. В эти два дня свыше 132.000 человек были благополучно высажены в Англии; около одной трети их было взято с побережья на

мелкие суда под жестоким обстрелом с воздуха. 1 июня с рассвета неприятельские самолеты-бомбардировщики развили максимальную деятельность, используя время, когда наши истребители запасались бензином. Их атаки нанесли тяжелые потери нашим скученным судам; за один день потоплено почти столько же, сколько за всю предыдущую неделю. За этот день от воздушных атак, от мин, неприятельских морских сил и несчастных случаев погибло 31 наше судно и 11 было повреждено. На суше неприятель усилил натиск на предместное укрепление, прилагая все усилия к тому, чтобы прорваться. Он был весь день сдерживаем отчаянным сопротивлением арьергарда союзников.

Заключительная фаза была проведена с большим мастерством и точностью. Впервые была возможность планировать вперед, а не быть вынужденным каждый час прибегать к новым импровизациям. На рассвете 2-го июня еще около 4.000 англичан с 7-ю зенитными орудиями и 12-ю противотанковыми пушками оставались вместе со значительными силами французских войск на окраинах Дюнкерка, обороняя все суживавшуюся линию укреплений. Теперь эвакуация была возможна только в темноте и адмирал Рамсэй назначил общую посадку в гавани на сегодняшнюю ночь, мобилизовав для этого все наличные средства. Помимо буксиров и мелких судов, 44 корабля были посланы этим вечером из Англии, включая 11 миноносцев и 14 минных тральщиков. Было еще 40 французских и бельгийских судов. К полуночи посадка британского арьергарда на суда была уже закончена.

Однако это еще не было концом истории Дюнкерка. Мы были готовы отвезти этой ночью значительно большее число французов, чем их явилось. В результате, когда наши корабли, многие из которых были еще пусты, должны были перед зарей

отплыть, большое число французских войск еще оставалось на берегу, в контакте с неприятелем. И так, надо было сделать еще одно усилие. Несмотря на истощение корабельных команд после стольких дней напряженной работы без передышки, наши суда еще раз вернулись в Дюнкерк. 4-го июня 26.175 французов были высажены в Англии, свыше 21.000 из них были перевезены на британских судах. К несчастью, несколько тысяч всё же осталось; они продолжали сражаться в своих укреплениях до утра 4 июня, когда неприятель овладел предместьями города и когда они оказались бессильны. Они храбро сражались в течение многих дней, прикрывая эвакуацию своих британских и французских товарищей. Им пришлось провести следующие годы в плену. Будем помнить, что если бы не стойкость арьергарда в Дюнкерке, то воссоздание армии в Великобритании для внутренней обороны и для конечной победы было бы крайне затруднено.

В конце концов 4 июня в 2 ч. 23 м. дня Британское Адмиралтейство в согласии с французским объявило, что операция «Динамо» закончена.

БРИТАНСКИЕ И СОЮЗНЫЕ ВОЙСКА, ВЫСАЖЕННЫЕ В АНГЛИИ
(по данным Британского Адмиралтейства)

Дата	Взято в Дюнкерке		
	На побережье	В гавани	Всего за день
27 мая	0	7,669	7,669
28 „	5,930	11,874	17,804
29 „	13,752	33,558	47,310
30 „	29,512	34,311	53,823
31 „	22,942	45,072	68,014
1 июня	17,348	45,081	64,429
2 „	6,695	19,561	26,256
3 „	1,870	24,876	26,746
4 „	622	25,553	26,175
Общий итог	98,671	239,555	338,226



Парламент собрался 4 июня, и моей задачей было изложить всю историю сперва публично, затем в закрытом заседании. Здесь я привожу лишь некоторые выдержки из моего отчета, сохранившегося полностью. Было необходимо объяснить не только нашему народу, но и всему миру, что наше решение бороться было вызвано глубокими причинами и вовсе не было безнадежной попыткой. Необходимо было также изложить доводы, на которых я лично основывал свою уверенность в нашем успехе.

«Мы не должны считать эту эвакуацию победой. Войны не выигрываются эвакуациями. Но в этой эвакуации был и элемент победы, который заслуживает упоминания. Эта победа была одержана нашей авиацией. Многие из наших солдат, вернувшихся назад, не видели работы своих летчиков, они видели только германские бомбардировщики, которые ускользнули от наших атак. Эти солдаты недооценивают достижения нашей авиации. Я слышал много разговоров об этом; вот почему я отклоняюсь от своей темы, чтобы отметить этот факт. Я должен рассказать об этом.

Дюнкерк был крупным испытанием, сравнением сил британской и германской авиации. Можно ли представить себе более заманчивую цель для германской авиации, как сделать эвакуацию с этого берега невозможной, как потопить все наши суда, которых собралось тут до тысячи? Можно ли вообразить себе объект, имеющий большее военное значение для исхода войны, чем этот флот? Немцы пытались упорно, но они были отбиты; они не достигли своей цели. Мы спасли свою армию; а они заплатили вчетверо за убытки, которые они причинили нам... Наши аэропланы и наши пилоты оказались лучшими, чем те, какими немцы могли похвастать.

Учитывая, насколько больше были бы наши преимущества при защите наших островов от заморских атак, я должен сказать, что я нахожу в этих фактах прочное основание для оптимизма. Я воздаю хвалу нашим юным летчикам. Великая французская армия была неожиданно для всех смята, отброшена назад и приведена в расстройство нашествием нескольких тысяч танков. Не может ли также случиться, что наша цивилизация будет спасена умением и отвагой нескольких тысяч летчиков?

Нам говорят, что герр Гитлер составил план вторжения на острова Великобритании. Такая мысль возникала не раз и раньше. Когда Наполеон простоял у Булони целый год со своими плоскодонными судами и со своей армией, то кто-то сказал ему: «В Англии трава горькая». Я думаю, что теперь, по возвращении Британских экспедиционных сил, она стала еще более горькой.

Для вопроса внутренней обороны против вторжения весьма показателен тот факт, что в настоящий момент мы располагаем на нашей территории большей военной силой, чем когда-либо в этой войне или в прошлой. Но этого мало. Мы не удовлетворимся оборонительной войной. У нас есть обязательства по отношению к нашим союзникам. Мы должны переформировать и вновь создать Британские экспедиционные силы, под командой их доблестного начальника лорда Горта. Все это уже налаживается; но во время перерыва мы должны поднять оборону нашей страны на такую высоту и ступень организации, чтобы с наименьшими силами достичь полной безопасности в обороне и максимального потенциала в нападении. Над этим мы сейчас работаем».

Я закончил пассажем, который, как мы увидим далее, оказался своевременным и важным фактором для принятия решения Соединенными Штатами Америки:

«Несмотря на то, что значительная часть Европы и многие старые и славные государства попали, или могут попасть, в лапы Гестапо и всего гнусного правительственного аппарата Наци — мы не будем падать ни духом, ни силами. Мы пойдем до конца. Мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и океанах, мы будем сражаться со все растущей уверенностью в победе и все растущей силой в воздухе; мы будем защищать наш Остров, чего бы это нам ни стоило. Мы будем сражаться на побережье, на аэродромах, на полях, на дорогах, на горах. Мы не сдадимся никогда. И если даже случится то, чему я сейчас не верю, если наши острова или большая часть их будут покорены и осуждены умирать от голода, то наша заморская Империя, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока с Божьей помощью Новый Свет со всей своей силой и мощью не выступит вперед для спасения и освобождения Старого Мира.»

6.

ПОГОНЯ ЗА ДОБЫЧЕЙ

Дружба между британским и итальянским народами возникла во времена Гарибальди и Кавура. Каждая стадия освобождения Северной Италии от Австрии и каждый шаг к объединению Италии и её независимости вызывали симпатии «викторианского» либерализма в Англии. Это отношение вызвало в свою очередь у итальянцев теплое и прочное ответное чувство. В декларации Тройственного Соглашения между Италией, Германией и Австро-Венгрией было оговорено, что Италия никогда и ни при каких обстоятельствах не вступит в войну с Великобританией. Британское влияние в значительной степени способствовало тому, что в Первой мировой войне Италия присоединилась к Англии и Франции. Возвышение Муссолини и установление фашизма, как противовеса коммунизму, сперва разделило британское общественное мнение по партийной линии, но не повлияло на общее расположение обоих народов друг к другу. Мы видели, что до замыслов Муссолини в отношении Абиссинии он примыкал к Великобритании в ее оппозиции гитлеризму и германским амбициям. Я рассказал в предыдущем томе печальную историю о том, как политика Болдвина-Чемберлэна в отношении Абиссинии принесла нам худшее из обоих миров, как мы оттолкнули от себя итальянского диктатора, не слолив его силу, и как Лига Наций была оскорблена и вместе с тем Абиссиния не спа-

сена. Мы также видели искренние, но бесплодные попытки Чемберлена, сэра Самуэля Хора и лорда Галифакса использовать период умиротворения Муссолини и вновь снискать его благоволение И, наконец, здесь было растущее убеждение Муссолини в том, что солнце Великобритании закатывается и что будущее Италии может быть с помощью Германии построено на развалинах Великобритании. Следующим шагом было создание оси Берлин — Рим, на основании чего можно было ожидать, что Италия вступит в войну против Англии и Франции в первые же дни войны.

Без сомнения, это была только обычная для Муссолини осторожность, желание посмотреть, как пойдет война, перед тем, как сделать бесповоротный шаг, роковой для него и для его страны. К тому же процесс ожидания был далеко не безвыгодным. За Италией ухаживали с обеих сторон, ее интересы тщательно оберегались, она заключала выгодные контракты и имела время улучшить свое вооружение. Так проходили месяцы «сумерек» — ни мир, ни война. Интересно проследить, какова были бы судьба Италии, если бы эта её политика удержалась. США, с их огромным числом граждан итальянского происхождения, могли бы дать понять Гитлеру, что его попытка перетянуть Италию на свою сторону силой оружия вызовет серьезные последствия. Мир, благоденствие и все растущая мощь были бы наградой Италии за прочный нейтралитет. Раз Гитлер сошелся с Советской Россией, то это благополучие могло продолжаться и дальше, все увеличиваясь, и Муссолини мог и дальше оставаться нейтральным, как мудрейший политик, какого когда-либо имела Италия. Это была бы более приятная перспектива для него, чем та, которая ждала его в действительности.

В годы, следовавшие за 1924, когда я был министром финансов в кабинете Болдвина, я делал все,

что мог, для сохранения традиционной дружбы между Италией и Великобританией. Мы с графом Волпи заключили соглашение о долгах гораздо более выгодное для Италии, чем ее соглашение с Францией. Я получил самую горячую благодарность от Дуче и с трудом отклонил награждение высоким орденом. Помимо того, в конфликте между фашизмом и большевизмом излишне говорить, на чьей стороне были мои симпатии и убеждения. В 1927 году я дважды встречался с Муссолини и наши личные отношения не оставляли желать лучшего. Я никогда не побуждал бы Великобританию к разрыву с Муссолини из-за Абиссинии и не возбуждал бы Лигу Наций против него, если бы мы не были готовы в крайнем случае объявить войну. Муссолини, подобно Гитлеру, понял это и оценил мою кампанию за вооружение Британии, хотя он был очень рад, что общественное мнение Британии не поддержало моих взглядов.

В критической ситуации, созданной неудачным ходом битвы за Францию, моим прямым долгом, как премьер-министра, было всячески удерживать Италию от вступления в конфликт. И, хотя я не тешил себя праздными надеждами, я сразу пустил в ход все средства и влияние, какими я располагал. Через неделю по моем вступлении в должность главы правительства я написал, по желанию Кабинета, обращение к Муссолини, которое вместе с его ответом было опубликовано два года спустя, уже при совершенно иных обстоятельствах.

«Премьер-министр — синьору Муссолини 16.5.40

Сейчас, когда я занял пост премьер-министра и министра обороны, я вспоминаю наши встречи в Риме. И мне хотелось бы — несмотря на глубокую трещину между нами, которая повидимому быстро расширяется — обратиться к вам со словами доброжелательства. Еще не поздно предотвратить реки крови британского и итальянского народов, готовые залить наши поля. Мы без сомнения можем нанести друг другу тяжелые удары, жестоко изувечить друг друга

и омрачить Европу нашей враждой. Если вы на этом настаиваете — будь по сему; но я заявляю, что я никогда не был противником величия Италии, никогда не был в душе врагом ее законодателя и реформатора. Бесполезно пытаться предугадывать исход великой битвы, бушующей сейчас в Европе; но я уверен, что что бы ни произошло на континенте, Англия будет биться до конца, даже если останется совсем одна, как бывало и раньше, и я надеюсь и даже уверен, что нам будут все в большей мере оказывать помощь США, фактически обе Америки.

Прошу вас верить, что не по слабости и не из страха я шлю вам это серьезное обращение, которое войдет в летопись. Заветы истории гласят нам, что наследники Латинской и Христианской цивилизации не должны восставать друг на друга в смертельной вражде. Повинуясь им, я умоляю вас, и заклинаю вас честью, пока страшный сигнал еще не дан. Нами он никогда не будет дан».

Ответ был резок, но по крайней мере искренен.

«Синьор Муссолини — премьер-министру. 18.5.40

Я отвечаю на письмо, посланное вами мне, чтобы сказать, что вам, конечно, известны важные причины — как исторического характера, так и случайные — которые поставили наши две страны друг против друга. Чтобы не заходить слишком далеко в историю, я напому вам о санкциях против Италии, принятых по инициативе вашего правительства в Женеве в 1935 г. только потому, что Италия пыталась обеспечить себе скромное место под солнцем Африки, не причиняя этим ни малейшего ущерба ни вашим, ни чьим-либо интересам или территориям. Я напоминаю вам также о состоянии рабского бесправия, в котором Италия находится фактически на своем собственном море. Если для вас было честью подписать объявление вашим правительством войны Германии, то вы поймете, что то же чувство чести и уважения к обязательствам, содержащимся в итало-германском договоре, руководит сегодня политикой Италии и будет руководить ею завтра, каковы бы ни были последующие события».

С этого момента у нас не могло быть сомнений в намерении Муссолини вступить в войну при первом удобном случае. Его решение фактически было принято в тот момент, когда поражение французских

армий стало очевидным. 13 мая он сказал Чиано, что он объявит войну Франции и Великобритании через месяц. Его официальное решение объявить войну в ближайший удобный срок после 5 июня заявлено начальнику Штаба 29 мая. По просьбе Гитлера срок объявления был перенесен на 10 июня.

**
*

26 мая, когда судьба Северных армий еще висела на волоске, и никто не мог быть уверен в их спасении, Рейно прилетел в Англию, чтобы переговорить с нами на эту тему, которая не выходила у нас из головы. Объявления войны Италией можно было ждать с минуты на минуту. Тогда во Франции вспыхнет новый фронт и новый враг будет топтать ее поля на юге. Можно ли было чем-нибудь откупиться от Муссолини? Так стоял вопрос. Я считал, что нет никаких шансов на это, и каждое предложение французского премьера еще больше убеждало меня в безнадежности всяких попыток. Однако Рейно был под большим влиянием французских кругов, а мы со своей стороны хотели проявить корректность и внимание к нашим союзникам, единственное оружие которых — их армия — было сломлено в их руках. Рейно опубликовал полный отчет об этой своей поездке и особенно о своих переговорах*). Лорд Галифакс, Чемберлен, Эттли и Иден присутствовали тоже на наших собраниях. Хотя мрачных фактов было более, чем достаточно, однако Рейно не верил в возможный выход Франции из войны. Он лично продолжал бы борьбу, однако тут была возможность, что он вскоре будет заменен кем-то другим с иным настроением.

Уже 25 мая мы, по настоянию французского правительства, составили совместную просьбу к прези-

*) Рейно, «Франция спасла Европу». т. 2-й

денту Рузвельту о вмешательстве. В этом послании Великобритания и Франция уполномочивали президента заявить, что нам стало известно о территориальных претензиях Италии к нам на Средиземном море и что мы готовы обсудить немедленно ее обоснованные притязания, что Союзные Державы готовы допустить Италию к участию в мирной конференции на равных правах с воюющими Державами и что мы просили бы Президента следить за тем, чтобы все соглашения, достигнутые теперь, были проведены в жизнь. Президент выполнил нашу просьбу; но его обращение было отвергнуто итальянским диктатором в самой резкой форме. Во время нашей встречи с Рейно мы уже имели этот ответ перед собою. Тогда французский премьер внес более точные предложения. Было очевидно, что если предстояло как-то облегчить «рабское положение Италии на собственном море», то это должно было коснуться Гибралтара и Суэца. Франция готова была сделать такие же уступки в Тунисе.

Естественно, что мы не могли никак приветствовать эти идеи. Не потому, что нельзя было вообще их касаться; не потому, чтобы не стоило приносить такую жертву ради того, чтобы удержать Италию от войны. Мое ощущение было, что при настоящем положении дела мы не могли предложить Муссолини ничего такого, чего он не мог бы взять сам, или получить от Гитлера, в случае нашего поражения. Не легко торговаться, когда вас схватили за горло. Как только мы вступили бы на путь дружественного улаживания наших споров с Дуче, мы тем самым утратили бы силу бороться с ним. Мои коллеги были очень упорны и неподатливы. Наши мысли были направлены скорее на бомбардировку Милана и Турина в момент, когда Муссолини объявит войну, и на то, как это ему понравится. Рейно, который, по видимому, в душе не расходился с нами, казался

убежденным или по крайней мере согласным. Самое большее, что мы могли обещать, это перенести вопрос в заседание Военного Кабинета и послать окончательный ответ на следующий день. Рейно завтракал со мной в Адмиралтействе. Заключение Кабинета изложено в следующей телеграмме, текст которой в большей части своей составлен мною:

«Премьер-министр — г-ну Рейно. 28 мая 40

1. Я и мои коллеги с величайшим и сочувственным вниманием рассмотрели проект нашего совместного обращения к синьору Муссолини с предложением ему ряда уступок, который вы препроводили мне сегодня; при этом мы вполне учитываем то ужасное положение, в котором сейчас находятся наши страны.

2. После нашего последнего разговора на эту тему, произошло новое событие, а именно: капитуляция бельгийской армии, которая сильно изменила наше положение к худшему, ибо очевидно, что шансы армий генерала Бланшара и Горта на эвакуацию через Ламанш стали крайне сомнительны. В такой момент мы не можем рассчитывать, что Германия пойдет нам навстречу и предложит нам приемлемые условия. Но ни вы, ни мы никогда не согласимся потерять нашу независимость без борьбы за нее до конца.

3. В тексте, составленном в прошлое воскресенье лордом Галифаксом, было наше предложение: если бы синьор Муссолини пожелал сотрудничать с нами и совместно найти такое разрешение всех европейских проблем, которое могло бы гарантировать нашу независимость и создать базис для справедливого и длительного мира в Европе, то мы готовы обсуждать его требования в области Средиземного моря. Вы теперь предполагаете добавить некоторые конкретные предложения; но мне кажется, что они не смогут подействовать на синьора Муссолини; с другой стороны, раз они внесены, они потом не смогут быть взяты обратно с тем, чтобы побудить его взять на себя роль примирителя, которую текст, обсуждавшийся в воскресенье, предполагал.

4. Я и мои коллеги полагаем, что синьор Муссолини давно уже предвидел для себя эту роль, без сомнения рассчитывая при этом на какие-то существенные выгоды для Италии. Но мы убеждены, что в этот момент, когда Гитлер окрылен победой и, конечно, рассчитывает на скорое и полное крушение Антанты, для Муссолини будет совершенно

невозможно провести на конференции с успехом какое-либо предложение. Я могу напомнить вам также, что президент США получил совершенно отрицательный ответ на предложение, которое мы сообщали просили его сделать, и что на обращение лорда Галифакса к итальянскому послу в прошлую субботу не последовало никакого ответа.

5. Поэтому, не исключая возможности обращения к синьору Муссолини в какой-то момент, мы чувствуем, что данный момент не является подходящим; и я должен добавить, что по моему мнению, воздействие его на дух нашего народа — сейчас твердый и решительный — было бы крайне опасным. Вам самому виднее, каково было бы его воздействие на Францию.

6. Вы спросите, конечно, какой же выход из положения? Мой ответ таков: надо показать, что, потеряв наши две армии и поддержку нашего союзника, Бельгии, мы однако не потеряли сердца, стойкости и веры в самих себя; и мы снова станем сильны благодаря моральной, а может быть и материальной поддержке США. Более того, мы чувствуем, что пока мы вместе, наш непобежденный флот и воздушные силы, ежедневно уничтожающие германские бомбардировщики и истребители в огромном количестве, дают нам возможность оказывать непрерывное давление на внутреннюю жизнь Германии.

7. У нас есть основания полагать, что немцы также работают по расписанию и что их потери и лишения, совместно со страхом наших налетов, сильно подтачивают их мужество. Было бы подлинной трагедией, если бы, слишком поспешив с признанием своего поражения, мы потеряли бы шанс, который мы могли иметь, для безопасного и почетного выхода из борьбы.

8. По-моему, если мы оба будем держаться стойко, мы еще можем избежать участи Дании и Польши. Наши успехи будут зависеть прежде всего от нашего единения, затем от нашего мужества и выдержки».

Это письмо не помешало французскому правительству сделать несколько дней спустя Италии прямое предложение — от своего лица — территориальных концессий, к которому Муссолини отнесся презрительно. «Его не интересуется, — сказал Чиано французскому посланнику 3 июля, — возвращение Францией территорий путем мирных переговоров. Он

решил воевать с Францией». Это было как раз то самое, чего мы ожидали.



Теперь я ежедневно давал серию приказаний на случай гнусного нападения Муссолини, чтобы иметь возможность немедленно нанести ответный удар.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 28.5.40

1. Пожалуйста передайте Комитету начальников штабов следующее:

Какие меры приняты, в случае вступления Италии в войну, для нападения на итальянские войска в Абиссинии, для поставки оружия и денег абиссинским повстанцам и вообще для внесения смуты в эту страну? Насколько мне известно, генерал Сматс послал бригаду войск в Восточную Африку; там ли она уже? Когда она прибудет? Какие еще распоряжения сделаны? Как велик гарнизон Хартума, включая войска в провинции Голубого Нила? Сейчас для Абиссинии представляется случай освободиться с помощью союзников.

2. Если Франция все еще остается нашим союзником после того, как Италия объявила войну, то было бы крайне желательно, чтобы наши комбинированные флоты, действуя с противоположных концов Средиземного моря, произвели действенную атаку на Италию. Важно, чтобы начало военных действий произошло одновременно на море и в воздухе, чтобы нам видеть их действительные качества, поскольку они изменились с последней войны. Строго оборонительная стратегия, предлагаемая Главнокомандующим Средиземноморских сил, неприемлема. Если окажется, что боевые качества итальянцев невысоки, то нашему флоту в Александрии надлежит проявить активность и идти на риск, а не оставаться в положении пассивной обороны. При этой конъюнктуре надо рисковать на всех театрах.

3. Я полагаю, что Адмиралтейство имеет готовый план на случай, если Франция объявит нейтралитет».

«Премьер-министр — генералу Исмэю (и другим) 29.5.40

Мы должны перебросить 8 батальонов из Палестины домой как можно скорее. Я считаю, что Средиземное море закрыто для перевозки войск. Значит, остается выбор между

Красным морем и Персидским заливом. Исследуйте эти альтернативы (к заливу через пустыню) сегодня же, запросив мнение Адмиралтейства и сообщите мне, когда лучше всего это сделать и о мерах предосторожности.

Австралийцы пока могут быть оставлены в Палестине, но верховный комиссар, как и другие, должны сообразоваться с высшими соображениями государства. Адмиралтейство должно сказать, возможно ли отвезти этих солдат в Южную Африку на быстроходных пассажирских судах».

«Премьер-министр — Первому лорду Адмиралтейства

30.5.40

Какие меры предположены для захвата итальянских судов в момент войны? Сколько их сейчас в британских портах и что может быть сделано с ними на море и в чужих портах? Будьте добры запросить немедленно соответствующие департаменты».

На Высшем Военном Совете в Париже 31 мая, мною уже описанном, было постановлено, что союзники предпримут наступательные операции в заранее намеченных пунктах Италии в первый же возможный момент и что морские и воздушные штабы Франции и Великобритании составят согласованные планы. Мы также пришли к соглашению, что в случае нападения Италии на Грецию — на что были некоторые указания — мы должны обеспечить Крит от возможности попасть в руки неприятеля. Я развил эту тему в своих посланиях.

«Премьер-министр — министру и начштаба авиации.

2 июня 40

Ввиду возможности налетов итальянцев на Лион и Марсель крайне важно, чтобы мы могли нанести ответный удар Италии в момент ее вступления в войну нашими тяжелыми бомбардировщиками. Я считаю поэтому, что эти эскадрильи должны отлететь на аэродромы в Южной Франции немедленно по получении разрешения на то от Франции и как только соединения авиации будут готовы к отлету.

Прошу сообщить мне ваши предложения на заседании сегодня вечером».

«Премьер-министр — министру и начштаба авиации.

6 июня 40

В высшей степени важно, чтобы мы могли нанести удар Италии в самый момент объявления войны или по получении резкого ультиматума. Прошу сообщить мне точное расположение соединений авиации, находящихся на пути к южным аэродромам Франции».

Прежний план Италии, поддерживаемый в особенности Чиано, сводился к нападению на Югославию, то есть к укреплению господства Италии в Восточной Европе и к повышению ее экономического потенциала. Сам Муссолини некоторое время разделял эту концепцию. Грациани свидетельствует, что в конце апреля Дуче сказал ему: «Мы должны поставить Югославию на колени; мы нуждаемся в сырье и мы найдем его в ее рудниках. Поэтому моя стратегическая директива такова: оборона против Запада (Франция) и наступление на Восток (Югославия). Подготовьте разработку проблемы».*) Грациани утверждает, что он настойчиво предостерегал от повторения ошибки кампании 1915, закончившейся поражением на Изонцо, так как итальянские армии и сейчас недостаточно вооружены и снабжены, в особенности артиллерия. Против плана наступления на Югославию были также и политические доводы. Германия в этот момент старалась не вносить смятения в Восточную Европу. Она боялась, что это могло бы вызвать британское вмешательство на Балканах и явиться нечаянным искушением для России, побудив ее обратить внимание на Ближний Восток. Мне была известна эта сторона итальянской политики.

«Премьер-министр — министру иностранных дел. 6 июня 40

Я раньше возражал против объявления войны Италии в случае, если она нападет на Югославию. Я хотел видеть — серьезное это покушение на независимость Югославии или это только потребность в морских базах в Адриатике.

*) Грациани: «Я защищал Родину».

Но теперь ситуация иная. Италия открыто и непрерывно угрожает войной Англии и Франции, а не действует, как раньше, закулисно. Мы так близки к разрыву с Италией по причинам, не имеющим ничего общего с Югославией, что, казалось бы, теперь нашей главной задачей могло бы стать осуществление мобилизации на Балканах. Подумайте об этом!»



Несмотря на крайние старания США, о которых Кордел Холл красочно рассказывает в своих мемуарах, ничто не могло отклонить Муссолини от его цели. Наши приготовления к встрече нового противника и новых осложнений зашли уже довольно далеко, когда этот момент настал. 10 июня в 4.45 дня итальянский министр иностранных дел известил британского посла в Риме, что Италия будет считать себя в состоянии войны с Соединенным Королевством с этой полуночи. Аналогичное извещение было сделано французскому правительству. Когда Чиано вручил свою ноту французскому послу, то Франсуа Понсэ заметил, когда тот уходил: «Вы тоже найдете в немцах суровых хозяев». Со своего балкона в Риме Муссолини возвестил хорошо организованной толпе, что Италия вступила в войну с Францией и Великобританией. «Это был, — как выразился позднее в извиняющемся тоне Чиано, — шанс, который приходит раз в пять тысяч лет». Как видно, такие шансы не всегда приносят счастье.

Итальянцы немедленно атаковали французские войска на альпийском фронте, а Великобритания в свою очередь объявила войну Италии. Пять итальянских судов, задержанных в Гибралтаре, были захвачены, и британский флот получил приказ захватить и привести в порты, контролируемые Великобританией, все итальянские суда, находящиеся в море. В ночь на 12 июня эскадрилья наших бомбарди-

ровщиков, после долгого полета из Англии, сбросила свои первые бомбы над Туринном и Миланом. Мы надеялись в будущем значительно усилить общий вес сбрасываемых бомб, как только можно будет использовать французские аэродромы у Марселя.

Здесь уместно будет рассказать о короткой франко-итальянской кампании. Французы могли выставить только три дивизии, да столько же крепостных войск, чтобы остановить вторжение западной группы итальянских армий, двигавшихся вдоль берега моря (Ривьеры) и через альпийские горные проходы. Эти армии насчитывали 32 дивизии под общим командованием принца Умберто. Кроме того сильный германский танковый отряд быстро спускался по долине Роны и вскоре очутился в тылу у французов. Тем не менее итальянцы были остановлены и всюду теснимы французскими альпийскими частями; это продолжалось даже после падения Парижа и захвата Лиона немцами. Когда 18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене, Дуче мало чем мог похвастать. Поэтому новое итальянское наступление было начато 21 июня. Однако французские позиции в Альпах оказались неприступными, а наступление крупных итальянских сил на Ниццу было остановлено в окрестностях Ментоны. Но, хотя на юго-восточной границе французская армия и спасла свою честь, продвижение немцев к югу в тылу французов сделало дальнейшую оборону невозможной и заключение перемирия с Германией совпало с французской просьбой к Италии о прекращении военных действий.



Мой рассказ об этой итальянской трагедии может быть дополнен письмом ко мне несчастного Чичано, написанным незадолго до его казни по приказу Муссолини.

«Синьор Черчилль

Верона, 2 декабря 1943

Не удивляйтесь, что ввиду близкого часа моей смерти я обращаюсь к вам, кого я глубоко уважаю, как истинного рыцаря, хотя вы и произнесли однажды несправедливое утверждение обо мне.

Я никогда не был сообщником Муссолини в этом преступлении против нашей страны и человечества, в этой войне бок о бок с немцами. В действительности это было наоборот. Если 1-го августа прошлого года я исчез из Рима, то это потому, что немцы убедили меня, что моим детям грозит страшная опасность. После того, как они обязались взять меня в Испанию, они выслали меня и мою семью, против моей воли, в Баварию. Теперь я нахожусь около 3-х месяцев в тюрьме в Вероне, где немецкие эс-эсовцы обращаются со мною варварски. Мой конец близок; мне сказали, что в течение нескольких дней вопрос о моей смерти будет решен. Смерть будет для меня лишь освобождением от этой ежедневной пытки. И я предпочитаю умереть, чем быть свидетелем позора и непоправимого ущерба, причиняемого Италии хозяйничанием этих гуннов.

Все мое преступление, которое я теперь должен искупить, состояло в том, что я был свидетелем, который с омерзением наблюдал холодные, жестокие и циничные приготовления к этой войне, проделанные Гитлером и немцами. Я был единственным иностранцем, который видел вблизи эту отвратительную клику бандитов, готовящихся погрузить мир в кровавую войну. Теперь, по обычаям гангстеров, они хотят избавиться от опасного свидетеля. Но они просчитались, так как уже задолго я поместил мой дневник и все важные документы в надежное место. И они докажут лучше, чем я сам мог бы это сделать, преступления, совершенные теми людьми, с которыми позже этот трагический, отвратительный шут Муссолини объединился благодаря своему тщеславию и пренебрежению к моральным ценностям.

Я сделал распоряжение, чтобы немедленно по моей смерти эти документы о существовании которых сэр Перси Лорэн знал уже во время своей миссии в Риме, были переданы в руки прессы союзников.

Быть может то, что я предлагаю вам сейчас, не имеет большой цены, но это, да еще моя жизнь — это все, что я могу отдать делу свободы и справедливости, в победу которых я фанатически верю.

Это мое завещание должно быть опубликовано, чтобы мир мог знать, ненавидеть и помнить и чтобы те, кто будут произносить свой суд, знали, что несчастье Италии было вызвано не ошибками всей нации, но позорным поведением одного человека.

Искренно ваш Дж. Чиапо.



Речь президента Рузвельта была произнесена в ночь на 10 июня. Около полуночи я слушал ее вместе с группой офицеров в военном зале Адмиралтейства, где я еще сидел за работой. Когда президент произнес саркастические слова по адресу Италии: «Сегодня, 10 июня, рука, сжимавшая кинжал, вонзила его в спину своего соседа» — послышался глухой рокот удовлетворения. Меня интересовало голосование итальянцев на приближающихся президентских выборах; но я знал, что Рузвельт был наиболее опытным из всех американских политиков, хотя при этом он никогда не боялся идти на риск там, где он был твердо уверен в своем решении. Это была великодушная речь, полная интуиции и пафоса, и она несла нам надежду. Впечатление ее на меня было так сильно, что перед тем, как лечь спать, я выразил ему свою благодарность следующим письмом:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

Мы все слушали вас этой ночью и были восхищены и обнадежены могучим размахом вашей декларации. Ваше заявление о том, что США окажут Союзным державам материальную помощь в их борьбе, является огромной поддержкой в этот мрачный, но не безнадежный час. Все возможное должно быть сделано для поддержания Франции в ее борьбе, для недопущения даже мысли о сдаче Парижа, ибо эта мысль уже сама по себе становится поводом для разговоров о мире. Надежда, которую вы подаете французам, может придать им силы устоять. Они должны упорно оборонять каждую пядь своей земли и полностью использовать боевую мощь своей армии. Тогда Гитлер, обманутый в своих ожиданиях, обернется против нас; но мы готовимся

к тому, чтобы встретить должным образом его ярость и отстоять наши острова. Благодаря спасению Британских экспедиционных сил у нас достаточно войска дома и, как телько наши дивизии получают снабжение и вооружение, необходимое для войны на континенте, они будут посланы во Францию.

Мы намерены послать во Францию сильную армию для кампании 1941. Я уже телеграфировал вам насчет аэропланов, включая гидропланы, которые так необходимы для нас в надвигающейся борьбе за существование Великобритании. Но еще острее наша нужда в миноносцах-истребителях. Преступное поведение Италии вынуждает нас считаться с большим числом неприятельских подводных лодок, которые могут оперировать в Атлантике, имея стоянки быть может в испанских портах. Против них единственным оружием являются истребители. Ничто для нас так не важно сейчас, как 30 — 40 старых истребителей, которые вами уже отремонтированы. Мы можем очень быстро снабдить их нашими асдиками*) и они могут помочь нам выдержать ближайшие 6 месяцев, пока ни будут закончены постройкой наши собственные, новейшей конструкции, истребители. Мы вернем вам ваши истребители, или эквивалент им, в любое время, если вы предупредите нас за 6 месяцев. Ближайшие 6 месяцев для нас имеют решающее значение. Мы должны неусыпно охранять наше восточное побережье от вторжения; и если в то же время новые мощные германо-итальянские подводные лодки будут непрерывно вести атаки на наш торговый флот, то наши оборонные средства не выдержат этого двойного напряжения, и наша океанская торговля — наш источник жизни — может быть задушена. Нельзя терять ни одного дня. Я шлю вам мою и моих коллег сердечную благодарность за все, что вы делаете и стараетесь делать для того, что теперь действительно может быть названо «общим делом».



Погоня за добычей началась. Но Муссолини был не единственным голодным зверем, алчущим поживы. К шакалу присоединился теперь медведь.

*) Асдик — прибор для обнаружения подводных лодок.

В предыдущем томе я проследил историю англо-советских отношений вплоть до начала войны; я отметил взаимную враждебность, возросшую во время советского нападения на Финляндию и клонившуюся к полному разрыву между СССР и Англией и Францией. Теперь Германия и Россия работали заодно так тесно, как только позволяло глубокое различие их интересов. Гитлер и Сталин имели много общего между собою, их государственные системы были родственны — обе были тоталитарны. Молотов при каждом важном случае смотрел в глаза германскому послу, графу Шуленбургу, угодливо и лгливо одобряя германскую политику и восхваляя военные мероприятия Гитлера. Когда Германия напала на Норвегию, Молотов сказал 9 апреля, что советское правительство понимает эту меру, как вынужденную. ...«Англичане зашли слишком далеко, они совершенно игнорировали права нейтральных государств. Мы желаем Германии, — заключил Молотов, — полного успеха в ее оборонительных мероприятиях*»). 10 мая Гитлер счел нужным известить Сталина о своем нападении на Францию и на нейтральные Нидерланды. «Я позвонил Молотову, — пишет Шуленбург, — он вполне оценил известие и добавил, что он понимает, что Германия должна была обезопасить себя от Англо-французского нападения. Он не сомневался в нашем успехе**»).

Хотя все эти высказывания стали известны лишь по окончании войны, мы и раньше не делали себе иллюзий по поводу настроений России. Тем не менее мы продолжали политику терпения и старались восстановить с Россией отношения доверительного характера, надеясь на ход событий и на естественный антагонизм России и Германии. Мы полагали разум-

*) «Нацистско-советские отношения» 1931-41, стр. 138.

***) «Нацистско-советские отношения» 1931-41 г. стр. 143.

ным использовать способности Стаффорд Крипса, отправив его послом в Москву. Он охотно принял на себя эту мало привлекательную задачу. Мы тогда еще не осознали в достаточной мере, что советские коммунисты ненавидят левых политиков еще больше, чем правых и либералов. Чем ближе человек к коммунизму по своим убеждениям, тем более неприемлемым он является для СССР, если он не состоит в партии. Советское правительство согласилось на назначение Крипса и объяснило этот шаг своим германским союзникам. «СССР, — писал Шуленбург в Берлин 29 мая, — заинтересован в получении от Англии резины и олова взамен строительного леса. Нет оснований для каких-нибудь опасений по поводу миссии Крипса, так как нет оснований сомневаться в лояльности СССР по отношению к нам и так как неизменная линия советской политики в отношении Англии исключает возможность поворота Советского правительства против Германии. Нет никаких поводов думать, что последние успехи Германии вызвали тревогу или страх у Советского правительства».

Крушение Франции, разгром ее армий и нарушение европейского равновесия не могли не вызвать реакции в уме Сталина; но, повидимому, все это не послужило советским вождям предостережением и не привело к сознанию серьезной опасности, грозившей им самим. 18-го июня, когда разгром Франции достиг апогея, Шуленбург писал в Берлин:

«Молотов вызвал меня сегодня вечером к себе и передал мне самые горячие поздравления советского правительства по поводу блестящих успехов германских вооруженных сил».

Это произошло почти точно за год до того, как эти самые вооруженные силы, застигнув советское правительство врасплох, обрушились на Россию лавиной стали и огня. Мы теперь знаем, что уже в 1940 году, всего 4 месяца спустя после разговора

Молотова с Шуленбургом, Гитлер принял окончательное решение раздавить Советский Союз силой оружия; и он начал постепенно и незаметно стягивать свои победоносные армии к востоку. Год спустя советское правительство и его агенты и сообщники во всем свете забыли о своем просчете в ставке на Гитлера и подняли вопли о помощи, о создании 2-го фронта, в котором Великобритания — еще недавно ими приговоренная к развалу и рабству — должна была играть главную роль.

Мы расценивали будущее вернее, чем эти хладнокровные спекулянты, мы понимали их интересы и опасность их положения лучше, чем они сами. Теперь я впервые обратился к Сталину.

«Премьер-министр — господину Сталину 25 июня, 40

В этот момент, когда лицо Европы меняется с каждым днем, я хотел бы использовать случай представления вам нового посла Его Величества и просить его вручить вам это мое письмо.

Географически наши две страны лежат на противоположных окраинах Европы, а с точки зрения формы правления они основаны на двух глубоко различных системах политического мышления. Однако я верю, что, несмотря на эти различия, наши две страны могут установить между собою гармоничные и взаимно благотворные отношения.

В самом недалеком прошлом наши отношения были, надо признать, затруднены взаимными подозрениями; в августе прошлого года советское правительство решило, что интересы Советского Союза требуют разрыва переговоров с нами и установления тесных сношений с Германией. Германия стала вашим другом в тот самый момент, когда она стала нашим врагом.

Но с тех пор возник новый фактор, который, смею думать, заставляет желать, чтобы обе наши страны восстановили прежний контакт настолько, чтобы совещаться друг с другом относительно европейских дел, в которых обе они насущно заинтересованы.

В настоящий момент перед всей Европой, включая и наши две страны, стоит проблема: как государствам и наро-

дам Европы реагировать на стремление Германии установить свою гегемонию над всем континентом?

Тот факт, что обе наши страны лежат не в Европе, а по краям ее, ставит их в особое положение. Они обе могут лучше, чем остальные страны, сопротивляться гегемонии Германии и, как вам известно, Британское правительство решительно намерено использовать свое географическое положение и свои огромные ресурсы для сопротивления.

Политика Великобритании направлена на две цели: первое, это уберечься самим от германского владычества, которым нацистское правительство угрожает нам; второе, это освободить остальную Европу от владычества, которое Германия сейчас уже наложила или налагает на них.

Советский Союз один только может судить о том, является ли претензия Германии на гегемонию в Европе угрозой для интересов СССР, и если да, то как лучше всего можно охранить эти интересы. Но я чувствую, что кризис, охвативший Европу и, в сущности, весь мир, настолько серьезен, что я решаюсь изложить вам откровенно общее положение, каким оно представляется Британскому правительству. Это, я надеюсь, поможет устранению возможных недоразумений при переговорах Советского правительства с сэром С. Крипсом на тему о политике правительства Его Величества и о его готовности обсуждать с Советским правительством любую из обширных проблем, созданных стремлением Германии к завоеваниям и захватам в Европе».

Ответа на это письмо конечно не было. Я и не ожидал его. Сэр Стаффорд Крипс благополучно дошел до Москвы и даже удостоился приема у Сталина — формального и холодного.



Тем временем Советское правительство было занято захватом добычи. 14 июня, в день падения Парижа, Москва послала ультиматум Литве, обвиняя ее и другие Балтийские государства в военном заговоре против СССР и требуя смены правительства и военных концессий. 15 июня Красная Армия окку-

пировала Литву и президент Сметона бежал в Восточную Пруссию. Та же участь постигла Латвию и Эстонию. Были немедленно назначены про-советские правительства, и в городах были оставлены советские гарнизоны. О сопротивлении не могло быть и речи. Президент Латвии был увезен в СССР, и господин Вышинский прибыл с тем, чтобы назначить временное правительство, которое должно было провести новые выборы. В Эстонии произведено то же самое. 19 июня Жданов прибыл в Таллин для установления нового режима. В начале августа все требования дружественных просоветских демократических правительств были отвергнуты, и Кремль присоединил Балтийские государства к СССР.

Советский ультиматум Румынии был вручен румынскому послу 26 июня в 10 час. вечера. Москва требовала передачи ей Бессарабии и северной Буковины; ответ требовался немедленный. Германия, хотя и раздраженная этими стремительными действиями Советского Союза, которые угрожали ее экономическим интересам в Румынии, была связана условиями Германо-советского Пакта августа 1939, который признавал исключительные политические интересы России в этой части юго-восточной Европы. Поэтому германское правительство советовало Румынии уступить. 27 июня румынские войска покинули провинции, требуемые СССР, и эта территория перешла в советские руки. Вооруженные силы СССР теперь твердо закрепились на берегах Балтийского моря и в устье Дуная.

7.

НАЗАД ВО ФРАНЦИЮ

4 — 12 июня

Когда стало известно общее число войск, вывезенных из Дюнкерка, вздох облегчения пронесся по Англии и по всей Империи. Было чувство огромного облегчения, почти триумфа. Благополучное возвращение четверти миллиона солдат, цвета нашей армии, ощущалось, как поворотный пункт после ряда лет наших неудач. Работа Южной железной дороги, отдела перевозок военного министерства, портов в устье Темзы и прежде всего Дувра — где свыше 200.000 солдат было выгружено и быстро развезено по стране — заслуживает высшей оценки и похвалы. Войска вернулись только с винтовками и штыками, да еще с сотней другой пулеметов. Они получили семидневный отпуск домой. Их радость от встречи с родными и семьями не могла превозмочь в них стремления рассчитаться с неприятелем как можно скорее. Те, кто бились против немцев на поле сражения, были уверены, что при равных условиях они могут побить их. Дух этих войск был превосходный и они в радости возвращались в свои полки и батареи.

Все офицеры военного министерства и департаментов, как постоянный состав, так и временно прикомандированные, работали на полный ход, днем и

ночью, не щадя своих сил. Я лично ощущал необычный подъем, и моя память легко и послушно подавала мне сведения из запаса, накопленного за всю жизнь. Я был опьянен спасением нашей армии. Я привожу здесь на всякий случай мои директивы департаментам и лицам, подчиненным Военному Кабинету, написанные мною в те дни. Генерал Исмэй передавал их начальникам штабов, а Бриджес — Военному Кабинету и департаментам. Ошибки были исправлены, недостатки пополнены. Поправки и улучшения были часто необходимы, но в общем на 90% дело шло так быстро и гладко, как ни в какой из диктатур.

Вот мои первые мысли в тот момент, когда выяснилось, что наша армия спасена:

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

2.6.40

Успешная эвакуация Брит. эксп. сил произвела революцию в нашей внутренней обороне. Как только части Б.Э.С. переключат на оборону страны, мы будем иметь массу обученных войск в стране, ожидающих гигантского удара неприятеля. Даже 200,000-ная десантная армия неприятеля нас не устрасит. Трудность высадки, риск и потери быстро возрастают после начальных 10,000. Мы должны сразу переключиться на новую ситуацию. Целый ряд вопросов должен быть пересмотрен, главным образом военным министерством, но также и Соединенными Штабами:

1. В какой кратчайший срок Б.Э.С. могут восстановить свою боеспособность?

2. По какому плану они должны быть организованы? Для службы здесь в первую очередь и лишь впоследствии для отправки во Францию? В общем, я стою за это.

3. Во Франции наши Б.Э.С. должны быть немедленно реорганизованы, иначе Франция не будет продолжать войну. Даже если Париж будет потерян, Францию надо умолять продолжать партизанскую войну в гигантских размерах. Надо иметь в виду создание предместного укрепления во Франции и пункта высадки в Бретани, где могла бы развернуться большая армия. Нам надо иметь детально разработанные планы, которые смогут убедить французов, что

есть выход из положения, если только они будут иметь волю и настойчивость.

4. Как только Б.Э.С. будут реорганизованы, три дивизии должны быть посланы в подкрепление двух наших дивизий, стоящих к югу от Соммы или туда, где они будут в то время. Надо подумать, не послать ли туда сразу Канадскую дивизию? Составьте план.

5. Если бы неделю тому назад мы знали то, что мы знаем сейчас об эвакуации Дюнкерка, то Нарвик представлялся бы нам совсем в ином свете. Даже сейчас вопрос о задержании там гарнизона на несколько недель, если он сможет продержаться сам, без нашей помощи, заслуживает рассмотрения. Я ненавижу всякую нерешительность, колебания и перемены. Однако письмо министра экономической войны и недавняя телеграмма Главкомандующего имеют решающее значение.

6. Запросите у Адмиралтейства последний отчет о состоянии флотилии миноносцев-истребителей с указанием прибывших пополнений и ожидаемых в течение июня, и сколько ожидается из ремонта?

7. Теперь можно было бы заменить 8 регулярных батальонов в Палестине 8-ю батальонами туземных войск из Индии **немедленно**, так как по прибытии в Англию они должны быть включены в кадры новых Б.Э.С.

8. Как только австралийцы высадутся, привезшие их корабли должны отправиться обратно и отвезти 8 или 10 территориальных батальонов в Бомбей. Там они возьмут домой снова 8 регулярных батальонов из Индии, а из Англии отвезут в Индию еще 8 или 10 территориальных батальонов. Надо подумать, поскольку тот же принцип может быть применен к батареям в Индии.

9. Надо предвидеть, что наши потери в снаряжении могут задержать проектируемое расширение наших Б.Э.С.: вместо 20 дивизий, намеченных через 12 месяцев, до максимум 15 дивизий через 18 месяцев (после начала войны). Но мы должны иметь проект, чтобы представить его французам. Основные силы были бы: танковая дивизия, 51-ая, канадцы и 2 территориальных дивизии лорда Горта — к середине июля, и пополнение этих сил шестью дивизиями, сформированными из 24 регулярных батальонов с приданными территориальными, 2-й канадской дивизии, одной австралийской дивизии и двух территориальных дивизий

к концу 18-го месяца войны. Быть может удастся даже улучшить этот расчет.

10. Крайне необходимо иметь по крайней мере 12 бригадных групп, образованных из регулярных Б.Э.С. для внутренней обороны.

11. Какое воздушное содействие намечено для прикрытия окончательной эвакуации сегодня ночью? Надо по возможности ослабить натиск на арьергард в критический момент».

Я заканчиваю общие замечания. Так как лично я меньше опасался германской попытки вторжения в Англию, а скорее ожидал прорыва французской обороны на реках Сомме и Эн и падения Парижа, то я, естественно, ожидал, что немцы изберут 2-й вариант. Эта вероятность сильно возросла благодаря тому, что они учитывают, что сейчас вооруженные силы Великобритании гораздо крупнее, чем они были когда-либо раньше, и что немецкие войска будут встречены в Англии не неопытными новичками, и испытанными бойцами, которые уже дали немцам такой отпор, что те не могли серьезно помешать их эвакуации. Но ближайшие несколько дней, пока Б. Э. С., или хотя бы некоторая часть их, не будет реорганизована, должны считаться еще критическими».

**

Но, конечно, была и теневая сторона Дюнкерка. Мы потеряли все снаряжение армии, все, что ей дали до сих пор наши фабрики и заводы: 7,000 тонн боеприпасов, 90,000 винтовок, 2,300 орудий, 82,000 повозок, 8,000 Брен орудий и 400 противотанковых ружей.

Много месяцев пройдет, пока эти потери будут возмещены, даже если неприятель не будет прерывать нашей производительной работы и программа будет выполнена в срок.

Однако по ту сторону Атлантики, в США, в умах и сердцах руководящих людей уже кипели бурные мысли и эмоции. Точный и превосходный отчет об этих событиях дал Стетиниус, достойный сын моего старого товарища по оружию в Первой мировой

войне, одного из моих лучших друзей. Там сразу учли тот факт, что британская армия могла вырваться на свободу, только бросив все свое снаряжение. Уже 1 июня президент отдал приказы военному и морскому департаментам представить сведения, сколько и какое оружие может быть предоставлено Великобритании и Франции. Главой американской армии, как начальник Штаба, был генерал Маршалл, не только солдат испытанных качеств, но и человек необычайной проницательности. Он немедленно приказал начальникам артиллерийского и инженерного снабжения и своему помощнику начальника штаба представить списки наличных запасов снабжения. Через 48 часов списки были представлены и 3 июня генерал Маршалл утвердил списки посылаемого снабжения. Первый список содержал полмиллиона винтовок 30-го калибра из числа двух миллионов, изготовленных в 1917 — 18 гг. и сохранявшихся в теплом сале свыше 20 лет. На каждую было 250 патронов. Далее было 900 75-миллиметровых орудий с миллионом унитарных патронов, 80,000 пулеметов и много прочего. В своей превосходной книге Стетиниус говорит:

«Так как каждый час был важен, то было решено, что армия пошлет все (на сумму 37 миллионов долларов) на имя одной фирмы, которая перешлет это немедленно Великобритании и Франции».

Начальник артиллерийского снабжения, генерал-майор Уэссен, должен был руководить операцией, и уже 3 июня все склады и арсеналы американской армии начали упаковку материалов для погрузки на пароходы. К концу недели более 600 тяжело нагруженных вагонов подвозили груз к военным пристаням в Нью-Джерси. 11 июня дюжина английских грузовых судов вошли в залив, стали на якорь и погрузка началась при помощи лихтеров.

В результате этой необычной меры США сами остались со снаряжением всего лишь на 1,800.000 солдат, минимальной цифрой, допустимой американским мобилизационным планом. Все это легко воспринимается сейчас, но в то время это было актом высочайшего доверия и глубокой проницательности США — лишиться самим значительной части своего оружия ради помощи стране, которую считали уже побежденной. Им никогда не пришлось раскаиваться в этом. Мы благополучно перевезли этот драгоценный груз через океан в течение июля, и он не только составил нашу материальную базу, но и оказался весьма важным фактом в стратегических расчетах — как друзей, так и врагов, — связанных со вторжением в Великобританию.

**

Кордел Холл в своих мемуарах касается этого пункта:

«В ответ на жалобные мольбы Рейно о помощи, президент убеждал Черчилля послать Франции аэропланы; но премьер-министр отказал. Буллит — посол США в Париже, — возмущенный этим отказом, сообщил президенту и мне свое опасение, что англичане сберегают свой воздушный и морской флот, как козыри для переговоров с Гитлером. Однако президент и я думали иначе. Франция была кончена, но мы были убеждены, что Великобритания, под твердым руководством Черчилля, намерена продолжать борьбу. Между Лондоном и Берлином переговоров не может быть. Как раз накануне телеграммы Буллита Черчилль произнес в Палате общин свою великолепную речь...

Президент и я были уверены, что Черчилль сказал то, что он думал. Если бы у нас были какие-нибудь сомнения в том, что Великобритания будет

продолжать войну, то мы никогда не сделали бы тех шагов, какие мы сделали, оказав ей материальную помощь. Было бы абсурдно посылать Великобритании оружие, если бы мы допускали мысль, что еще до получения оружия правительство Черчилля сдастся Германии».

**
*

Месяц июнь был особенным испытанием для всех нас, так как при нашем беспомощном положении мы были раздираемы двумя противоположными стремлениями: с одной стороны, наши обязательства к Франции, с другой стороны, потребность создать дома боеспособную армию и укрепить наш Остров. Двойное напряжение противоположных, но весьма жизненно-важных потребностей было очень тяжело. И тем не менее мы держались твердой и неизменной линии поведения без излишней нервности. В первую очередь было необходимо послать хоть сколько-нибудь обученную и снаряженную армию для восстановления Б. Э. С. во Франции. Затем наши усилия должны были быть посвящены обороне наших островов: во-первых, воссозданию и вооружению регулярной армии; во-вторых, укреплению вероятных мест высадки; в-третьих, вооружению и организации населения, поскольку это было возможно; и, конечно, переброске из Империи на наши острова всех сил, какие мы могли там собрать. В тот момент наиболее грозной опасностью нам казалась высадка сравнительно небольших, но крайне подвижных германских танковых отрядов, которые могли бы смять и взорвать нашу оборону; а затем десанты парашютистов. Я был занят всем этим в тесном контакте с новым военным министром, которым стал Антони Иден.

Для восстановления нашей армии согласно выработанным нами директивам Антони Иден и его

министерство составили надлежащую схему. Семь подвижных бригадных групп уже имелось налицо. Дивизии, вернувшиеся из Дюнкерка, были пополнены, перевооружены, поскольку возможно, и размещены по своим стоянкам. С течением времени бригадные группы были заменены дивизиями. Были образованы 14 территориальных дивизий прекрасного состава, прошедшего 9-месячную подготовку в условиях войны и частично вооруженного. Одна из них, 52-я, была уже вполне готова для отправки за море. Была также 2-я танковая дивизия и четыре армейские танковые бригады в процессе формирования, еще без танков. И, наконец, 1-я канадская дивизия, в полном снаряжении.

Нехватка была не в людях, а в оружии. Свыше 80.000 винтовок было обнаружено во Франции, на складах и базах к югу от Сены, и к середине июня каждый солдат регулярных частей имел по крайней мере свою винтовку в руках. У нас было очень мало полевой артиллерии, даже в регулярных дивизиях. Почти все новые 25-ти фунтовые орудия были потеряны во Франции. Оставалось около 500 18-ти фунтовых, 4,5 дюймовых и 6-ти дюймовых гаубиц. Было всего лишь 103 тяжелых танка, 114 пехотных и 252 легких танка. 50 пехотных танков было в Англии, в батальоне Королевского танкового полка, остальные были в тренировочных школах. Никогда еще великая нация не стояла такой беззащитной перед лицом своих врагов.

**

Я с самого начала был в тесном контакте с моими старыми друзьями, теперь стоявшими во главе правительств Канады и Южной Африки.

«Премьер-министр — м-ру Макензи Кингу. 5 июня 40

Положение Великобритании значительно улучшилось благодаря чудесной эвакуации Б.Э.С., которая дала нам

армию, вполне способную справиться с попыткой вражеского вторжения. Эвакуация была также сравнением сил британской и германской авиации. Немцы оказались неспособны помешать эвакуации, несмотря на громадное численное превосходство, и их потери втрое превышали наши. По техническим причинам британские воздушные силы смогут гораздо успешнее защищать территорию Великобритании, чем они действуют за морем. Главная еще остающаяся опасность — это авиационные заводы, но если наша воздушная оборона настолько сильна, что враг может прилететь только в темные ночи, то точность попаданий будет невелика. Поэтому я твердо верю, что Англия сможет продолжать войну, защитить свои острова и Империю и выдержать успешно блокаду.

Не знаю, удастся ли удержать Францию в войне, или нет. Я надеюсь, что да; в худшем случае там будет партизанская война в широких размерах. Мы восстанавливаем Б.Э.С., помимо других соединений.

Нужно постараться, чтобы американцы не смотрели сквозь розовые очки на перспективы крушения Великобритании, в результате которого они, якобы, могли бы завладеть британским флотом и стать хранителем Британской Империи, исключая острова Великобритании. Если бы США участвовали в войне и если бы Англия была частично завоевана, то естественно, что такое положение могло бы возникнуть. Но в случае, если Америка останется нейтральной, а мы были бы одолены, я не могу сказать, какую линию политики могло бы взять прогерманское правительство, какое, несомненно, было бы поставлено.

Хотя президент является нашим лучшим другом, но до сих пор мы не получили от США практически никакой помощи. Мы и не ожидали, что нам будет послана военная помощь, но они не послали нам даже сколько-нибудь стоящей поддержки в виде миноносцев-истребителей, или аэропланов, или прихода их эскадры в порты южной Ирландии. Всякое влияние, оказанное вами в этом направлении, было бы для нас неоценимой услугой.

Мы глубоко благодарны вам за вашу помощь и за 4 канадских истребителя, которые уже действуют против германских подводных лодок. Всего хорошего».

Смэтс, находясь далеко в Южной Африке и не имея последних известий о положении воздушной

обороны Великобритании, естественно, рассматривал трагедию Франции с точки зрения ортодоксальных принципов: «Сосредоточить все силы в решающем пункте». Я имел преимущество, ибо знал факты и, кроме этого, пользовался советами маршала воздушных сил Даудинга, которому были подчинены отряды наших истребителей. Если бы мы со Сметсом могли провести вместе полчаса в разговоре, и я мог бы показать ему цифры, то мы, несомненно, пришли бы к полному согласию, как это бывало всегда.

«Премьер-министр — генералу Сметсу.

9 июня 40

Мы, конечно, делаем все, что можем, как в воздухе, так и посылая дивизии немедленно по их вооружении во Францию. Было бы ошибкой послать во Францию главные силы наших истребителей: если бы они не вернулись, что весьма вероятно, то мы не могли бы продолжать войну. Я думаю, что перед нами более значительная, суровая, но и многообещающая задача. Отражение германских налетов на Великобританию (при чем мы можем сосредоточить большие силы, чтобы сбивать 4 или 5 вражеских самолетов за один наш) гораздо важнее, чем бои во Франции, где мы всегда будем в меньшинстве и вряд ли сможем сбивать даже два за один наш, и где наш воздушный флот может быть уничтожен на земле, на открытых аэродромах. Общий результат битвы во Франции не изменится от числа эскадрилий, которые мы туда пошлем. Даже если, пожертвовав ими, мы сдержим неприятеля, то Гитлер может немедленно бросить все свои воздушные силы на наш беззащитный остров и уничтожить в дневной атаке наши заводы, то есть возможность дальнейшего производства. Классические принципы войны, о которых вы упоминаете, в этом случае изменяются благодаря количественным данным. **Я вижу только один верный путь сейчас, это считать, что Гитлер попытается атаковать Англию и при этом лишится своего воздушного оружия.** Если это случится, то к зиме Европа восстанет против его ига, а США, вероятно, после президентских выборов обратятся тоже против него. Шлю вам привет по кабелю. Всегда рад услышать ваш совет, мой старый, доблестный друг».



Исключая наши последние 25 эскадрилий истребителей, которые были неприкосновенным резервом, мы считали своим наивысшим долгом посылать помощь французской армии. Переброска во Францию 52-й дивизии лоулендеров должна была, согласно предыдущим приказам, начаться 7 июня. Этот срок был теперь подтвержден. 3-я дивизия, под начальством генерала Монтгомери, первой была назначена к подготовке и отправке. Первая канадская дивизия, перебросенная в Англию в начале года, прекрасно вооруженная, была назначена, по соглашению с правительством Канады, в Брест; ее отправка назначалась на 11 июня, на что сейчас было уже мало надежды. Две французские легкие дивизии, эвакуированные из Норвегии, были также посланы домой вместе со всеми французами — частями и одиночками — эвакуированными из Дюнкерка.

Итак, нам предстояло послать наши две единственные сформированные дивизии — 52-ю лоулендеров и 1-ю канадцев — за море, в помощь нашему слабейшему союзнику, Франции; послать в момент смертельного кризиса, когда вся ярость Германии должна была обрушиться на нас самих. Но мы должны были это сделать за счет нашего кредита, так как за первые восемь месяцев войны мы смогли послать французам очень мало. Сейчас, вспоминая все это, я поражаюсь, как в тот момент, когда мы решились вести войну до конца, будучи под угрозой вторжения немцев, когда Франция очевидно была накануне падения, как у нас хватило решимости лишить себя последней реальной военной силы, какая у нас еще оставалась? Это было возможно только потому, что мы сознавали трудности перехода Ламанша без обеспеченного превосходства на море и в воздухе и без необходимых десантных средств.

У нас была еще во Франции, за Соммой, 51-я дивизия хайлендеров, которая отступила с линии Мажино и была еще в хорошем состоянии, и 52-я дивизия лоулендеров, которая должна была прибыть в Нормандию. Была также наша 1-я (и единственная) танковая дивизия, кроме одного танкового батальона и вспомогательной группы, которые были посланы в Калэ. Однако эта последняя понесла тяжелые потери при попытках перейти Сомму, выполняя план Вейгана. К 1 июня в ней осталась всего треть состава и она была послана в тыл, за Сену на пополнение. В то же время была сформирована сборная часть под именем «группа Боман»; она состояла из 9 импровизированных пехотных батальонов с некоторым количеством противотанкового оружия. У нее не было ни транспортных средств, ни частей связи.

10-я французская армия вместе с этими британскими частями пыталась удерживать фронт на Сомме. 51-я дивизия одна держала участок фронта в 16 миль, да и остальная армия была в таком же напряжении. 4-го июня британские части совместно с французской дивизией и французскими танками атаковали германское предмостное укрепление у Аббевилля, но безуспешно.

5 июня началась последняя фаза битвы за Францию. Французский фронт занимали 2-я, 3-я и 4-я армейские группы: 2-я обороняла Рейн и линию Мажино; 4-я стояла вдоль реки Эн, а 3-я занимала участок от Эн до устья Соммы. Эта третья группа состояла из 6-й, 7-й и 10-й армий, а все британские силы во Франции составляли часть 10-й армии. Весь этот громадный фронт, на котором стояло в этот момент около полутора миллиона солдат, или 65 дивизий, должен был теперь быть атакован 124 германскими дивизиями, сведенными в три армейские группы: приморский сектор Бок; центральный сектор — Рундштедт; восточный сектор — Леиб.

Они атаковали последовательно 5-го, 9-го и 15-го июня. Вечером 5 июня мы узнали, что германское наступление началось в тот день утром на фронте 70 миль от Амьена до шоссе Лан-Суассон.

В битве у Дюнкерка мы видели, как германские танки держались позади и не пускались в ход, приберегаемые для решающей фазы во Франции. Теперь же все они устремились на слабый, импровизированный, трепещущий французский фронт между Парижем и морем.

Я могу здесь рассказать только о битве на приморском фланге, где мы принимали участие. 7-го июня немцы возобновили свои атаки, и две танковые дивизии устремились к Руану, разрезая 10-ю французскую армию. 9-й французский корпус, британская дивизия хайлэндеров, две французские пехотные дивизии и две кавалерийские дивизии или то, что осталось от них, — оказались отрезанными от остальной части 10-й армии. Группа «Боман» при поддержке 30 британских танков теперь пыталась прикрыть Руан. 8 июня они были оттянуты назад к Сене и в ту же ночь немцы вошли в город. Наша 51-я дивизия с остатками 9-го французского корпуса были отрезаны и очутились в мешке между Руаном и Дьеппом.

Для нас было очень важно, чтобы эта дивизия не была оттянута на запад к Гавру и таким образом не оторвалась от главных сил британской армии. Командующему дивизией, генерал-майору Форчену, был передан приказ отступать, если это необходимо, к Руану. Но это движение было воспрещено французским командованием, которое уже начинало действовать вразброд. Мы представили несколько настойчивых возражений, но они не имели результата. Упорное нежелание смотреть правде в глаза привело к гибели французского 9-го корпуса и нашей 51 дивизии. 9 июня, когда Руан был уже в руках немцев,

наши части почти вновь дошли до Дьеппа, в 35 милях к северу. Лишь тогда пришел приказ отступить к Гавру. Дивизия была послана назад, прикрывать движение, но раньше, чем главные силы двинулись, появились немцы. Ударив с востока, они достигли берега моря, и большая часть нашей 51-й дивизии вместе с французами была отрезана. Это был пример полной безответственности, так как именно эта опасность была очевидной уже три дня тому назад.

10 июня после упорного сражения дивизия отступила, вместе с французским 9 корпусом, к порту Сэн-Валери в надежде эвакуироваться морем. В то же время все наши остальные части на Гаврском полуострове поспешно и без потерь погрузились на суда. В течение ночи с 11 на 12 июня сильный туман препятствовал эвакуации войск в Сэн-Валери. Утром 12 июня передовые германские отряды с юга достигли береговых утесов и берег был под прямым обстрелом. В городе появились белые флаги — французский корпус капитулировал в 8 ч. утра, а остатки дивизии хайлэндеров были вынуждены к капитуляции в 10.30 утра. Только 1350 британских офицеров и солдат и 930 французов успели спастись; 8000 англичан и 4000 французов попали в руки 7-й танковой дивизии, которой командовал генерал Ромель. Я был раздражен тем, что французы не позволили нашей дивизии отступить на Руан вовремя, задержали ее до тех пор, пока она уже не могла ни достигнуть Гавра, ни отступить к югу, и таким образом заставили ее сдаться вместе с ними. Судьба дивизии хайлэндеров была сурова; но несколько лет спустя они были отмщены теми шотландцами, которые пришли на их место, восстановили дивизию, слив ее с 9-й шотландской и прошли победным маршем через все поля битв, начиная с Эль-Аламейна до конечной победы за Рейном.

11 июня около 11 часов утра было получено письмо от Рейно, который также послал каблог-грамму президенту США. Трагедия Франции разверзлась до дна. В течение нескольких дней я настаивал на созыве Верховного Совета. Мы уже не могли собраться в Париже. Нам не сказали, каковы там условия. Несомненно, германские тараны были уже близко. Мне было не легко добиться свидания, но сейчас было не до церемоний. Нам надо было знать, что Франция намерена делать? Теперь Рейно сообщил мне, что он может принять нас в Бриар, близ Орлеана. Правительство переехало из Парижа в Тур. Главная квартира была у Бриар. Рейно назвал аэродром, на который я должен был прибыть. Я приказал приготовить «Фламинго» в Хендоне после полудня и, получив полномочия от моих коллег в утреннем заседании Кабинета, сел в самолет около 2-х часов дня. Перед отъездом я послал каблог-грамму президенту:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 11 июня 40

Французы снова вызывают меня; это означает, что кризис наступил. Сейчас отправляюсь. Все, что вы можете сказать или сделать, чтобы помочь им, может изменить дело. Мы также в тревоге насчет Ирландии. Американская эскадрилья в Берхавен может сыграть большую роль, я уверен».



Это была моя четвертая поездка во Францию; и так как на первом плане стояли военные проблемы, то я просил военного министра Антони Идена поехать со мной, а также и генерала Дилла и, конечно, генерала Исмэя. Германская авиация теперь доминировала в большей части Ламанша и нам пришлось широко огигать район ее господства. Как и прежде, наш «Фламинго» шел под эскортом двенадцати Спитфайров. Часа через два мы спустились на небольшой посадочной площадке. Там было не-

сколько французов и вскоре появился на автомобиле полковник. Я старался улыбаться и сохранять уверенный вид, какой люди обычно принимают, когда дела идут очень плохо, но француз был вял и неразговорчив. Я сразу почувствовал, насколько ухудшились наши дела за эту неделю с моего последнего приезда в Париж. Вскоре нас доставили в замок, где нас ожидали Поль Рейно, маршал Петэн, генерал Вейган, генерал авиации Вьюэмен и другие, включая сравнительно молодого генерала Де Голля, который только что был назначен товарищем министра обороны. Возле, на железнодорожных путях, стоял поезд Главной Квартиры, в котором жили некоторые из нашей группы. В замке был всего один телефон, в ванной комнате; он был все время занят и добиться разговора было почти невозможно.

В семь часов началась конференция. Генерал Исэмэй вел протокол. Я отмечаю только главные мои впечатления, которые вполне соответствуют протоколу. Не было ни упреков, ни взаимных обвинений. Мы все стояли лицом к лицу перед суровыми фактами. Мы, англичане, не знали точно, где проходит фронт; и, конечно, было опасение прорыва германских танков и даже захвата нас. Дискуссия шла на следующие темы: я настаивал перед французским командованием на защите Парижа. Я подчеркивал огромное значение обороны гигантского города, от дома к дому, против чужеземной армии. Я напомнил маршалу Петэну ночи, проведенные нами вместе в его поезде у Бовэ после разгрома 5-й британской армии в 1918 году; и как он (я не сказал ничего о Фёше) восстановил положение. Я также припомнил ему, как Клемансо сказал: «Я буду сражаться перед Парижем, в Париже и за Парижем!»

Маршал Петэн отвечал мне очень спокойно и с большим достоинством, что в те дни он имел ударную армию в шестьдесят с лишним дивизий; теперь

не было никакой. Он упомянул, что тогда на фронте было 60 британских дивизий. Обратив Париж в груды развалин, мы не добьемся нужного результата.

Тогда генерал Вейган изложил военное положение, поскольку он знал его, в беспорядочной битве, происходящей в 50 — 60 милях отсюда; и он отозвался с большой похвалой о доблести французской армии. Он настаивал на посылке всех имеющихся резервов, в особенности на немедленном введении в бой всех британских эскадрилий истребителей.

«Тут, — сказал он, — решающий пункт. Сейчас решающий момент. Поэтому сейчас ни одной эскадрильи нельзя держать в Англии».

Но, в соответствии с решением нашего Кабинета, принятом при участии главного маршала воздушных сил Даудинга, которого я специально пригласил на заседание, я отвечал:

«Нет, не здесь решающий пункт и не сегодня решающий момент. Этот момент настанет, когда Гитлер бросит свою «луфт-ваффе» на Великобританию. Если мы сможем сохранить господство в воздухе и на морях — что мы безусловно сможем — то мы всё выиграем и вернем вам назад. 25 эскадрилий истребителей должны быть сохранены любой ценой для защиты Ламанша и Великобритании, и ничто не заставит нас от этого отказаться. Мы намерены продолжать войну, что бы ни случилось, и мы верим, что сможем вести её без конца, но отдать эти эскадрильи, значило бы остаться без шанса на выигрыш».

В этот момент я попросил, чтобы на заседание был приглашен генерал Жорж, главнокомандующий Северо-западным фронтом, находившийся неподалеку.

Генерал Жорж явился. Уведомленный о ходе заседания, он подтвердил отчет о состоянии французского фронта, сделанный Вейганом. Я снова изло-

жил план партизанской борьбы. Германская армия не так сильна, как кажется. Если все французские армии, каждая дивизия, каждая бригада будут биться на своем участке с крайним упорством, то можно остановить напор немцев. Мне отвечали, что все дороги забиты беженцами, подгоняемыми пулеметным обстрелом с германских самолетов; что жители повально бегут из своих домов; что вся административная машина парализована, равно как и военный контроль. Мимоходом генерал Вейган заметил, что, может быть, Франции следует просить о перемирии. Рейно огрызнулся на него: «Это дело политики». Я сказал (по записи Исмэя):

«Если Франция в своей агонии считает, что ее армия должна капитулировать, то не беспокойтесь о нас, ибо что бы вы ни решили, мы будем бороться дальше и дальше». Когда я сказал, что французская армия, сражаясь где бы то ни было, может задержать и истощить сто германских дивизий, то генерал Вейган возразил:

«Если даже и так, то у них найдется еще сотня дивизий, чтобы новым нашествием завоевать нас. Что вы тогда сделаете?»

На это я ответил, что я не военный эксперт, но что мои технические советники того мнения, что лучший метод защиты островов Великобритании был бы потопить немцев сколько возможно при переезде через море, а остаток расстрелять по выгрузке их на берег. Вейган ответил мне с горьким смехом:

«В таком случае я должен допустить, что у вас очень хорошие противотанковые препятствия».

Это были последние острые слова, которые я слышал от него. Во всей этой жалкой дискуссии надо принять во внимание, что я был мучим чувством досады и унижения, что Великобритания с ее 48 миллионами населения не смогла существеннее помочь в сухопутной войне против Германии и что до сих

пор 0,9 всех потерь людьми и 0,99 страданий пало на Францию и только на одну Францию.

Час спустя мы поднялись из-за стола и отправились мыть руки, пока наш стол накрывали для обеда. Во время этого перерыва я поговорил частным образом с генералом Жоржем и предложил ему: во-первых, продолжать сопротивление, как на фронте, так и партизанскую войну в горных районах, и во-вторых, — отступление в Африку, которое неделю тому назад я рассматривал, как «пораженчество». Мой почтенный собеседник, который, хотя и был облечен высокими полномочиями, однако никогда не имел случая возглавлять французские армии, казалось не очень верил в мои проекты.

Я лишь слегка коснулся событий тех дней, но тогда у всех нас было ощущение агонии как в уме, так и на душе.



Около 10 часов вечера мы сели за обед. Я сидел между Полем Рейно и генералом Де Голлем. Был подан суп, омлет, или что-то в этом роде, кофе и легкое вино. Даже здесь, в нашем страшном горе, под германским ударом мы сохраняли полное дружелюбие. Но тут произошла неприятная интермедия. Читатель припомнит мою идею о жестоком ударе на Италию в момент ее вступления в войну. Согласно этому плану, британские тяжелые бомбовозы будут отправлены на юг Франции, на аэродромы близ Марселя, с тем, чтобы совершить налеты на Турин и Милан. Теперь уже все было приготовлено для нанесения удара. Только мы сели за стол, как маршал авиации Баррат, командующий Британскими воздушными силами во Франции, вызвал к телефону Исмэя и сказал, что местные власти возражают против полета британских самолетов из тех соображений, что

налет на Италию вызовет репрессалии на южную Францию, которые англичане не в состоянии будут ни предотвратить, ни отразить. Рейно, Вейган, Иден, Дилл и я покинули стол и после короткого совещания Рейно согласился дать приказ французским властям не препятствовать отлету британских самолетов. Но поздно ночью маршал Баррат сообщил, что французы загромоздили аэродром повозками и грузовиками так, что английские самолеты не могли стартовать к полету.

Когда мы покинули обеденный стол и уселись с кофе и коньяком, Рейно сказал мне, что маршал Петэн сообщил ему, что Франция должна просить о перемирии и что он написал уже текст, который хочет дать ему прочесть. «Он еще не передал его мне, добавил Рейно. Он все еще стыдится сделать это». Петэн, должно быть, также стыдился такой просьбы Вейгана дать им наши последние 25 эскадрилий истребителей, так как он твердо решил, что всё потеряно и что Франция должна сдаться. Таким образом все мы улеглись в постели со стесненным сердцем — одни в полуразрушенном замке, другие в купе воинского поезда, стоявшего неподалеку. Через три дня немцы вошли в Париж.

**
*

Рано утром мы возобновили наше совещание. Маршал авиации Баррат был с нами. Рейно возобновил вопрос о присылке еще пяти британских эскадрилий истребителей во Францию, а генерал Вейган сказал, что он крайне нуждается в дневных бомбардировщиках, чтобы возместить недостаток войск. Я уверил их, что весь вопрос об усиленной помощи Франции посылкой воздушных сил будет рассмотрен с полным вниманием и сочувствием в Военном Кабинете немедленно по моем возвращении в Лондон; но

я снова подчеркнул, что было бы роковой ошибкой лишить Великобританию в такой момент ее самой надежной защиты*).

К концу этого короткого заседания я поставил следующие вопросы:

1) Не явятся ли народные массы Парижа и его предместий препятствием, способным разделить и задержать неприятеля, как в 1914 или как в Мадриде?

2) Не дало ли бы это возможность организовать контрудар соединенными британскими и французскими силами на нижнем течении Сены?

3) Если период координированной войны кончается, не будет ли это значить, что силы врага будут равномерно рассеяны? Не будет ли возможна война колоннами и атаки на линии сообщения противника? Достаточны ли ресурсы неприятеля для того, чтобы сдерживать все завоеванные страны и в то же время сражаться с армиями Франции и Англии?

4) Нет ли возможности продлить сопротивление, пока не вступят в войну США?

Генерал Вейган, соглашаясь с идеей контрудара на нижней Сене, возразил, что его силы недостаточны для такого удара. Он добавил, что, по его мнению, немцы имеют достаточно свободных сил, чтобы держать в подчинении завоеванные страны так же, как и большую часть Франции. Рейно присовокупил, что немцы сформировали 55 новых дивизий и построили от 4000 до 5000 тяжелых танков с начала

*). В связи с этим интересно отметить заявление генерала Гамелэна в Верховном Совете авиации 15 марта 1938: «В случае, если Британия придет нам на помощь, то можно рассчитывать, что она придет на наши аэробазы свои бомбардировщики. Наоборот, весьма мало вероятно, чтобы она согласилась послать во Францию соединения истребителей, ответственных за защиту ее собственной территории».

войны. Это было, конечно, громадным преувеличением.

В заключение я выразил надежду, что если последуют какие-либо перемены в положении, то французское правительство немедленно даст знать об этом британскому правительству с тем, чтобы мы могли прибыть и встретиться в каком-нибудь подходящем месте раньше, чем будут приняты бесповоротные решения, которыми будет предопределено поведение Франции во второй фазе войны.

Мы распрощались с Петэном, Вейганом и штабными офицерами. Больше мы никогда с ними не встречались. Наконец, я поймал адмирала Дарлана и поговорил с ним наедине. «Дарлан, вы не должны отдавать им французский флот». Он мне торжественно обещал, что он этого никогда не сделает.

Недостаток бензина нужного сорта не дал возможности нашим 12 Спитфайрам эскортировать наш «Фламинго». Нам приходилось выбирать: ждать, пока дело с бензином уладится, или рискнуть лететь без охраны. Мы были уверены, что погода будет облачная и нам было необходимо спешно возвращаться. Итак, мы поднялись одни, вызвав эскорт нам навстречу, по возможности над Ламаншем. Когда мы приблизились к морю, небо прояснилось и теперь уже было безоблачным. В 8000 футов под нами, с правой стороны, лежал горящий Гавр. Дым относилось к востоку. Эскорта не было видно. Теперь я заметил, что капитан о чем-то совещается и внезапно наш аэроплан пикировал и выравнился в каких-нибудь 100 футах над морем; на этой высоте аэроплан обычно не виден сверху. Но что случилось? Я узнал позднее, что были замечены два германских самолета, обстреливавших рыбацьи лодки. Наше счастье, что пилоты не смотрели вверх. Наш эскорт встретил нас у берегов Англии и наш верный «Фламинго» благополучно опустился у Хендона.

В пять часов того же дня я докладывал Военному Кабинету о результатах своей миссии.

Я описал состояние французских армий, как оно было обрисовано на конференции генералом Вейганом. В течение шести суток они бились день и ночь и теперь были близки к полному истощению. Наступление неприятельской армии силою в 120 дивизий, при поддержке танков, обрушилось на 40 французских дивизий, которые не могли удержаться ни в одном пункте. Бронечасты противника привели в полное расстройство штабы и командные пункты французской армии, которая оказалась без контроля и командования. Она докатилась теперь до последней линии, на которой было еще возможно организованное сопротивление. Эта линия была уже прорвана в двух или трех местах; и если она не удержится, то генерал Вейган не сможет продолжать борьбу.

Генерал Вейган, очевидно, уже не видел шансов на успех борьбы, а маршал Петэн совершенно определенно считал, что нужно заключать мир. Он был убежден, что Франция систематически разрушается немцами, и что его долг — спасти то, что еще осталось от неминуемой гибели. Я уже упоминал о его меморандуме на эту тему, который он показал Рейно, но не дал ему прочитать. Я сказал тогда:

«Петэн, без сомнения, является опасным человеком при этой конъюнктуре: он всегда был пораженцем, даже в последней войне».

С другой стороны, Рейно, повидимому, вполне определенно был за борьбу, а генерал Де-Голль, присутствовавший на конференции, стоял за партизанскую войну. Он был молод и энергичен и произвел на меня крайне благоприятное впечатление. Я считал вероятным, что если эта линия сопротивления не удержится, то Рейно предложит ему командование. Адмирал Дарлан также заявил, что он ни-

когда не сдаст французский флот немцам: в крайнем случае, сказал он, он пошлет его в Канаду; но тут, конечно, французские политики могли взять верх над ним.

Было ясно, что организованное сопротивление Франции подходит к концу, и в истории войны заканчивается целая глава. Но французы могли бы продолжать борьбу какими-то другими способами. Ведь могло быть даже два французских правительства: одно из них могло заключить мир, а другое могло организовать сопротивление во французских колониях, продолжать войну на море при помощи французского флота и в самой Франции вести партизанскую войну. Но еще рано было говорить об этом. Хотя еще некоторое время мы могли оказывать поддержку Франции, но теперь мы должны сосредоточить главные усилия на обороне наших островов.

8.

ОБОРОНА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Июнь 1940

Тот, кто будет читать эти строки годы спустя, должен учесть, насколько непроницаемо и обманно то покрывало, за которым скрыто наше Будущее. Теперь, оглядываясь назад, нетрудно разглядеть, где и когда мы были несведущи или чересчур встревожены, в чем мы были слишком беспечны или неловки. Дважды в течение двух месяцев мы были застигнуты врасплох. Захват Норвегии и прорыв у Седана, со всеми их последствиями, показали смертельную опасность германской агрессии. Что еще у них было наготове, разработанное до мельчайших подробностей? Набросятся они внезапно с каким-нибудь новым оружием, точно рассчитанным планом и с непреодолимой силой на нашу неподготовленную и беззащитную Англию, высадившись на одном из 20 удобных мест на побережье? Или они предпочтут напасть на Ирландию? Нельзя было предусмотреть всего и в то же время было бы непростительно допустить какую-то для них возможность, не приняв мер предосторожности в этом направлении.

«Будьте уверены, — сказал доктор Джонсон, — если человек знает, что ему через две недели грозит повешение, то он отлично умеет сконцентрировать свою мысль». Я всегда был уверен в нашей победе, но

тем не менее события меня все время подхлестывали и заставляли быть активным, чему я теперь очень рад. 6 июня было для меня импульсом, но никак не параличом. Мои заметки, которые я диктовал, лежа в постели в то утро и обдумывая мрачные перспективы, показывают разнообразие вопросов, по которым нужно было дать указания и решения.

Прежде всего я вызвал министра снабжения, Герберта Моррисона, для доклада о ходе работ в области ракет и чувствительных запальных приспособлений для борьбы с авиацией; затем министра авиационной промышленности, лорда Бивербрука, для недельного доклада о ходе проектирования и производства автоматических прицелов для бомб и мало-высотных R.D.F.*) и аппаратов для улавливания звуков. Я делал это с тем, чтобы обратить внимание этих двух новых министров с их обширными департаментами на эти вопросы, которыми я уже давно интересовался. Я просил Адмиралтейство перевести по крайней мере 50 обученных и полубоученных пилотов на время в команду истребителей. 55 таких пилотов действительно приняли участие в большой воздушной битве. Я предлагал приготовить эскадрилью для удара на Турин и Милан в случае, если бы Италия вступила в войну с нами. Я просил у военного министерства аэропланы для формирования Голландской Бригады в согласии с желанием Нидерландского правительства в изгнании. Я настаивал перед министром иностранных дел на признании бельгийского правительства (кроме короля, находившегося в плену) за единственную конституционную власть Бельгии; настаивал на поощрении мобилизации в Югославии в противовес угрозам Италии. Я предлагал, чтобы аэродромы в Бардуфоссе и Скаарнланде, сооруженные нами у Нарвика, были приведены в негодность при помощи бомб замедленного действия, закопанных в землю. Я вспоминал, как нем-

*) Радиопеленгатор.

цы применили с успехом этот метод в 1918 году и не дали нам возможности воспользоваться железной дорогой после их окончательного отступления. Увы! у нас не оказалось бомб замедленного действия нужных размеров. Я беспокоился о наших кораблях, стоявших в гавани Мальты в ремонте, ввиду все возраставшей враждебности Италии к нам. Я писал длинные послания министру снабжения по поводу домашней заготовки лесных материалов. Это было одним из наиболее радикальных методов понизить тоннаж нашего ввоза. Кроме того, ведь мы были на долгое время лишены норвежского леса.

Я мечтал о регулярных войсках для воссоздания и пополнения нашей армии. Войны не выигрываются героическим народным ополчением.

«Премьер-министр — военному министру 6 июня 40

1. Уже больше двух недель тому назад мне было сказано, что 8 батальонов могут быть взяты из Индии и прибыть сюда через 6 недель по отдании приказа. Приказ был дан немедленно. Однако только теперь эти батальоны отправляются в путь кругом Африки и значит придут сюда только к 25 июля.

2. Австралийцы прибывают на больших кораблях; но они, повидимому, потеряли неделю в Кейптауне, а теперь они делают всего 18 узлов, вместо предписанных 20. Они ожидают сюда к 15-му июня; так ли это? Во всяком случае, как только они придут, на эти большие суда должны быть немедленно посажены территориальные войска — чем больше, тем лучше — самое лучшее 12 батальонов и посланы как можно скорее в Индию. Как только эти суда придут в Индию, они должны взять на борт следующие 8 регулярных батальонов для доставки в Англию, снова с максимальной скоростью. Потом они отвезут еще одну партию территориальных войск в Индию. Дальнейшие переброски могут быть намечены позже. Всё, что я требую сейчас, — это чтобы крупные суда ходили туда и обратно полной скоростью.

3. Я очень огорчен тем, что дело с батальонами из Палестины из-за местных препятствий оказалось в тупике. Совершенно естественно, что генерал Уэйвел смотрит на

дело только со своей точки зрения. Но здесь мы должны заботиться о воссоздании хорошей армии с тем, чтобы загладить, поскольку возможно, тот прискорбный факт, что мы не могли поддержать Францию надлежащим образом в течение первого года войны. Вспомните, что в первый год прошлой войны мы ввели в дело 47 дивизий и, что это были дивизии из 12 батальонов плюс сапёрный батальон, а не из 9, как сейчас. Мы являемся поистине жертвами нашего расслабляющего бюрократизма.

4. Ввиду спасения Британских экспедиционных сил я готов подождать замены восьми батальонов из Палестины восемью туземными индийскими батальонами при условии, что эти последние будут отправлены сразу; но вы не указываете срока прибытия их. Я все еще не получил ответа на мой запрос о возможности послать эти британские батальоны и их индийскую замену через Басру и Персидский залив.

Не откажите в любезности сообщить мне эти сведения в первую же очередь.

5. Я готов также обсудить как альтернативу или немедленный шаг, посылку домой, т.е. в Англию, остатка австралийского корпуса. Быть может вы составите для меня записку об этом, указав, в частности, даты предполагаемых перебросок.

6. Не думайте, что я забываю о положении на Среднем Востоке. Наоборот, мне кажется, что нам надо брать от Индии гораздо больше; что нам надо наладить непрерывный поток индийских войск в Палестину и в Египет через Бомбей, Карачи и пустыню. В настоящее время Индия вносит ничтожную лепту в общее дело. В прошлую войну, мы не только взяли из Индии все регулярные войска за первые 9 месяцев (гораздо больше, чем сейчас), но целый индусский корпус к Рождеству уже сражался во Франции. Наша слабость, медлительность, отсутствие энергии ясно выделяется на фоне того, что было 25 лет тому назад. Я серьезно думаю, что вы, Ллойд и Эмери могли бы вывести наши дела на Среднем и Дальнем востоке из состояния каталепсии, в котором они находятся».

**
*

Это было время, когда все англичане работали и напрягались до последних сил в беспрецедентном еди-

нении. Мужчины и женщины работали на заводах и фабриках, на станках и при машинах до полного истощения сил, пока они не падали в изнеможении на пол и увозились домой в то время, как их места занимались вновь пришедшими. Все мужчины и многие женщины просили только об одном — дать им оружие. Кабинет и правительство были связаны воедино узами, память о которых до сих пор жива и дорога для всех. Чувство страха повидимому совершенно исчезло в народе, а его представители в Парламенте оказались достойными своих избирателей. Мы не страдали, подобно Франции, под немецким сапогом. Ничто не действует на англичан так сильно, как угроза нашествия, которого Англия не знала уже тысячу лет. Она вызвала в народе готовность победить или умереть. Не было надобности в ораторах, чтобы подымать дух народных масс. Они были рады слышать, как я излагаю их чувства и мотивы их действий. Единственный случай расхождения был с людьми, которые хотели делать даже больше, чем было возможно, и думали, что бешенство и ярость могут помочь делу.

Наше решение послать наши единственные две хорошо вооруженные дивизии обратно во Францию сделало еще более необходимым принятие всех мер для защиты наших островов от вторжения.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 18.6.40

Прошу информировать меня: 1) о береговой страже и береговых батареях; 2) об обороне тыла гаваней и узких бухт (фиордов); 3) о войсках, назначение которых — оказывать непосредственную поддержку предыдущим группам, 4) о подвижных колоннах и бригадных группах; 5) об общем резерве.

Кто-нибудь должен дать мне характеристику этих различных сил, включая орудия, применяемые в каждом из этих случаев. Я отдал распоряжение, чтобы 8-й танковый полк был немедленно снабжен пехотными танками и крейсер-танками, пока он не получит 52 новых танков с сильной броней и артиллерией. Что сделано с

выпуском последних двух месяцев? Примите меры, чтобы они не стояли даром на складе, но были сразу переданы войскам. Генерал Карр за это ответствен. Жду его рапорта.

Что думает Главнокомандующий внутренней обороной об ударных войсках?

Мы всегда относились к ним отрицательно, хотя в последней войне немцы выиграли безусловно благодаря им, и в этот раз они тоже были главной причиной их победы. Нам нужно иметь по крайней мере до 20.000 ударных войск или «Леопардов» (теперь их называют «командо»), набранных из регулярных частей и всегда готовых броситься вперед и ликвидировать любой десант или отряд парашютистов. Эти офицеры и солдаты должны получать лучшее вооружение и снаряжение, гранаты и иметь в своем распоряжении мотоциклы и бронемашинны.

**
*

План Идена о формировании «Волонтеров местной обороны» (L.D.V.), представленный им Военному Кабинету 13 мая, встретил немедленный отклик во всех концах страны.

«Премьер-министр — военному министру. 22.6.40

Прошу прислать мне краткий отчет о состоянии набора L.D.V., формирования и вооружения их, с указанием — предназначаются они для наблюдения или для серьезных боев? Каковы их отношения к полиции, к военному командованию и к районному комиссару? От кого они получают приказания и кому рапортуют? Было бы крайне желательно уместить эти сведения на одном или на двух листах бумаги».

Мне всегда нравилось название «Ополчение». Я предложил его еще в октябре 1939.

Премьер-министр — военному министру. 26.6.40

Мне не очень нравится название «Волонтер местной обороны» для вашего нового формирования. Слово «местный» — не вдохновляет. Мр. Моррисон предложил мне сегодня название «Гражданская охрана», но я думаю, что «Ополчение» было бы лучше. Не важно, что наругавные

знаки уже заказаны; их можно переменить, если вы думаете, что «Ополчение» звучит убедительнее.

«Премьер-министр — военному министру. 27.6.40

Я надеюсь, что вам понравилось мое предложение о замене названия «волонтеры местной обороны» — которое напоминает «местное самоуправление» или «местная парт-организация» — названием «Ополчение». Оно всем понравилось во время моей вчерашней поездки.

Итак эта замена была сделана и возникла новая мощная организация, которая теперь насчитывает уже около полутора миллиона людей и постепенно обзавелась хорошим оружием.

**

В те дни я больше всего боялся появления германских танков на нашем побережье. Так как моя мысль постоянно возвращалась к высадке танков, то, естественно, мне казалось, что и немцы должны быть одержимы той же идеей. У нас почти не было противотанковых пушек и снарядов к ним или даже обычной полевой артиллерии. Наша беспомощность перед лицом этой опасности характеризуется следующим инцидентом. Я осматривал наше побережье в заливе Св. Маргариты близ Дувра. Бригадир сообщил мне, что в его бригаде было только три противотанковых пушки на 4 или 5 миль побережья, весьма угрожаемого в смысле высадки. К этому имелось по 6 снарядов на орудие; и он спросил меня слегка вызывающим тоном, может ли он позволить своим людям сделать хоть один пробный выстрел для практики, чтобы видеть, по крайней мере, как орудие работает. Я отвечал, что мы не можем позволить себе такой роскоши, что каждый снаряд дорог и должен быть выпущен в последний момент, с самой близкой дистанции.

У нас не было времени для соблюдения обычных формальностей. Чтобы обеспечить быстроту действия

и избавиться от бюрократической волокиты при появлении блестящей идеи или изобретения, я, в качестве министра обороны, решил взять в свое ведение испытательный пункт, учрежденный майором Джеффрисом из Витчёрча. Я познакомился с этим блестящим офицером в 1939, при испытании речных мин; его изобретательские способности находили себе применение в течение всей войны. Линдеман был в тесном контакте со мной и с ним. Мы соединили их изобретательность и мою власть. Майор Джеффрис и его помощники работали над изобретением бомбы, которую можно было бы метнуть в танк, скажем, из окна, причем бомба прилипала бы к танку. Нам представлялась картина, когда самоотверженные солдаты или граждане подбегают близко к танку и бросают в него эту бомбу, хотя бы взрыв ее стоил им жизни. Таких без сомнения нашлось бы достаточно. Я думал также о бомбах, укрепленных на прутах, которые можно было бы взрывать выстрелом из винтовки уменьшенным зарядом.

«Премьер-министр — генералу Исмэю 6.6.40

В высшей степени важно изобрести небольшой снаряд, которым можно было бы выстрелить из винтовки в танк, подобно ружейной гранате; или из противотанкового ружья, подобно бомбе траншейной мортиры. «Прилипающая» бомба как будто подходила бы для первого типа, но может быть это и не так. Как бы то ни было, сосредоточьте внимание на изобретении чего-то, что может быть «выстрелено» из противотанкового или обыкновенного ружья».

Я усиленно настаивал на этом пункте.

«Премьер-министр — генералу Исмэю 16.6.40

Кто является ответственным лицом в изготовлении «прилипающей» бомбы? Мне говорят, что дело не движается вперед. Попросите генерала Карр доложить мне сегодня же о положении дела и пришлите мне краткую — на 1 странице — историю этого вопроса с момента его воз-

никновения. Дело должно продвигаться со дня на день и я прошу давать мне отчет каждые три дня.

«Премьер-министр — генералу Исмэю 24.6.40

Я писал несколько дней тому назад о «прилипающей» бомбе. Все приготовления к производству должны вестись из расчета, что ближайшие опыты окажутся успешными. Пришлите мне отчет о ходе работ, из которого было бы видно, в чем кроется причина задержек в таком важном деле».

«Премьер-министр — генералу Исмэю 24.6.40

Оказывается, что произведенные испытания были не вполне успешны, и что бомбы не «прилипали» к танкам, которые были покрыты пылью и грязью. Без сомнения надо добиться более вязущей смеси и майор Джефрис будет продолжать изыскания.

Всякое хихиканье служащих — которые проявили нерадение в этом деле — по поводу этой временной неудачи вызовет во мне величайшее неудовольствие».

В конце концов «липкая» бомба стала одним из лучших наших типов оружия в экстренных случаях. Мы никогда не пользовались ею в Англии; но в Сирии, с ее примитивными условиями жизни, она показала свои достоинства.

**
*

Мы должны были делать все возможное, чтобы сформировать во Франции силы, которые могли бы помочь генералу Де Голлю сохранить в живых подлинное олицетворение Франции.

«Премьер-министр — Первому лорду Адмиралтейства, копии военному министру и министру авиации. 27.6.40

1. Французский морской персонал в лагере Энтри, численностью в 13,600 человек, вместе с 5.530 военными чинами в Трентхем-парке, 1900 в Эрроу-парке и командами в Блэкпуле, должны быть немедленно репатрированы на французскую территорию, т.е. в Марокко, на французских кораблях, находящихся в наших руках.

2. Им надó сказать, что мы посылаем их во французскую Африку, т.к. все порты самой Франции находятся в германских руках, и что французское правительство позаботится об их дальнейшей судьбе.

3. Однако, если кто-либо желает оставаться здесь, чтобы сражаться против немцев, то он должен немедленно об этом заявить. Надо позаботиться, чтобы никто из офицеров или солдат не был послан обратно французскому правительству против своей воли. Транспортные средства должны быть готовы завтра. Войска остаются под начальством своих офицеров, сохраняют свое личное оружие, но возможно меньше боеприпасов. Надо распорядиться, чтобы им было выплачено жалованье. Французское имущество на борту кораблей из Нарвика должно быть перевезено нами вместе с боеприпасами с «Ломбарди» и других кораблей.

4. Надо особенно позаботиться о французских раненых. Все, способные двигаться без вреда для себя, должны быть посланы обратно прямо во Францию, если возможно. Надо запросить французское правительство о желательном месте их высадки и, если это возможно в портах самой Франции, то правительство Франции должно договориться с немцами о приеме раненых. В противном случае — Казабланка. Все тяжело раненые должны оставаться на месте.

5. Помимо тех волонтеров, что пожелают остаться здесь, должно быть еще много других, которые приехали сюда с тем, чтобы продолжать борьбу. Этим тоже надо предложить на выбор: вернуться во Францию или служить во французских частях под начальством генерала Де Голля, которому будут сообщены наши решения и предоставлены возможности собрать своих людей. Я потерял надежду на то, что удастся передать ему целые части, так как дух французов упал слишком быстро».

**
*

Мои старания, чтобы наша собственная армия вновь обрела уверенность в себе и боеспособность, тормозились сперва тем, что значительная часть войск была занята постройкой своих жилищ и укреплений на побережье.

«Премьер-министр — военному министру. 25.6.40

Это скандально, что всего только 57 тысяч человек (гражданского населения) занято на оборонительных работах. Сверх того я опасаюсь, что войска в больших количествах используются для фортификационных работ. В их настоящей стадии они должны были бы по крайней мере 8 часов в день учиться и тренироваться, включая ежедневные утренние смотры. Все необходимые работы должны были бы производиться гражданским населением. Мне не пришлось видеть ни одного смотра за время моей поездки в Восточную Англию. Боевые войска, разбитые на бригады, не должны были бы употребляться на охрану уязвимых пунктов или на работы по укреплению позиций. Конечно, перемена не может быть произведена сразу; сообщите мне ваши предложения для осуществления этих мер как можно скорее».

**
*

«Премьер-министр — министру информации. 26.6.40

Надо предложить печати и радиовещанию давать сообщения о воздушных налетах в более спокойном и умеренном тоне, не раздувая интереса публики к ним. Факты должны отмечаться без излишних подчеркиваний и без характера сенсаций. Публика должна приучиться считать налеты за нечто обычное, повседневное. Пострадавшие места не должны указываться точно. Фотографии разрушенных домов не должны публиковаться, кроме случаев, особенно интересных в положительном смысле, например, солидности бомбоубежищ. Надо подчеркивать, что огромное большинство населения вовсе не затронуто налетами. Мрачные впечатления рассеются, если их не раздувать и не подчеркивать всё время. Каждый должен приучиться считать воздушную тревогу и налет чем-то вроде грозы, не больше того.

Прошу постараться внушить это нашим газетчикам и убедить их помогать нам. Если это окажется трудным, то я сам поговорю с ассоциацией издателей газет, но я надеюсь, что в этом не будет надобности. Пока что поведение прессы в этом отношении заслуживает всяческих похвал».

«Премьер-министр — военному министру. 27.6.40

Прилагаемые сведения (сроки транспорта войск из Индии) побуждают меня обратиться к вам с вопросом: как вы предполагаете использовать эти отличные 8 регулярных батальонов? Очевидно, они будут подкреплением для ваших ударных войск. Они могли бы составить ядро двух пехотных дивизий; если придать к каждой дивизии по пять хороших территориальных батальонов, всего будет 18. Не придать ли им еще некоторое количество офицеров и сержантов для усиления территориальных батальонов? Таким образом вы в кратчайший срок имели бы 6 бригад пехоты. Я боюсь, что артиллерия будет отставать, но, надеюсь, не на много».

**

Ввиду появления слухов о мирных предложениях, а также учитывая послание Ватикана, переданное нам через Берн, я счел нужным отправить министру иностранных дел следующую записку:

28.6.40

«Я надеюсь, что папскому нунцию будет разъяснено, что мы не собираемся выяснять условия мира с Гитлером, и что всем нашим чинам и должностным лицам строго воспрещено поддерживать подобные предложения».

Но вот приступ малодушия:

«Премьер-министр — профессору Линдеману 29.6.40

Мы напрягаем все усилия, чтобы как можно скорее добиться господства в воздухе. В то же время и немцы мобилизуют всю промышленность в захваченных ими странах для развития своей авиапродукции и других видов военной промышленности, готовя все это против нас. Таким образом, идет гонка, соревнование. Они не смогут наладить производство в захваченных заводах немедленно же; и на это время мы застрахованы от опасности вторжения, если будем усиливать нашу оборону и нашу армию. Но каких цифр достигнет военное производство немцев через год, если нам не удастся разбомбить вновь захваченные ими заводы? К тому же Германия, освобожденная от необходимости держать гигантскую армию против фран-

цузов, сможет сберечь колоссальные силы для авиации и для других методов нападения на нас. Можем ли мы не страшиться этого? Как скоро может это обрушиться на нас? До сих пор я смотрел и рассчитывал только на три месяца вперед, но что будет в 1941 году? Сдается мне, что только неограниченные возможности Америки смогут спасти нас от беды».

**
*

К концу июня ощущение возможности вторжения в любой момент возросло у всех нас.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 30.6.40

Надо установить дни, наиболее благоприятные для высадки с моря. Для этого надо ознакомиться в Адмиралтействе с таблицами приливов, фазами луны, изучить карты устья Темзы, залива Хомбер и Бичи Хэд. Надо запросить мнение Адмиралтейства».

Высадка с моря или воздушный десант в Ирландии были всегда предметом особо тревожного внимания начальников штабов. Но наши ресурсы казались мне слишком ограниченными для серьезных передвижений войск.

«Премьер-министр — генералу Исмэю 30.6.40

При настоящей конъюнктуре переброска из Великобритании одной из двух наших единственных полностью снаряженных дивизий представляется мне слишком рискованной. Помимо того, весьма сомнительно, чтобы ситуация в Ирландии требовала посылки полной дивизии со всем ее мототехническим оборудованием, предназначенным для войны на континенте. Заявление, будто переправка дивизии в Ирландию потребует 10 дней, даже если все приготовления будут сделаны заранее, неосновательно. Должны быть выработаны схемы переброски двух-трех бригад, без тяжелого вооружения, в Северную Ирландию в течение максимум трех дней. Запасный транспорт должен быть послан вперед. Было бы ошибкой посылать в Ирландию крупные силы артиллерии. Мало вероятно, чтобы там была произведена попытка высадить морской десант. Воздушные десанты не могут иметь много артиллерии. В конце концов, никакие со-

бытия в Ирландии не могут иметь непосредственно решающего значения».

В вопросе переброски в Англию британских войск из Палестины у меня оказались затруднения с моими старыми друзьями — статс-секретарем Индии, Эмери, и министром колоний, лордом Ллойдом, убежденным антисоциалистом и сторонником арабов. Я хотел вооружить еврейских колонистов. Эмери и его министерство держались иного мнения, чем я, по поводу роли Индии. Я хотел, чтобы индусские войска сразу прибыли в Палестину и на Средний Восток, тогда как вице-король и его министерство склонялись к широкому плану постепенного создания крупной индийской армии, материальной базой которой были бы военные заводы Индии.

«Премьер-министр — статс-секретарю Индии. 22.6.40

1. У нас в Индии сосредоточены уже крупные массы войск, до сих пор не использованные для основных целей войны. Участие Индии в войне на этот раз несравненно ниже, чем оно было в 1941 — 18... Мне кажется весьма вероятным, что война распространится на Средний Восток, а климат Ирана, Палестины и Египта очень подходит индусским войскам. Я рекомендую организовать их в бригадные группы, каждая со своей артиллерией, согласно новому образцу британской армии. Я надеюсь, что 6 или 8 таких групп будут готовы уже этой зимой. К ним будут присоединены несколько бригад гуркасов.

2. Отправка из Индии регулярных британских батальонов должна продолжаться, и я очень сожалею о двухнедельной задержке с возвращением вам территориальных батальонов в обмен. Вы можете заверить вице-короля, что это дело подвигается».

**

«Премьер-министр — министру колоний. 28.6.40

Провал политики, которую вы защищаете, доказан большим количеством войск, которое мы вынуждены держать в Палестине:

6 батальонов пехоты

9 полков йоманри (добровольная кавалерия)

8 батальонов австралийской пехоты.

Всего, вероятно, более 20.000 человек. Это цена, которую мы должны заплатить за антиеврейскую политику, проводимую упорно в течение ряда лет. Если война в Египте пойдет неудачно, то все эти войска будут отозваны и положение еврейских колонистов станет крайне опасным. Я совершенно уверен, что нам скажут, что этих войск нельзя уводить, хотя они и являются нашими лучшими частями, в которых мы крайне нуждаемся в других местах. Если бы евреи были надлежаще вооружены, то наши войска могли бы быть отозваны и при том евреи не могли бы напасть на арабов, так как евреи целиком зависят от нас и от нашего господства на морях. Я считаю почти скандальным, что в то время, когда мы боремся за нашу жизнь, здесь крупные наши силы остаются неиспользованными в угоду политике, разделяемой только частью консервативной партии.

Я надеялся, что вы усвоите широкий взгляд на палестинскую проблему и серьезно поставите своей целью освождение британского гарнизона. Я, конечно, не мог согласиться с таким ответом, какой вы для меня составили. Я не допускаю, чтобы чувства арабов на Ближнем Востоке и в Индии трактовались так, как вы это предлагаете. Теперь, когда у нас установились дружеские отношения с турками, общее положение значительно укрепились».

**

Впервые за последние 125 лет у Англии появился могучий враг по ту сторону Ламанша. Нам предстояло реорганизовать и развернуть нашу регулярную армию и наши многочисленные, но менее обученные территориальные войска с тем, чтобы создать сложную систему обороны и быть в состоянии уничтожить

напавшего на нас врага. Ибо в этом случае для обеих сторон было только два выхода: победа или гибель. Теперь уже и Ополчение могло быть включено в общую систему обороны. 25 июня генерал Айронсайд, главнокомандующий внутренней обороной, предложил свои планы начальникам штабов. Эти планы были, конечно, тщательно исследованы экспертами, в чем и я принял не малое участие. В целом, они были одобрены. В этом первом наброске большого будущего плана было три главных элемента: во-первых, укрепленная линия в наиболее вероятных местах высадки на побережье; здесь защитники должны были биться, не сходя с места, поддерживаемые подвижными резервами для немедленных контратак; во-вторых, линия противотанковых препятствий, занятая Ополчением; она охватывала юго-восточный центр Англии и охраняла Лондон и крупные промышленные центры от внезапного вторжения танков; и в-третьих, позади этой линии — главные резервы для решающей контратаки.

В течение следующих месяцев в этот первоначальный план были внесены бесконечные улучшения и дополнения; но общая схема сохранилась. Все защитники, отбивая атаки, должны будут твердо отстаивать не только свои участки, но и всю систему обороны в целом, в то время как подвижные отряды должны быстрыми операциями поражать атакующего противника, откуда бы он ни появлялся — с воздуха или с моря. Защитники, отрезанные от своих резервов, не должны пассивно оставаться на своих местах. Были разработаны активные меры к тому, чтобы нападать на врага сзади, прерывать его коммуникации, уничтожать его материалы, подобно тому, как русские делали с большим успехом, когда немцы нахлынули в их землю, год спустя. Многие у нас были удивлены невероятно оживленной деятельностью на нашем побережье. Они могли понять необходимость зами-

нирования и проволочных заграждений, противотанковых препятствий в проходах, бетонных бункеров на перекрестках дорог, вторжение в их дома с целью заполнения чердаков мешками с песком или на их поля для игры в гольф и сады с тем, чтобы выкопать громадные противотанковые рвы и ямы. Все это, и еще многое худшее, наши люди принимали, как должное, без обиды и протеста. Но иногда, наверное, им приходилось задуматься над тем — существует ли общий план? Или эти отдельные личности, ошавев от неожиданно полученной власти, применяют ее к собственности и свободе граждан по своему личному усмотрению?

Однако существовал и общий план, выработанный в центре, координированный и всеобъемлющий. Когда он созрел, он принял следующую форму: общее руководство принадлежало Главной Квартире в Лондоне. Все граждане Великобритании и Северной Ирландии были разделены на семь округов; эти округа в свою очередь были разделены на районы, корпусные и дивизионные. Все наличные средства обороны были распределены с соблюдением пропорции между округами, корпусами и дивизиями, причем лишь небольшая часть их была предназначена для собственной, местной обороны. Лишь постепенно возникали оборонные сооружения в тылу прибрежных зон обороны: сперва дивизионные районы, за ними корпусные и, наконец, окружные. Вся система простиралась в глубину на 100 миль и больше. А позади ее были сооружены главные противотанковые препятствия вокруг всей Южной Англии и дальше к северу, в Ноттингэмшир. Во главе всего стоял последний резерв под непосредственным начальством Главнокомандующего Ополчением. Общий принцип был: как можно шире и подвижней.

В рамках этой общей структуры было много вариантов. Каждый из наших портов на восточном и юж-

ном побережье был предметом специального изучения. Прямая фронтальная атака на укрепленный порт казалась маловероятной и потому все порты были обращены в сильные цитадели, одинаково способные к обороне против атаки как с моря, так и с суши. Меня поражает, что, в то время как у нас, в Англии, принцип укрепления горжевого фаса был общепринят и строго проводился всеми военными авторитетами, в Сингапуре он никогда не был применен никем из целого ряда офицеров, занимающих командные посты. Но тут я забегаю вперед. Препятствия против воздушных десантов были установлены по всей Англии, на пространстве многих тысяч квадратных миль. Все наши аэродромы, станции радара, депо горючего, которых летом 1940 было до 375, нуждались для своей защиты в специальных гарнизонах и собственных воздушных силах. Много тысяч «уязвимых точек» — мостов, электростанций, депо, заводов, фабрик и т. д. — нужно было охранять днем и ночью специальными гарнизонами от саботажа или внезапного нападения. Были уже приготовлены схемы и планы немедленно уничтожения запасов, ценных для врага, в случае их захвата неприятелем. Разрушение портовых сооружений, воронки на главных путях, паралич моторного транспорта и телефонных и телеграфных станций, порча подвижного состава железных дорог или железнодорожного пути и т. п. — всё это было разработано до мельчайших деталей.

И все же, несмотря на все эти мудрые и необходимые меры предосторожности, в которых гражданские учреждения оказывали неограниченную помощь военным властям, у нас никогда не поднимался вопрос о методе «выжженной земли»; армия и народ должны были оборонять Англию, но не уничтожать ее.

9.

АГОНИЯ ФРАНЦИИ

Будущие поколения, вероятно, обратят внимание на тот факт, что наш Военный Кабинет никогда не задумывался над тем важнейшим вопросом, что, быть может, нам придется вести войну одним, без союзников. Мы имели союзника, и это казалось столь естественным, что никому не приходило в голову тратить драгоценное время на разные нереальные, академические предположения. Теперь мы все также единодушно вступили в новую фазу войны с полной уверенностью. Было решено сообщить Доминионам всю правду. Мне предложили написать послание в том же духе президенту Рузвельту, а также попытаться укрепить дух французского правительства и заверить его в нашей неизменной поддержке.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 12 июня 40

Я провел эту ночь в Главной Квартире французской армии, где генералы Вейган и Жорж в самых мрачных красках обрисовали мне общее положение. Вы, без сомнения, уже знаете все подробно от Буллита. Вся суть в следующем: что произойдет, когда французский фронт рухнет, когда Париж будет взят, и генерал Вейган официально доложит правительству, что Франция больше не в состоянии продолжать то, что он назвал «координированной войной»? Пре-старелый маршал Петэн, который был далеко не на высоте в апреле и июле 1918, теперь, я боюсь, готов пожертвовать своим именем и престижем для заключения мира. Рейно, наоборот, стоит за продолжение борьбы, а с ним и молодой генерал Де Голль, который верит, что еще много можно сделать. Адмирал Дарлан заявляет, что он хочет послать

французский флот в Канаду. Было бы ужасно, если бы два крупных новых корабля попали в дурные руки. Мне кажется, что во Франции должно быть много элементов, которые готовы продолжать борьбу либо в метрополии, либо в колониях, или, наконец, где угодно. Поэтому сейчас наилучший момент для вас поддержать Рейно, как только вы можете, и попытаться склонить общий баланс в пользу продолжения борьбы. Я позволяю себе обратиться на это ваше внимание, хотя я знаю, конечно, что вы в этом разбираетесь так же хорошо, как и я».



13 июня я совершил последнюю поездку во Францию (я вернулся туда снова через четыре года). Я взял с собой Эдуарда Галифакса и генерала Исмэя. К нам присоединился еще Макс Бивербрук; этот человек в тяжелые минуты никогда не теряет бодрости. На этот раз погода была безоблачная и мы летели, окруженные эскадрилей «Спитфайров»; нам пришлось сделать большой полукруг, чтобы достигнуть Тура. Аэродром был минувшей ночью разбомблен и нам стоило труда спуститься среди воронок. Сразу было видно, что дела идут все хуже и хуже. Никто не встретил нас; видимо, нас и не ожидали. Мы выпросили у начальника станции его служебный автомобиль и покатали в город, в префектуру, где, как нам сказали, приютилось правительство Франции. Никого из членов правительства там не было, но нам сказали, что Рейно сейчас на пути в Тур и Мандель тоже должен скоро приехать.

Так как было уже около двух часов, то я настоял на завтраке и, после короткого обмена мнениями, мы выехали на улицу, запруженную повозками и автомобилями беженцев, навьюченными матрасами и всяческим барахлом. Мы нашли кафе, но оно было закрыто; в конце концов, после объяснений, мы все же получили еду. Во время завтрака к нам подошел Бодуэн, влияние которого возросло за эти последние дни. Он сейчас же начал говорить в своей мягкой вкрадчивой ма-

нере о безнадежности сопротивления. Если бы США объявили войну Германии, то Франция могла бы еще сопротивляться. Что я об этом думаю? Я ограничился замечанием, что я надеюсь на помощь Америки и что, без сомнения, надо продолжать борьбу. Потом, как мне передавали, он говорил всем кругом, будто я согласился с тем, что Франция должна сдаться, если США не придут на помощь.

Затем мы вернулись в префектуру, где Мандель, министр внутренних дел, уже ожидал нас. Этот верный бывший секретарь Клемансо и носитель его заветов, казалось, был в наилучшем расположении духа. Он был воплощением энергии и неукротимости. Его завтрак — аппетитный цыпленок — стоял несъеденный перед ним на подносе. Мандель казался подобным солнечному лучу. В каждой руке у него было по телефону и он непрерывно раздавал приказания и решал вопросы. Его идеи были просты: биться до конца во Франции, прикрывая этим широкое движение в Африке. Это был последний раз, что я видел этого бравого француза. Восстановленная французская республика справедливо приговорила к смерти наёмников, убивших его. Его память почитается как его согражданами, так и их союзниками.

Наконец, прибыл и Рейно. Вначале он казался подавленным. Генерал Вейган доложил ему, что французские армии изнемогают. Фронт прорван в нескольких местах; беженцы заполнили все дороги в стране; многие воинские части пришли в расстройство. Генералиссимус считал, что нужно просить о перемирии, пока еще есть достаточно войск, чтобы поддерживать порядок до заключения мира. Таков был совет военных. Надо послать сегодня же новое послание Рузвельту, сказать ему, что последний час наступил и что судьба союзников сейчас в руках Америки. Альтернативой были перемирие и мир.

Рейно далее сообщил, что Совет Министров накануне поручил ему узнать, каковы будут намерения Великобритании, если произойдет наихудшее? Ему самому было хорошо известно торжественное взаимное обещание союзников не заключать сепаратного мира. Генерал Вейган и другие указывали, что Франция уже пожертвовала всем для общего дела. У нее ничего больше не остается; но она по крайней мере значительно ослабила общего врага. При таких обстоятельствах Великобритания должна признать, что Франция физически не в состоянии продолжать войну, что от нее нельзя требовать этого; что это значило бы ввергнуть народ Франции в неизбежную коррупцию, отдать его на поругание беспощадных победителей, привыкших давить покоренные народы своим сапогом. Вот вопрос, который он, Рейно, вынужден поставить. Намерена ли Великобритания учесть суровые факты, перед лицом которых стоит Франция?

Вот текст официального протокола ответа Великобритании:

«Г-н Черчилль сказал, что Великобритания вполне учитывает, как много Франция страдала и страдает. Теперь подходит очередь Великобритании, и она готова. Она глубоко сожалеет о том, что ее вклад в борьбу на суше до сих пор был так мал, благодаря неудачам, возникшим в результате применения согласованной стратегии на севере. Англичане еще не испробовали германского бича, однако они знают его силу. И тем не менее они одержимы одной идеей: выиграть войну и уничтожить гитлеризм. Все остальное подчинено этой цели; ни трудности, ни сожаления их не останавливают. Г-н Черчилль твердо уверен в выдержке и настойчивости англичан, в их способности наносить ответные удары до тех пор, пока враг не будет побежден. Поэтому англичане хотели бы надеяться, что Франция будет продолжать борьбу к югу от Парижа вплоть до моря и, если понадобится, также и в Северной Африке. Надо любой ценой выиграть время. Период ожидания не беспределен: выполнение обязательств США сразу сократит его. Второе же решение означает бесповоротную гибель Франции. Гитлер не при-

знаёт обязательств. Но, с другой стороны, если Франция будет продолжать борьбу со своим прекрасным флотом, со своей великой империей, со своей армией, еще способной вести партизанскую войну в широких размерах, если в то же время Германия не сможет одолеть Англию — чего Германия должна добиться, иначе она погибнет — если германское превосходство в воздухе будет преодолено, тогда все ненавистное сооружение нацизма рухнет. Если Америка придет на помощь, быть может даже объявит войну, тогда наша победа не за горами. Англия же будет продолжать борьбу при всех обстоятельствах. Она не меняла и не изменит своего решения: ни соглашений, ни сдачи. Для нее есть лишь одна альтернатива: смерть или победа. Таков был ответ Чёрчилля на вопрос Рейно.

Г-н Рейно ответил, что он никогда не сомневался в решимости Англии. Однако он хотел бы всё же знать, как британское правительство реагировало бы при известных обстоятельствах. Французское правительство — сегодняшнее или любое иное — могло бы сказать: «Мы знаем, что вы хотите продолжать борьбу. Мы хотели бы того же, если бы мы имели хоть какую-нибудь надежду на победу. Но мы не видим достаточной надежды в ближайшем будущем. Мы не можем рассчитывать на помощь Америки. Перед нами нет никакого проблеска надежды впереди. Мы не можем оставить наш народ под германским владычеством на неопределенное время. Мы должны начать переговоры. У нас нет выбора»... Теперь уже поздно обращать Великобританию в крепость. Подлинному французскому правительству некуда скрыться, чтобы избежать плена на французской земле... Поэтому мы могли бы поставить Великобритании вопрос в такой форме: «Признаете ли вы, что Франция дала всё, что могла: свою молодежь, свою кровь; что больше она ничего не может дать; и что она вправе — так как она ничем больше не может помочь общему делу — заключить сепаратный мир, сохраняя при этом ту солидарность, которая выразилась в торжественном соглашении, заключенном три месяца тому назад?»

Г-н Чёрчилль сказал, что Великобритания ни в коем случае не намерена тратить время и энергию во взаимных упреках и обвинениях. Это не значит, что он соглашается с действием, противоречащим недавнему соглашению. Следующим шагом должно быть послание от г-на Рейно непосредственно президенту Рузвельту, излагающее положение Франции. Надо подождать ответа, прежде чем принимать

какие-либо решения. Если Англия выиграет войну, то Франция будет восстановлена в своем достоинстве и своем величии».

Я считал поставленный вопрос настолько серьезным, что просил разрешения удалиться с моими коллегами, чтобы обсудить его перед тем, как дать ответ. Итак, лорды Галифакс и Бивербрук и остальные члены нашей группы вышли в мокрый, но залитый солнцем сад и мы с полчаса обсуждали наш ответ. Мы не могли согласиться с сепаратным миром ни в коем случае. Целью нашей войны попрежнему было тотальное поражение Гитлера, и мы чувствовали, что мы могли еще достигнуть этого. Поэтому мы не могли освободить Францию от ее обязательства. Что бы ни случилось, мы не бросили бы упрека Франции; он это совсем другое, чем согласиться на аннулирование ее торжественного обещания. Я стоял на том, что французы должны сейчас послать новый призыв президенту Рузвельту, который мы поддержали бы из Лондона. Рейно согласился на это и обещал, что Франция продержится до получения ответа на послание.

Перед отъездом я обратился со специальной просьбой к Рейно. Свыше 400 немецких пилотов, большей частью сбитых английскими летчиками, находились в плену во Франции. Ввиду общего положения их следовало передать в руки англичан. Рейно охотно дал это обещание, но он не смог сдержать его. Все эти немецкие пилоты получили возможность принять участие в битве против Великобритании и нам пришлось сбивать их вторично.

**

В конце нашего разговора Рейно пригласил нас в соседнюю комнату, где были Эррио и Жанненэ — председатели Палаты депутатов и Сената. Эти два патриота Франции вели горячий разговор на тему об обо-

роне страны до конца, до смерти. Когда мы шли к выходу через наполненный людьми коридор, я заметил генерала Де Голля, стоящего в дверях неподвижно, с пустым взглядом. Приветствуя его, я сказал ему тихо по-французски: «Человек судьбы». Он не реагировал. Во дворе толпилось не менее ста видных деятелей Франции в самом жалком виде. Ко мне привели сына Клемансо. Я пожал ему руку. Наши «Спитфайры» были уже в воздухе и я проспал крепким сном весь наш обратный путь, короткий и без приключений. Это было разумно, так как мне предстоял еще долгий путь до того, как я лег в постель.

**
*

После нашего отъезда из Тура, около половины шестого, Рейно снова собрал свой кабинет в Канжэ. Там было раздражение по поводу того, что я и мои коллеги не остались и не пришли на заседание. Мы очень бы хотели принять участие в нем, как бы поздно нам ни пришлось возвращаться; но мы не были приглашены и даже не знали о предстоящем заседании кабинета.

Там было решено, что правительство переедет в Бордо; и Рейно послал телеграмму Рузвельту с отчаянным призывом к Америке выступить на сцену хотя бы со своим флотом.

В 10 ч. 15 м. вечера я сделал доклад Кабинету. Мое сообщение было подтверждено моими двумя спутниками. Мы еще не разошлись, когда посол Кеннеди появился с ответом президента Рузвельта на послание Рейно от 10 июня.

«Президент Рузвельт — г-ну Рейно. 13 июня 40

Ваше послание от 10 июня глубоко тронуло меня. Как я уже заявил вам и г-ну Черчиллю, наше правительство делает все возможное, чтобы предоставить союзным прави-

тельствам материалы, в которых они срочно нуждаются; теперь мы удваиваем наши усилия. Мы делаем это потому, что мы верим в идеалы, за которые союзные нации борются, и поддерживаем их.

Великолепное сопротивление французской и британской армий произвело глубокое впечатление на американский народ.

Я лично в особенности тронут вашим заявлением, что Франция будет продолжать борьбу за Демократию даже в том случае, если придется постепенно отступать, даже в Северную Африку и до Атлантического океана. Крайне важно вспомнить, что французский и британский флоты продолжают господствовать в Атлантическом и других океанах; также нельзя забывать, что для поддержания армии нужны многие материалы из внешнего мира, из-за океана.

Я был также очень обрадован словами премьер-министра Черчилля, сказанными несколько дней тому назад, о твердом намерении Британской Империи сопротивляться и о том, что, повидимому, можно надеяться и на сопротивление Великой Французской Империи во всем ее объеме. Владычество на море всё еще играет свою историческую роль в мировых проблемах и адмирал Дарлан хорошо это знает.

Мы все считали, что слова президента значат очень много. Он разрешил Рейно опубликовать его обращение от 10 июня со всем, что там подразумевалось, а теперь он прислал ему этот ответ громадного значения. Если, полагаясь на него, Франция решит продлить свой крестный путь войны, то это в значительной мере обяжет США выступить активно. Во всяком случае, письмо президента содержало два пункта, которые были почти равносильны состоянию войны: 1) обещание всякой материальной помощи, т. е. активное содействие; 2) призыв продолжать борьбу даже в том случае, если правительство будет вынуждено покинуть Францию. Я немедленно послал президенту нашу благодарность, а также в письме к Рейно постарался комментировать слова президента в самом благоприятном смысле. Быть может, я в этом зашел даже слишком далеко; но это было необходимо для достижения нашей общей цели.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 13 июня 40

Вы, вероятно, уже знаете от посла Кеннеди о нашей сегодняшней встрече с французами в Туре — я ему показал наш протокол. Трудно представить себе более трагическую картину. Это были почти конченные люди. Вейган высказывался за перемирие, пока у него еще достаточно войск, чтобы предотвратить анархию во Франции. Рейно просил нас — ввиду понесенных жертв и страданий Франции — освободить ее от обязательства не заключать сепаратного мира с Германией. Хотя фактически мы не участвовали в этой страшной битве, так влияющей на нашу судьбу, тем не менее я от имени британского правительства, не колеблясь, отказался дать согласие на перемирие или сепаратный мир. Я подчеркивал, что этот вопрос не может быть обсуждаем до тех пор, пока Рейно снова не обратится к вам и к США с призывом о помощи, каковой призыв я обещал поддержать. На этом мы и согласились, и на некоторое время это значительно улучшило настроение Рейно и его министров.

Рейно ясно ощущал, что он не в состоянии побудить свой народ продолжать борьбу, пока нет никакой надежды на конечную победу; и что эта надежда может появиться только в случае выступления Америки, которое целиком в ваших руках. Как он выразился, им нужен проблеск света впереди.

Пока мы летели сюда обратно, ваше чудесное послание было уже отправлено и ваш посол Кеннеди принес мне его по моем приезде. Британский Кабинет был глубоко тронут и поручил мне выразить вам его благодарность. Но, г-н президент, я должен сказать вам: мне кажется абсолютно необходимым, чтобы ваше послание появилось в печати завтра, 14 июня, для того, чтобы оно могло сыграть решающую роль в ходе мировой истории. Я уверен, что оно заставит французов отвергнуть налаживаемый Гитлером мир с Францией. Он нуждается в этом мире, чтобы уничтожить нас и придти этим путем к мировому господству. Все широкие планы, стратегические, экономические, политические и моральные, изложенные в вашем послании, могут оказаться мертворожденными, если французы сейчас выйдут из игры. Поэтому я настаиваю, чтобы ваше послание было немедленно напечатано. Мы вполне учитываем, что в тот момент, когда Гитлер увидит, что он не может продиктовать «свой» мир Франции, он обратит всю свою ярость на нас. Мы сделаем, что можем, чтобы отстоять себя, и если нам это удаст-

ся, то новые широкие перспективы сразу же откроются для будущего».

Г-ну Рейно я написал следующее:

«Вернувшись сюда, я получил от президента Рузвельта копию его ответа на ваше обращение к нему от 10 июня. Наш Кабинет единодушно считает этот великолепный документ решающим аргументом в пользу продолжения сопротивления Франции согласно вашей собственной декларации от 10 июня о борьбе перед Парижем, за Парижем, в провинции или, если нужно, в Африке, или по ту сторону Атлантики. Обещание удвоенной материальной помощи сопровождается определенным советом и увещанием продолжать борьбу даже при тех мучительных условиях, какие вы описали. Если Франция ответит на это послание президента Рузвельта продолжением вооруженной борьбы, то я чувствую, что США совершат последний шаг, единственный, им остающийся, а именно: официально вступят в войну, так как они фактически это уже сделали. Конституция США не позволяет, как мы и предвидели, чтобы президент сам, от своего имени, объявил войну; но если вы будете действовать согласно его призыву, вами теперь полученному, то — как мы искренне здесь верим — объявление войны придет неизбежно. Мы просим президента о разрешении опубликовать его послание, но, если он даже и не согласится на это немедленно, то все же оно запротоколировано, и этого достаточно для ваших действий. Я очень прошу вас и ваших коллег, твердостью которых мы сегодня так восхищались, не пренебрегать этой исключительной возможностью создания всемирной коалиции — на суше и на море, которая будет роковой для господства наци. Мы видим перед собой определенный план кампании, и свет, о котором вы говорили, уже виден нам впереди».

Наконец, по желанию Кабинета, я послал формальное приветствие французскому правительству, в котором идея неразрывного единства наших двух стран была в первый раз подчеркнута формулирована.

«Премьер-министр — г-ну Рейно.

13 июня 40

В этот торжественный час — судьбоносный, как для Британской и Французской Наций, так и для дела Свободы и Демократии, которому эти нации поклялись служить —

Правительство Его Величества хочет выразить Правительству Французской Республики свое восхищение доблестью и стойкостью французских армий в борьбе против подавляющих сил противника. Эти армии показали себя достойными носителями славных традиций Франции и сделали все возможное, чтобы подорвать силы противника. Великобритания будет попрежнему оказывать всемерную помощь. Мы пользуемся случаем, чтобы заявить о неразрывном единстве наших народов и наших Империй. Мы не можем даже представить себе всех бедствий, которые падут на наши народы в ближайшем будущем. Но мы уверены, что испытание огнем только сплотит их в одно непобедимое целое. Мы снова подтверждаем Французской Республике наши обязательства и наше решение продолжать борьбу на всех побережьях Франции, на наших островах, на океане и в воздухе, куда бы это ни завело нас, используя при этом все наши средства до крайнего предела и разделяя между нами бремя восстановления того, что было разрушено войной. Мы никогда не выйдем из борьбы, пока Франция не встанет снова во всем своем величии, пока угнетенные и порабощенные нации и народы не будут освобождены, и пока цивилизация не будет очищена от кошмарного нацизма. Что этот день настанет, в этом мы убеждены больше, чем когда-либо. Рассвет придет раньше, чем мы сейчас смеем предполагать».

Эти три письма были набросаны мною в ночь на 14 июня.

На следующий день пришла телеграмма от президента, сообщающая, что он не может разрешить опубликование его письма к Рейно. Он сам, по словам Кеннеди, хотел бы сделать это, но Государственный департамент*), вполне соглашаясь с ним по существу, предвидел серьезные затруднения. Президент благодарил меня за отчет о поездке в Тур и выразил британскому и французскому правительствам свое восхищение храбростью их войск. Он снова повторил свои обещания об оказании нам материальной помощи; но затем он писал, что он просил посла Кеннеди передать мне, что его послание от 13 июня никоим образом нель-

*) Министерство иностранных дел США.

зя понимать, как обязательство правительства США принять участие в войне. По конституции США только Конгресс мог взять на себя такое обязательство. Президент имел ввиду, в частности, вопрос о французском флоте. Конгресс, по его желанию, ассигновал 50 миллионов долларов на продукты питания и одежду для гражданских беженцев Франции. В конце президент уверял меня, что он высоко ценит значение и важность того, что я написал в моем письме ему.

Эта телеграмма была большим разочарованием.

Сидя вокруг нашего стола, мы вполне понимали тот риск, который президент брал на себя, преступая свои конституционные права и подвергая себя возможным нападениям на приближающихся выборах, от которых зависела и наша судьба, и еще многое другое. Я был убежден, что сам он отдал бы свою жизнь — не говоря уже о своем президентском кресле — за дело свободы мира, которая сейчас была в такой страшной опасности. Но нам от этого было не легче.

Сидя в Англии, я понимал и разделял его страдания. Его мучения в Белом Доме были, конечно, иного характера, чем в Бордо или в Лондоне. Но степень, напряженность этих мучений была, пожалуй, одинакова.

В моем ответе я старался снабдить президента аргументами, которыми он мог бы воспользоваться для указания другим лицам опасности для самих США в случае захвата Европы и поражения Великобритании. Здесь дело шло не о чувствах, а о жизни и смерти.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 15 июня 40

Благодарю вас за вашу телеграмму. Я сообщил ее деловую часть г-ну Рейно, которому я старался представить дело в несколько более оптимистических тонах. Я знаю, что он будет разочарован отказом в публикации заявления. Я понимаю ваши затруднения с Конгрессом и с общественным мнением Америки; но события катятся вниз таким темпом, что они могут выйти из-под контроля американского общественного мнения к тому времени, когда, наконец, оно со-

зреет. Думали ли вы над тем, какие предложения Гитлер может сделать Франции? Он может сказать: «сдайте мне в целости ваш флот, и я вам оставлю Эльзас-Лотарингию»; или: «если вы не передадите мне ваших кораблей, я уничтожу ваши города». Я лично уверен, что Америка, в конце концов, пойдет на всё, до конца; но настоящий момент для Франции является в высшей степени критическим. Если бы США заявили, что в случае необходимости они тоже вступят в войну, то это могло бы спасти Францию. Если этого не случится, то через несколько дней сопротивление Франции угаснет и мы останемся одни.

Хотя сегодняшнее правительство Великобритании и лично я не преминем послать наш флот в Америку в случае, если сопротивление Англии будет подавлено, однако в процессе войны может случиться, что сегодняшние министры будут не у дел, и что Великобритании будут предложены очень выгодные условия, на которых она сможет стать васалом Империи Гитлера. Тогда, конечно, для заключения мира будет составлено прогерманское правительство, и истощенная, голодающая нация будет поставлена перед единственным выходом — полным подчинением нацизму. Судьба британского флота — как я уже писал вам — явится решающим фактором для будущего США, ибо в соединении с флотом Японии, Франции и Италии и с огромными ресурсами германской индустрии он явится в руках Гитлера непобедимой морской силой. Гитлер может воспользоваться им с разумной умеренностью, а может быть и наоборот. Этот переворот в распределении морских сил может произойти очень быстро и, конечно, гораздо быстрее, чем США смогут приготовиться к нему. Если мы будем побеждены, то перед вами будут Соединенные Штаты Европы под командой наци, гораздо более многолюдные, сильные и лучше вооруженные, чем Новый Свет.

Я хорошо знаю, г-н президент, что Вы уже исследовали эти глубины, но я чувствую себя вправе подчеркнуть, насколько жизненные интересы США зависят от исхода нашей борьбы и борьбы Франции.

Я посылаю вам через посла Кеннеди сведения о силе морских истребителей, приготовленные Морским Штабом для вашей информации. Если мы должны держать главные силы наших истребителей на восточном побережье для предотвращения вторжения, то как мы сможем справиться с германо-итальянскими атаками на торговые суда, везущие нам питание и всё, необходимое для жизни? Посылка 35

истребителей, о которых я вам уже писал, поможет нам перебиться до конца года, когда наши новые суда будут закончены постройкой. Это единственное практически возможное и удовлетворительное решение проблемы, и я самым серьезным образом прошу вас взвесить мои слова».

**

Между тем положение на французском фронте становилось все хуже и хуже. Германские операции к северо-западу от Парижа, в которых была потеряна наша 51-я дивизия, привели к занятию немцами 9 июня области нижнего течения Сены и Уазы. На южных берегах разрозненные остатки 10-й и 7-й французских армий были спешно переформированы для обороны; они были раздвинуты и между ними был втиснут гарнизон столицы, так называемая «парижская армия».

Далее к востоку, вдоль реки Эн, расположились 6-я, 4-я и 2-я армии, которые были в гораздо лучшем состоянии. Они имели три недели для пополнения и приведения себя в порядок. В течение всего периода эвакуации Дюнкерка и отступления к Руану они были почти не тревожимы неприятелем, но численность их была недостаточна для линии фронта в 100 миль, которую им приходилось держать. Теперь немцы сосредоточили против них большие массы войск для последнего удара. Он последовал 9 июня. Несмотря на упорное сопротивление — ибо французы теперь сражались с большим упорством — немцы смогли образовать предместные укрепления к югу от реки, между Суассон и Ретель, а в следующие два дня они дошли до Марны. Германские танковые дивизии, которые играли решающую роль в движении вдоль побережья, теперь были переброшены сюда для участия в новой битве. Восемь из них двумя сильными ударами превратили поражение французов в разгром. Французские армии, смятые и раздробленные, были совер-

шенно не в состоянии устоять против превосходства в числе, в оружии и в технике.

В течение четырех дней, к 16 июня, немцы достигли Луары и Орлеана; в то же время другой клин прошел к востоку, между Дижоном и Безансоном, почти к швейцарской границе.

К западу от Парижа остатки 10-й армии, в силе не больше двух дивизий, были оттеснены к юго-западу от Сены, в направлении Алансона. Париж пал 14 июня; защищавшие его армии — 7-я и «Парижская» — были рассеяны; огромная брешь разделяла теперь скудные англо-французские силы на западе от остатков великой некогда французской армии, рассеянных сейчас по всей Франции.

А что же с линией Мажино, этим щитом Франции, и с его защитниками? Вплоть до 14 июня там не было прямых атак; и уже некоторые из активных частей покидали позиции и присоединялись, если могли, к быстро отступившим армиям центра. Но было уже слишком поздно. 14 июня линия Мажино была прорвана у Саарбрюкена и у Кольмара; отступающие французы были втянуты в битву и уже не могли оторваться. 16 июня немцы заняли Безансон и перерезали путь отступления французам. Более 400.000 французов было в окружении без надежды выбраться. Многие окруженные гарнизоны держались с храбростью отчаяния. Они отказывались сдаться вплоть до самого перемирия, когда к ним были посланы французские офицеры с приказом прекратить сопротивление. Последние форты подчинились приказу только 30 июня, причем коменданты заявляли, что их форты вполне обороноспособны.

Таким образом гигантская дезорганизованная битва закончилась на всем протяжении французского фронта. Остается только рассказать о скромной роли британских войск.



Генерал Брук заслужил отличие при отступлении к Дюнкерку, в частности за оборону бреша, образовавшейся благодаря сдаче бельгийцев. Мы поэтому назначили его командующим британскими войсками, остававшимися во Франции, и всеми пополнениями, вплоть до момента, когда они достигнут численности, требующей присутствия лорда Горта, как командующего армией. Брук только что прибыл во Францию и 14 июня он встретился с генералами Вейганом и Жоржем. Вейган заявил, что французские силы более не способны к организованному сопротивлению и к координированным действиям. Французская армия была расколота на 4 группы, из которых 10-я армия занимала крайнее западное положение. Вейган сказал Бруку также, что союзные правительства согласны в том, что Бретань должна быть превращена в предмостное укрепление, обороняемое совместно французскими и британскими войсками по линии, идущей от севера к югу через Ренн. Вейган предписал Бруку развернуть войска вдоль этой линии. Брук указал, что эта оборонительная линия имеет 150 километров длины и требует по крайней мере 15 дивизий. Ответ на это был тот, что данные ему инструкции являются приказом.

Правда, 11 июня в замке Бриэр Рейно и я согласились протянуть нечто вроде оборонительной линии поперек Бретани. Однако в то время все решения расплывались, как туман, и планы не осуществлялись. Сама по себе эта идея была разумной, но у нас не было сил претворить ее в реальность. Поскольку главные французские армии были смяты или уничтожены, это предмостное укрепление не могло долго сопротивляться массовым германским атакам. Но даже и несколько недель сопротивления помогло бы контакту с Англией и сделало бы возможным отход французской армии в Африку из других частей ее необъятного фронта, теперь разорванного в клочья. Если битва во Фран-

ции должна была продолжаться, это могло быть только в Британи, да еще в лесистых и гористых районах, как Вогезы.

Альтернативой для французов была сдача. Поэтому не будем смеяться над идеей предмостного укрепления в Бретани. Союзные армии под командой Эйзенхауэра, в то время неизвестного американского полковника, добыли его нам позднее снова дорогой ценой.

Генерал Брук после разговора с французскими командирами и ознакомившись в своей главной квартире с общим положением дел, которое становилось с каждым часом все хуже — рапортовал британскому военному министерству и телеграфировал Антони Идену, что положение безнадежно. Все дальнейшие работы по укреплению должны быть остановлены и остаток Британских экспедиционных сил, что-то около 150.000 человек, должен быть немедленно эвакуирован. В ночь на 14 июня Брук — очевидно, считая меня самым упорным — разбудил меня звонком по телефону, который, к счастью, был свободен, и сумел внушить мне свой взгляд на положение. Я хорошо его слышал и через 10 минут я был убежден, что он прав и что нам надо уходить. Тотчас были даны нужные приказания. Брук был освобожден от подчинения французам. Началась обратная погрузка складов, снаряжения и людей. Части Канадской дивизии, недавно только высадившиеся, погрузились обратно на свои суда, а 52-я дивизия, которая, кроме 157 бригады, еще не принимала участия в боевых действиях, отступила к Бресту. Ни одна из британских частей, входивших в 10-ю французскую армию, не была отозвана, но все другие наши войска были взяты на суда в Бресте, Шербурге, Сэн-Мало и Сэн-Назэр. 15 июня наши войска были освобождены от подчинения 10-й французской армии и на следующий день, когда 10-я армия продолжала свое отступление к югу, англичане двинулись к

Шербургу. 157-я бригада после тяжелых боев оторвалась от неприятеля, отступила в своих грузовиках и погрузилась на корабли в ночь с 17 на 18 июня. 17 июня было объявлено, что правительство Петэна просило о перемирии и приказывает всем французским войскам прекратить военные действия. Эти сведения не были даже сообщены нашим войскам. Генералу Бруку было поэтому приказано уходить со всеми войсками, какие он мог погрузить на суда и со всем снаряжением, какое он мог спасти.

Мы повторяли теперь в увеличенном масштабе, но зато с большим числом кораблей, эвакуацию Дюнкерка. Свыше 20.000 польских войск, которые отказались капитулировать, пробили себе путь к морю и были отвезены на наших судах в Англию. Немцы преследовали наши войска по пятам. На Шербургском полуострове они были в контакте с нашими арьергардами еще в 10 милях от гавани, утром 18 июня. Последний корабль отошел в 4 часа дня, когда неприятель, во главе с 7-й танковой дивизией генерала Ромеля, был всего в трех милях от порта. Лишь очень немногие из наших солдат попали в плен.

Всего из французских гаваней было эвакуировано 136.000 британских войск (156.000 вместе с польскими войсками) и 310 орудий; это показывает отличную работу эвакуационного штаба генерала Брука; начальник этого штаба, генерал де-Фонбланк, британский офицер, умер вскоре в результате непосильного напряжения.

В Бресте и в западных портах был целый ряд эвакуаций. Германская авиация жестоко атаковала наши транспорты. Ужасный случай произошел 17 июня в Сэн-Назэр. Океанский пароход «Ланкастрия», в 20.000 тонн водоизмещения, с 5.000 солдат на борту был потоплен авиабомбами как раз в момент отхода. Свыше 3.000 человек погибло. Остальные были спасены мелкими судами под непрерывным обстрелом. Ког-

да я узнал эту новость, я запретил ее публиковать со словами: «В газетах уже и так достаточно ужасов на сегодня». Я хотел дать это известие через несколько дней, но тяжелые удары, один хуже другого, обрушились на нас с такой быстротой, что я позабыл снять запрет, и публика узнала об этом ужасном событии лишь много позже.

**
*

Чтобы смягчить впечатление, вызванное готовящейся сдачей Франции, нужно было в этот момент обратиться с посланием к премьер-министрам Доминионов, чтобы показать им, что наше решение продолжать борьбу — даже если мы останемся одни — вызвано не упрямством и не отчаянием; нужно было указать им на ряд реальных и материальных фактов, им до сих пор, вероятно, неизвестных, на которых покоится наша сила и наше решение. Поэтому 16 июня — в день, переполненный многими заботами — я продиктовал следующее обращение:

«Премьер-министр — премьер-министрам Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки. 16 июня 40

... Я не считаю наше положение безнадежным. Еще вовсе не исключена возможность, что французы будут продолжать борьбу в Африке и на море. Но, что бы там ни было, Гитлер должен или сломить нас здесь, на наших островах, или проиграть войну. Главная опасность для нас — это массовые налеты, бомбежка с воздуха в комбинации с парашютистами, а также высадка с моря. Эта опасность стояла перед нами с первого дня войны, и французы никогда не могли спасти нас от нее, она грозила нам все время. Несомненно, что эта опасность усилилась благодаря тому, что Гитлер захватил побережье Европы, лежащее против наших берегов. Тем не менее, в принципе опасность осталась той же. Я не вижу, почему мы не могли бы справиться с ней. Ни один флот не может предотвратить вражескую высадку в 5-10 тысяч человек; но нельзя себе представить, как можно перевезти через море армию

в 80-100 тысяч, да еще высадить ее на берег, при нашем превосходстве в морских силах. А наш воздушный флот, пока он существует, окажет мощную поддержку морскому флоту в предотвращении как морского, так и воздушного десанта.

Хотя мы и понесли тяжелые потери, помогая французам, и при эвакуации Дюнкерка, однако мы сумели предусмотрительно сохранить нашу главную силу — эскадрильи воздушных истребителей — несмотря на настоячивые просьбы Франции пустить их в дело в большой наземной битве (из которой они, наверно, не вернулись бы). К счастью, я могу сказать вам, что эта наша сила не израсходована, что новые самолеты строятся сейчас гораздо быстрее, чем раньше; теперь у нас скорее нехватка в пилотах. Соотношение потерь в воздушных боях у нас обычно было: 2-2½ неприятельских самолета на 1 наш истребитель, даже в неблагоприятных условиях полетов над Францией. Во время эвакуации Дюнкерка, который был своего рода «ничьей землей», наши истребители наносили немцам потери в отношении 3:1 или даже 4:1, и часто германские соединения поворачивали и улетали от четверо меньших отрядов наших истребителей. Но все авторитеты сходятся в том, что наше преимущество при обороне нашей страны от заморских налетов будет еще значительно больше, ибо: 1) мы будем точно знать заранее, откуда они летят и 2) наши эскадрильи держатся тесно вместе, что дает возможность концентрированного удара как на бомбардировщики, так и на охраняющие их истребители. Все их подбитые машины потеряны для них навсегда; многие же из наших сбитых машин и пилотов будут продолжать свою службу. Поэтому не исключена возможность, что при встрече мы их так угостим, что они сочтут дневные атаки слишком дорогим для себя удовольствием.

Главная опасность грозит нашим авиационным заводам от ночных налетов; но зато здесь нет той точности, как при дневных налетах, и у нас есть много средств для уменьшения опасности. Конечно, у них огромное численное превосходство, но не настолько, чтобы лишить нас основательной надежды выравнять эту разницу в течение нескольких недель или месяцев войны в воздухе. В то же время, конечно, наши бомбардировщики будут систематически громить их ключевые пункты, в особенности нефтеочистительные и авиационные заводы, а также район во-

енной индустрии в Рурской области. Мы надеемся, что наши летчики в этом деле не уступят неприятелю. Все это будет — на обеих сторонах — в невиданных до ныне масштабах. Все наши сведения показывают, что немцы сами не рады тому что им пришлось испытать до сих пор.

Надо учесть, что теперь, когда Брит. эксп. силы вернулись домой, перевооружены и вооружаются дальше, если п не в континентальном масштабе, то во всяком случае в достаточном размере для внутренней обороны, — теперь на наших островах мы имеем такую военную силу, какой никогда еще не имели, ни в прошлую войну, ни в эту. Поэтому мы надеемся, что неприятельские десанты, будь то с воздуха, или с моря, будут уничтожены и послужат примером тем, кто попытается следовать за ними. Без сомнения, мы должны ожидать новых форм атак и попыток доставить танки из-за моря. Мы готовимся иметь дело с ними, поскольку мы можем предвидеть их. Никто не может предсказать или гарантировать исход этой борьбы на жизнь и смерть, но мы без сомнения пойдем на нее с твердым сердцем.

Я привожу здесь все эти разъяснения, чтобы показать вам, что у нас есть солидные основания для нашего решения — не следовать по пути Франции, к чему бы он ни привел, удержаться от такого конца. Я лично верю, что зрелище свирепой бойни на наших островах втянет в войну США и, даже если мы будем разбиты превосходящими силами неприятельской авиации, то все же будет возможно — как я сказал в Палате общин — послать наш флот за океан, где он будет охранять нашу Империю и даст возможность продолжать войну и блокаду — верю, совместно с США, — до тех пор, пока режим Гитлера не рухнет от перенапряжения. Мы будем вас извещать каждый раз, когда ваша помощь будет нам нужна, в полной уверенности, что вы сделаете все, что в ваших силах, как и мы, со своей стороны, в твердой решимости делаем все, что можем.

Я составил это обращение в своем кабинете и продиктовал его. Дверь в сад была широко открыта, и снаружи светило яркое и теплое солнце. Маршал авиации Ньюол, начальник Штаба Воздушных сил, сидел в это время на террасе; когда я кончил просматривать текст, я протянул его маршалу для прочтения

и замечаний. Письмо, видимо, произвело на него впечатление, и он сказал, что согласен с каждым словом. Я был успокоен и укреплен, высказав мои убеждения в письменной форме и, когда я прочел свое послание в последний раз перед его отправкой, я почувствовал прилив уверенности в себе. Эта уверенность была оправдана последующими событиями. Всё оказалось правильным.

10.

ПЕРЕМИРИЕ В БОРДО

14-30 июня

Теперь мы покинем поле военного разгрома, чтобы проследить конвульсии французского правительства и его окружения в Бордо.

Не легко восстановить точное следование событий. Британский Военный Кабинет заседал почти непрерывно, и по мере принятия решений немедленно посылались письменные сообщения. Так как они требовали 2-3 часа времени для зашифровки, и еще около часа для расшифровки, то министерство иностранных дел обычно пользовалось телефоном, чтобы сообщить суть дела нашему послу во Франции, и он тоже часто сносился с нами тем же путем. Поэтому нередко происходили повторения и короткие замыкания, производившие путаницу. События на обеих сторонах Ламанша следовали одно за другим с такой быстротой, что было бы ошибкой изображать историю этих дней, как правильное следование причин и следствий, доводов и решений.

Поль Рейно прибыл в Бордо — новое местопребывание правительства — из Тура вечером 24 июня. Он принял британского посла в 9 часов вечера. Сэр Роналд Кэмбл сообщил ему, что британское правительство настаивает на пунктах соглашения 28 марта, обязывающих обе стороны не заключать сепаратно-

го мира с неприятелем. Он также заявил готовность обеспечить необходимый тоннаж на случай, если французское правительство решит переехать в Северную Африку. Оба эти заявления согласовались с последними инструкциями, полученными послом.

Утром 15 июня Рейно снова принял посла и сказал ему, что он окончательно решил разделить правительство на две половины и создать центр управления за морем. Эта политика, очевидно, привела бы к переброске французского флота в порты, расположенные вне сферы германского владычества. В то же утро был получен ответ президента Рузвельта на обращение Рейно 13 июня. Хотя в своей телеграмме к Рейно я старался смягчить этот ответ, однако я знал, что он наверно разочарует его. Материальная помощь была обещана, при условии одобрения Конгресса; но не было и слова о вступлении США в войну. Франция и не могла рассчитывать на такое решение в данный момент, ибо президент не имел права ни решить этот вопрос лично, ни потребовать этого решения от Конгресса. Последнее заседание французского Совета Министров состоялось 13 июня в Канжэ близ Тура.

Теперь все министры уже прибыли в Бордо, и совет был созван на 15 июня после полудня.

**
*

Генерал Вейган уже несколько дней тому назад пришел к убеждению о бесполезности дальнейшего сопротивления. Поэтому он хотел заставить французское правительство просить о перемирии, пока армия, несмотря на поражение, еще сохраняла какую-то дисциплину и была способна поддерживать внутренний порядок. У Вейгана было глубокое, врожденное отвращение к парламентарному режиму Третьей Республики. Как верующий католик, он видел в руинах, теперь покрывших его родину, Божью кару за отход от

христианской веры. Поэтому он пользовался своей властью, как главы вооруженных сил, гораздо шире, чем того требовали или допускали его профессиональные обязанности. Он твердо заявил премьер-министру, что французские армии больше не могут сражаться и что пора остановить страшную и бесполезную бойню, пока не настала общая анархия.

С другой стороны, Поль Рейно и сам видел, что битва за Францию кончена; но он всё еще надеялся продолжать войну из французской Африки и колоний с помощью французского флота. Еще ни одно из прочих государств, захваченных Гитлером, не вышло из состояния войны. Физически в их собственных землях они были в тисках, но за морем их правительства подымали свои флаги и поддерживали свою национальную идею. Рейно хотел следовать их примеру, и для этого у него были гораздо более крупные ресурсы. Он искал решения по примеру Голландии. Эта страна капитулировала, она позволила своей армии — вожди которой отказались от дальнейшей борьбы — положить оружие всюду, где только она входила в контакт с неприятелем; и тем не менее Нидерланды сохранили за собой свое суверенное право продолжать борьбу всеми средствами, какие были в их силах.

На этой почве между Рейно и Вейганом произошло резкое столкновение перед самым заседанием совета министров. Рейно предложил Вейгану письменное полномочие правительства на отдавание приказа «прекратить огонь». Вейган с возмущением отверг предложение о военной капитуляции. «Он никогда не согласится покрыть позором знамена французской армии». Акт о капитуляции, который он считал крайне необходимым, должен был, по его словам, исходить от правительства и от государства, и такому акту армия, которой он командовал, подчинится по долгу службы. В этом генерал Вейган — хотя и искренний

и бескорыстный человек — был неправ. Он считал, что солдат вправе отказать в подчинении законному правительству республики и таким образом сорвать все сопротивление, не только в самой Франции, но во всей ее Империи, вопреки решению своего политического и законного главы.

Помимо этих формальностей и разговоров о чести французской армии здесь был и вполне реальный пункт. Перемирие, формально заключенное французским правительством, означало бы конец войны для Франции. Путем переговоров, часть страны могла бы быть оставлена неоккупированной и часть армии на свободе; тогда как, если война продолжается из-за моря, то все, кто не успел выехать из Франции, находясь под непосредственным германским контролем, и миллионы французов будут увезены в Германию как военнопленные, не защищаемые никаким соглашением. Это был весьма существенный аргумент; но разрешить этот вопрос могло только правительство республики, а не Главнокомандующий армией.

Мысль Вейгана была такова: так как армия, ему подчиненная, по его мнению, не в состоянии больше сражаться, то Французская Республика должна приказать своим вооруженным силам повиноваться военному приказу, который он, Вейган, конечно, готов отдать. Эта его точка зрения не находит оправдания ни в законе, ни в обычаях цивилизованных народов, ни в профессиональной чести солдата.

Теоретически говоря, у Рейно было что ответить Вейгану. Он мог отпарировать: «Вы оскорбляете конституцию Республики. Вы немедленно лишаетесь командования. Я получу необходимые санкции от президента».

К несчастью, Рейно был недостаточно уверен в своей позиции. Позади самоуверенного генерала стояла крупная фигура маршала Петэна, главы этой группы министров-пораженцев, которую Рейно так неос-

моторительно ввел во французское правительство и которые все как один стояли за прекращение войны. А за ними опять-таки притаилась зловещая фигура Лавалья, водворившегося в ратуше Бордо, и окруженного кликой возбужденных сенаторов и депутатов. Политика Лавалья отличалась двумя качествами: силой и простотой. Франция должна не только заключить мир с Германией; она должна сменить ориентацию, стать союзником победителя и своей лояльностью и участием в борьбе против общего врага по ту сторону Ламанша спасти свои интересы, свои колонии и закончить войну в стане победителей. Очевидно Рейно, изнуренный испытаниями, выпавшими ему на долю, уже не имел сил для этого личного состязания, которое требовало сил и возможностей Оливера Кромвеля или Клемансо, Сталина или Гитлера.

Дискуссия на эту тему состоялась 15 июня после полудня, в присутствии президента Республики. Рейно, изложив ситуацию своим коллегам, обратился к маршалу Петэну с просьбой склонить Вейгана к точке зрения Кабинета. Он не мог выбрать худшего посредника. Маршал вышел из комнаты. Наступил перерыв. Спустя некоторое время маршал вернулся с Вейганом, позицию которого он теперь поддерживал. В этот опасный момент Шотан, видный министр, внес коварное предложение, которое носило характер компромисса, соблазнительного для колеблющихся. Он провозгласил от имени левых членов кабинета, что Рейно прав, утверждая, что соглашение с неприятелем неприемлемо, но что благоразумие требует жеста, который мог бы объединить всю Францию. Следовало запросить немцев об условиях перемирия, оставляя за собой свободу отвергнуть их. Но, конечно, раз встав на эту скользкую покатость, уже трудно было остановиться. Известие, что французское правительство запрашивает немцев об условиях перемирия, было само по себе достаточно, чтобы окончательно по-

дорвать дух французской армии. Как можно было требовать от солдат упорного сопротивления после такого фатального шага? Однако, в комбинации с демонстрацией, проявленной Петэном и Вейганом, предложение Шотана произвело роковое действие на большинство кабинета. Было постановлено запросить правительство Великобритании, как оно посмотрит на такой шаг, информируя его одновременно, что сдача флота ни в коем случае не будет допущена. Тут Рейно поднялся из-за стола и заявил о своем намерении подать в отставку. Но президент Республики удержал его и заявил, что если Рейно уходит, то и он также уйдет. Когда прерванное заседание возобновилось, то не было проведено ясного разграничения между отказом сдать французский флот немцам и отправкой его в порты вне Франции. Было постановлено: запросить согласие британского правительства на обращение к немцам за условиями перемирия. Запрос этот был немедленно отправлен.

**

На следующее утро Рейно снова принял посла Великобритании, который сказал ему, что его правительство готово удовлетворить просьбу Франции при условии, что французский флот будет помещен за пределами германского владычества, а именно в портах Великобритании. Посол Кэмбл получил эту инструкцию из Лондона по телефону, для сбережения времени. В 11 часов потерявший голову Совет Министров собрался снова; президент Лебрэн также присутствовал. Президент Сената Жанненэ пришел с тем, чтобы подписать как за себя, так и за своего коллегу, президента Палаты Эррио, предложение премьер-министра о переезде правительства в Северную Африку. Затем поднялся маршал Петэн и прочел письмо, написанное, повидимому, для него другой рукой, в

котором он отказывается от участия в Кабинете. Закончив чтение, он хотел покинуть комнату. Но президент республики убедил его остаться при условии, что ответ будет дан ему в течение дня. Маршал жаловался также на задержку в отправке просьбы о перемирии. Рейно ответил ему, что если кто-либо обращается к своему союзнику с просьбой освободить его от обязательств, то принято подождать его ответа. Заседание на этом было закрыто. После завтрака Рейно получил от британского посла письменный ответ британского правительства, текст которого был уже сообщен утром по телефону.

**
*

В эти дни Военный Кабинет Великобритании был в состоянии необычного волнения. Падение Франции и ее судьба не выходили у нас из головы. Наша собственная участь — что предстоит нам теперь, когда мы остаемся одни — как-то отошла на второй план. Скорбь за нашего союзника, находящегося в агонии, желание сделать для него всё, доступное человеческим силам, чтобы помочь ему — вот было общее настроение. Была еще неотступная забота о судьбе французского флота. В этой атмосфере и родилась мысль: о «нерасторжимой унии» между Францией и Великобританией.

Я не был инициатором. Впервые я услышал об этом 15 июня за завтраком в Карлтон клубе, на котором присутствовали лорд Галифакс, мосье Корбэн, сэр Роберт Ванситтарт, и еще кто-то. Было очевидно, что этот вопрос уже серьезно обсуждался раньше. Накануне Ванситтарт и Десмонд Мортон встретились с Моннэ и Плевеном — членами французской экономической миссии в Лондоне; к ним присоединился генерал Де Голль, который прилетел из Франции, чтобы исхлопотать тоннаж для перевозки французского пра-

вительства и, поскольку возможно, войск в Северную Африку. Они сообща набросали проект декларации об образовании Франко-Британской Унии со специальной целью дать в руки Рейно новый козырь, дабы убедить большинство французского кабинета переехать в Африку и продолжать войну. Моя первая реакция была отрицательной. Я задал ряд вопросов критического характера и был отнюдь не убежден ответами. Однако в тот же день в заседании нашего Военного Кабинета этот вопрос был поднят. Я был несколько удивлен, видя как степенные, флегматичные, испытанные политики всех партий с неожиданной страстью углубились в рассмотрение громадного проекта, замыслы и возможные последствия которого еще никем не были продуманы до конца. Я не возражал, наоборот, легко дал себя увлечь этому великолепному порыву, который выносил наши решения на большую высоту бескорыстной и смелой деятельности.

Когда на следующее утро Военный Кабинет собрался, мы начали заседание с ответа на полученную накануне вечером просьбу Рейно освободить Францию от ее обязательств по Англо-Французскому соглашению. Кабинет утвердил следующий ответ, который, по общей просьбе, был набросан мною тут же в соседней комнате. Он был отослан из Лондона в 12.35 дня 16 июня. Он подтверждал и повторял в официальной форме то, что было сообщено по телефону нашему послу Кэмблу сегодня утром.

«Мин-во иностранных дел — Кэмблу.

Пожалуйста передайте г-ну Рейно следующее сообщение, которое было одобрено Кабинетом:

«Черчилль — Рейно

16 июня 1940

Наше соглашение, воспрещающее сепаратные переговоры о перемирии или о мире, было заключено с Французской Республикой, а не персонально с каким-либо французским правительством и не с отдельными лицами. Поз-

тому в данном случае дело идет о чести Франции. Тем не менее, **при условии, и только при том условии, что французский флот немедленно приходит в британские гавани еще до конца переговоров**, Правительство Его Величества дает свое полное согласие на то, чтобы французское правительство осведомилось об условиях перемирия для Франции. Со своей стороны Правительство Его Величества, исполненное решимости продолжать войну, категорически отказывается от какого-либо участия в вышеупомянутом осведомлении, касающемся перемирия».

В тот же день второе послание того же содержания было послано нашим министерством иностранных дел нашему послу во Франции Кэмблу. Оба послания были сухими и преследовали главную цель, намеченную в утреннем заседании Военного Кабинета.

«Мин. иностранных дел — Кэмблу.

Благоволите известить г. Рейно о следующем: мы ожидаем, что, как только условия перемирия будут получены, мы будем привлечены к совместному совещанию. Это необходимо не только в силу договора, воспрещающего сепаратный мир или перемирие, но также ввиду важных последствий перемирия для нас самих, особенно ввиду того, что британские войска сражаются вместе с французской армией. Вы должны внушить французскому правительству, что, настаивая на отправке французского флота в порты Великобритании, мы имеем ввиду французские интересы в той же степени, как и наши собственные, и мы убеждены, что это лишь усилит позицию французского правительства в переговорах о перемирии, если оно сможет указать, что их флот не попал в руки немцев. Что касается воздушного флота Франции, то мы полагаем, что должны быть приложены все усилия к тому, чтобы отправить его в Северную Африку, если только французское правительство не предпочтет послать его сюда, в Англию.

Мы рассчитываем, что французское правительство делает всё возможное до и во время переговоров о перемирии для того, чтобы выделить польские, бельгийские и чешские войска, находящиеся сейчас во Франции, и послать их в Северную Африку. Здесь уже делаются приготовления для приема польского и бельгийского правительств».



Мы снова собрались в тот же день в 3 ч. пополудни. Я напомнил Кабинету, что в конце прошлого заседания у нас был обмен мнений по поводу предложения о принятии новой декларации о тесном союзе между Францией и Великобританией. Я видел утром генерала Де Голля и он убеждал меня, что нужен какой-то драматический шок, чтобы помочь Рейно удержать свое правительство в войне с Германией; он полагает, что провозглашение неразрывного союза французского и британского народов могло бы помочь делу. Как генерал Де Голль, так и Корбэн были озадачены резкостью решения, принятого Военным Кабинетом сегодня утром и выразили свое беспокойство в телеграмме, уже ими отправленной. Я слышал, что проект новой декларации уже набросан для обсуждения, и что генерал Де Голль телефонировал Рейно. В результате всего этого казалось лучше отложить на время всякие действия. Поэтому Кэмблу была послана телеграмма с просьбой задержать передачу.

Министр иностранных дел сказал, что после нашего утреннего заседания он видел Роберта Ванситарта, которого он заранее еще просил набросать проект драматического обращения, которое могло бы усилить позицию Рейно. Ванситарт совещался с генералом Де Голлем, Моннэ, Плевеном и майором Мортонном. Они там набросали текст прокламации. Генерал Де Голль настаивал на немедленном отпечатании этой прокламации и хотел взять ее с собой во Францию сегодня же вечером. Он также предложил и мне ехать, чтобы завтра же встретиться с Рейно.

Текст прокламации пошел из рук в руки и все читали его с большим вниманием. Сразу бросались в глаза некоторые неувязки, но в конечном счете Декларация Единства повидимому вызывала всеобщее одобрение. Я отметил, что мое первое инстинктивное чув-

ство было против этой идеи, но что в этом кризисе мы не должны давать повода обвинять нас в недостатке воображения. Какое-то патетическое воззвание, несомненно, необходимо для поддержания духа французов. Не так-то легко было отмахнуться от такого предложения, и я воспрянул духом, услышав в Военном Кабинете целый ряд благоприятных отзывов о декларации.

В 3 ч. 55 м. нам сообщили, что французский Совет Министров соберется в 5 часов, чтобы решить вопрос о возможности дальнейшего сопротивления. Далее генерал Де Голль узнал, по телефону от Рейно, что если к 5 часам дня будет получен благоприятный ответ по поводу проектируемой прокламации, то он, Рейно, повидимому, сможет удержаться на своем посту. Тогда Военный Кабинет одобрил окончательную редакцию прокламации о создании Англо-Французской Унии и поручил генералу Де Голлю передать ее Рейно по телефону. Далее Военный Кабинет просил меня, Эттли и Арчибальда Синклэра — представителей трех британских партий — встретиться с Рейно в ближайший момент, чтобы обсудить прокламацию и связанные с ней вопросы.

Вот окончательный текст прокламации:

Декларация Единства.

«В этот час — самый роковой в истории современного мира — правительства Соединенного Королевства и Французской Республики объявляют о своем соединении в нерасторжимый союз и о своей непреклонной решимости сообща защищать справедливость и свободу от режима, который обращает человека в раба и робота.

Оба правительства заявляют, что отныне Франция и Великобритания более не являются двумя нациями, но единым Французско-Британским Союзом.

По своей конституции Союз будет иметь общие органы обороны, иностранной, финансовой и экономической политики.

Каждый гражданин Франции автоматически получает гражданство Соединенного Королевства; каждый британский подданный становится гражданином Франции.

Обе страны разделяют между собой ответственность и расходы по восстановлению разрушений войны где бы то ни было на их территориях; ресурсы обеих стран будут поровну расходоваться на эти цели.

В течение войны будет единый Военный Кабинет, и все силы Великобритании и Франции, на суше, на море и в воздухе, будут под его управлением. Кабинет будет управлять из того места, какое он найдет для этого лучшим. Оба парламента будут формально соединены. Народы Британской Империи уже формируют новые армии. Франция сохранит свои наличные силы — наземные, морские и воздушные. Союз обращается к США с призывом подкрепить экономические ресурсы союзников и вложить свои огромные материальные ресурсы в общее дело.

Союз сосредоточит всю свою энергию на борьбе с врагом, где бы ни пришлось ее вести.

И этим мы победим».

Обо всем этом Парламент был уведомлен своевременно. Но к назначенному моменту наша затея уже рассыпалась в прах.

Как мы видели, я не был автором декларации. Она была составлена сообща за круглым столом, и я только внес свой вклад. Затем я взял текст в следующую комнату, где были Де Голль, Ванситтарт, Десмонд Мортон и Корбэн. Генерал прочел текст с необычным для него энтузиазмом и, как только было получено прямое сообщение с Бордо, Де Голль начал читать его в телефон слушавшему его Рейно. Он, как и мы все, надеялся, что эта торжественная прокламация союза и братства двух наций и империй даст ведущему борьбу премьеру Франции средства перевезти его правительство в Африку со всеми наличными силами и приказать французскому флоту плыть в гавани, не доступные германской угрозе.

**
*

Мы должны теперь перенестись на другой конец телефонного провода. Британский посол передал две депеши в ответ на просьбу Франции освободить ее от обязательства, данного 28 марта. Согласно его отчету, Рейно, который был в угнетенном настроении, принял их не очень хорошо. Он сразу возразил, что уход французского флота из Средиземного моря в британские порты вызовет немедленное занятие Туниса Италией и этим создаст затруднения для британского флота. На этом месте их разговор был прерван звонком Де Голля. «Это подействовало, — писал посол, — как возбуждающее средство». Рейно сказал, что за такой документ он готов сражаться до конца. В этот момент к нему подошли Мандель и Марэн. Для них эта новость, очевидно, тоже была огромным облегчением. Рейно поспешил к президенту республики, чтобы прочесть документ. Он надеялся, что с этими огромными гарантиями он сможет увлечь за собой весь Кабинет на путь переезда в Африку и продолжения войны. Моя телеграмма послу с просьбой задержать передачу наших «сухих» сообщений или же как-нибудь смягчить действие их пришла немедленно после того, как премьер ушел. Поэтому за Рейно был послан вдогонку «гонец», чтобы сказать ему, что предыдущие два письма надо считать «отмененными». «Приостановлены» было бы более подходящим словом, ибо наш Военный Кабинет вовсе не изменил своей позиции. Однако, мы чувствовали, что лучше позволить «Декларации Единства» появиться на свет при наиболее благоприятных условиях. Если бы французский Совет Министров был воодушевлен декларацией, то на радостях увод флота из-под угрозы немцев был бы утвержден автоматически. Если же Союз был бы принят холодно, то мы могли бы снова предъявить наши права и притязания. Мы не могли знать, что происходило во французском правительстве, как не

ответил, что такая декларация может целиком изменить решение французского правительства. Генерал возвращается сегодня вечером с копией».

В этот день, 16 июня, наш Военный Кабинет заседал до 6 часов, а затем я отправился выполнять мою миссию. Я взял с собой лидеров рабочей и либеральной партий, трех начальников штабов и нескольких крупных офицеров и чиновников. Специальный поезд ждал нас на вокзале Ватерлоо. Через два часа мы должны были прибыть в Саутхэмптон; ночь нам предстояло провести на борту крейсера, идущего со скоростью 30 узлов с тем, чтобы к полудню 17 июня прибыть к месту свидания. Моя жена приехала со мной к поезду проводить меня. Но с отходом поезда произошла какая-то странная задержка. Повидимому, что-то произошло. Наконец, появился запыхавшийся мой личный секретарь, который принес мне с Даунинг-стрит следующее извещение от Кэмбла из Бордо:

«Произошел министерский кризис... Надеюсь иметь новости к полуночи. Пока свидание, сговоренное на завтра, невозможно».

С тяжелым сердцем я вернулся на Даунинг-стрит.

**
*

Конец кабинета Рейно был таков: надежды, которые Рейно возлагал на «Декларацию Единства», быстро угасли. Редко случалось, чтобы столь великодушное предложение встречало такой враждебный прием. Премьер прочел прокламацию Совету Министров дважды. Он решительно высказывался за ее принятие и прибавил, что он условился встретиться со мной на следующий день, чтобы обсудить детали. Но министры, как прославленные, так и незначительные, ошеломленные и подавленные страшным поражением страны, ничего не хотели слушать. Некоторые из них уже узнали о прокламации, подслушивая разговоры по

телефону. Это были пораженцы. Большинство было совершенно не подготовлено к таким далеким перспективам. Преобладающее настроение Совета было отвергнуть весь план целиком. Удивление и недоверие — вот что чувствовало большинство, и даже наиболее расположенные и решительные были смущены. Совет Министров ожидал получить из Англии ответ на просьбу Франции — освободить ее от обязательства, данного 28 марта — с тем, чтобы он мог запросить Германию об ее условиях перемирия. Очень возможно и даже вероятно, что если бы наш формальный ответ был им уже известен, то большинство приняло бы наше первое требование о посылке французского флота в Англию или по крайней мере сделало бы другие разумные предложения и таким образом открыло бы путь для прямых разговоров с неприятелем, сохраняя в то же время для себя крайнее решение об уходе в Африку, если бы германские требования оказались слишком суровыми. Но сейчас это был классический пример: два взаимно противоположных ответа породили беспорядок, смятение, хаос.

Поль Рейно был совершенно неспособен преодолеть неблагоприятное впечатление, произведенное декларацией Англо-Французского Союза. Группа пораженцев, возглавляемая Петэном, отказалась даже рассматривать ее. Слышались резкие слова. Это был якобы «план в последнюю минуту», «попытка захватить врасплох», «замысел наложить опеку на Францию или завладеть ее колониальной империей». Этот план снижал якобы Францию до положения доминиона. Другие жаловались на то, что даже нет равенства в правах, ибо англичане получают права граждан Франции, а французы только права граждан Британской Империи, а не Великобритании. Это предположение опровергается текстом.

За этими аргументами последовали иные. Вейган без большого труда уверил Петэна, что Англия обре-

чена на гибель. Высшие военные чины Франции провозглашали: «Через три недели Англии скрутят горло, как цыпленку». По словам Петэна, «союз с Великобританией был равносителен союзу с трупом». Ибарнегарэ, который так доблестно вел себя в предыдущую войну, воскликнул: «Уж лучше быть провинцией у наци. По крайней мере там все ясно». Сенатор Рейбель, личный друг генерала Вейгана, заявил, что этот план означал полное разрушение Франции и во всяком случае окончательное подчинение Англии. Напрасно Рейно возражал: «Я предпочитаю сотрудничать с моими союзниками, чем с моими врагами». А Мандель спрашивал: «Вам больше нравится быть Германской областью, чем Британским Доминионом?» Все было напрасно.

Мы уверены, что сообщение Рейно о нашем предложении никогда не было поставлено на голосование в Совете Министров. Оно провалилось само собой. Это была личная и фатальная неудача Рейно, которая означала конец его влияния и авторитета в Совете. Вся дальнейшая дискуссия была посвящена перемирию и выяснению у немцев условий его, и тут Шотан был тверд и неуступчив. Наши две телеграммы о флоте не были доложены Совету. Требование, чтобы он был приведен в британские порты, как предварительное условие для переговоров с немцами, не было поставлено на обсуждение Кабинета, который был теперь в состоянии полного разложения. Около 8 часов Рейно, крайне изможденный физическим и духовным напряжением последних дней, отправил Президенту Республики свою отставку и предложил ему пригласить маршала Петэна. Этот поступок следует считать преждевременным. Рейно, повидимому, все еще лелеял надежду, что он сможет увидеться со мной на другой день и сказал об этом генералу Спирсу. «Завтра будет другое правительство и вам уже не придется говорить ни с кем», — ответил Спирс.

Вот что телефонировал Кэмбл 16 июня:

«Рейно, который так воспрянул духом после велико-лепного послания премьер-министра (Черчилля), сказал нам позже, что голоса в пользу выяснения условий перемирия оказались слишком сильны. Он дважды прочел в Совете послание и разъяснил его значение и надежду, которую оно нам подает в будущем. Но это не подействовало.

Мы уговаривали Рейно с полчаса, убеждая его попробовать избавиться от дурного влияния среди его коллег. После краткого свидания с г-м Манделем, мы вторично позвонили председателю Сената г. Жанненэ (который держится, как и председатель Палаты, здравых взглядов) в надежде, что он сможет повлиять на президента Республики, и совместными усилиями добиться того, чтобы новый Кабинет составил опять Рейно.

Мы просили его (Жанненэ) разъяснить президенту, что предложение, заключенное в послании, не распространяется на правительство, которое вошло в переговоры с неприятелем.

Час спустя Рейно уведомил меня, что он побежден и подал в отставку. Комбинация из маршала Петэна и генерала Вейгана, которые живут в ином мире и воображают, что они будут за зеленым столом по старым традициям обсуждать с победителями условия мира — оказалась слишком сильной для слабых членов правительства, которых генералы запугали перспективами революции».

**
*

16 июня после полудня Моннэ и генерал Де Голль пришли ко мне в помещение Кабинета министров. Де Голль, как 2-й статс-секретарь Национальной обороны, только что приказал французскому судну «Пастер», которое везло оружие из Америки в Бордо, повернуть в британский порт. Моннэ составил план: все французские заказы Америке на оружие перевести на Англию, если только Франция заключит сепаратный мир. Он, очевидно, ожидал этого и старался спасти, что можно, раньше, чем наступит то, что он считал чем-то вроде конца мира. Все его поведение в этом

деле было безупречно. Затем он предложил послать все имеющиеся у нас эскадрильи самолетов-истребителей для участия в заключительной битве над Францией, которая без сомнения уже приближается к концу. Я сказал ему, что это невозможно. Даже здесь он употребил обычные аргументы — «решающая битва», «сейчас или никогда», «если Франция падет — все падет!» и т. д. Но в этом вопросе я не мог пойти ему навстречу. Тогда мои французы поднялись и направились к двери. Выходя последним, Де Голль, который до сих пор не промолвил почти ни слова, повернулся и, подойдя ко мне, сказал по-английски: «Я думаю, что вы совершенно правы». Мне казалось, что под его бесстрашной, невозмутимой внешностью могло таиться глубокое страдание. С этим высоким, флегматичным человеком у меня ассоциировалось представление о «Конетабле Франции». В тот же день он вернулся на британском самолете, который я предоставил в его распоряжение, во Францию, в Бордо. Но не надолго.



Маршал Петэн быстро составил французское правительство с главной целью — получить от Германии немедленное перемирие. К 16-му июня его поразительная группа в правительстве была уже настолько организована и сплочена, что весь процесс не занял много времени. Мосье Шотан («спрашивать об условиях — не обязательно принимать их») стал вице-председателем Совета Министров. Генерал Вейган, который считал, что все потеряно, стал министром национальной обороны. Адмирал Дарлан возглавлял морское министерство, а Бодуэн — министерство иностранных дел.

Единственное затруднение возникало, повидимому, с Лавалем. Сперва Петэн хотел предложить ему

пост министра юстиции, но Лаваль отверг его с презрением. Он требовал себе министерство иностранных дел, которое единственное, по его мнению, давало ему возможность осуществить свой план: переменить союзников Франции, покончить с Англией и присоединиться в качестве младшего партнера к новой нацистской Европе. Маршал Петэн подчинился сразу динамике этой исключительной личности. Бодуэн уже принял было министерство иностранных дел; но он сам считал себя совершенно неподходящим для этого дела и готов был отказаться от него. Но когда он признался в этом постоянному секретарю министерства иностранных дел Шарлю Ру, то тот вознегодовал и обратился за поддержкой к Вейгану. Когда Вейган вошел в залу и обратился к престарелому маршалу, то Лаваль пришел в такую ярость, что оба генерала сдались. Однако, постоянный секретарь наотрез отказался служить с Лавалем. Здесь маршал снова уступил и после бурной сцены Лаваль покинул залу в гневе и возмущении.

Это был критический момент. Когда четыре месяца спустя, 28 октября, Лаваль, наконец, стал министром иностранных дел, то была уже другая конфигурация военных сил. Британское сопротивление Германии было уже установленным фактом. Повидимому, Великобритания не могла быть полностью сброшена со счетов. Как бы то ни было, но ее горло еще не было «скручено, как у цыпленка, в три недели». Это был новый факт, и этому факту вся Франция радовалась.

**
*

Наша телеграмма от 16 июня обуславливала наше согласие на заключение Францией перемирия прибытием французского флота в британские гавани. Она была доставлена уже маршалу Петэну. Наш Во-

енный Кабинет, по моему предложению, постановил послать еще одну телеграмму на ту же тему. Но мы говорили тогда в пустоту.

17 июня я отправил личное послание маршалу Петэну и генералу Вейгану, копии которого были переданы нашим послом президенту Франции и адмиралу Дарлану:

«Я хотел бы подтвердить вам мою глубокую уверенность, что знаменитый маршал Петэн и славный генерал Вейган, наши товарищи по оружию в двух великих войнах против Германии, не нанесут ущерба их союзнику передачей неприятелю славного французского флота. Такой поступок запятнал бы их имена в истории на тысячу лет. И однако это легко может случиться, если не будут использованы ближайшие дни и часы, когда флот еще может безопасно прибыть в английские или американские порты, принося с собой надежду на будущее и честь Франции.»

Чтобы подкрепить это обращение личным влиянием на месте, мы послали во Францию Первого морского лорда, который считал себя в прямом личном и профессиональном контакте с адмиралом Дарланом, далее Первого лорда Александера и лорда Ллойда, министра колоний, известного друга Франции. Задачей всех троих было установление возможно более близкого контакта с новыми французскими министрами. Наши послы получили торжественные заверения, что французский флот никогда не попадет в руки немцев. Но вне сферы германского контроля уже не оставалось больше никаких французских судов.

**
*

По желанию Военного Кабинета, я сделал по радио вечером 17 июня следующее заявление:

«Из Франции приходят плохие вести и я глубоко опечален за доблестный французский народ, на которого обрушилось такое страшное бедствие. Ничто не может изменить наших чувств к нему и погасить нашу веру в то,

что гений Франции воспрянет снова. То, что случилось во Франции, нисколько не меняет наших целей и действий. Мы остаемся сейчас единственными борцами, которые с оружием в руках защищают дело свободного мира. Мы постараемся показать себя достойными этого почетного звания. Мы будем защищать наши острова и с помощью нашей Империи мы будем продолжать борьбу до тех пор, пока проклятие Гитлера не будет снято с чела человечества. Мы уверены, что, в конце концов, все будет хорошо.»

Утром 17 июня я сообщил моим коллегам по Кабинету о телефонном разговоре, который я имел ночью с генералом Спирсом; он сказал мне, что при новой ситуации в Бордо он вряд ли сможет сделать что-либо полезное. Он проявил беспокойство о безопасности генерала Де Голля. Спирс, повидимому, был предупрежден, что при сложившихся обстоятельствах для Де Голля было бы, пожалуй, лучше покинуть Францию. Я охотно дал свое согласие на этот план. Итак в это утро, 17 июня, Де Голль, как ни в чем не бывало, пошел на свою службу в Бордо, назначил целый ряд дел и встреч на послеобеденные часы, а затем поехал на аэродром проводить своего друга Спирса. Они пожали друг другу руки и распрощались, а когда самолет медленно тронулся, Де Голль вскочил в кабинку и захлопнул дверь. Самолет поднялся уже в воздух, когда французская полиция и чиновники поняли в чем дело. Де Голль увез с собой в этом маленьком самолете честь Франции.

В тот же вечер он произнес по радио свое памятное воззвание к французскому народу. Один отрывок из него стоит того, чтобы его напомнить:

«Франция не одна. За ней ее обширная Империя. Она может объединиться с Британской Империей, которая держит контроль над морями и продолжает борьбу. Франция, подобно Англии, может полностью пользоваться обширными индустриальными ресурсами США.»

Другие французы, желавшие продолжать борьбу, были не так счастливы. Когда правительство Петэна сформировалось, то вопрос переезда его в Африку с тем, чтобы поместить центральную власть вне сферы германского контроля, еще стоял открытым. Он дебатировался в заседании кабинета Петэна 18 июня. В тот же вечер президенты Палаты и Сената, президент Лебрэн и маршал Петэн собрались вместе. Там, повидимому, царило полное согласие, по крайней мере по вопросу посылки парламента в Северную Африку. Даже маршал Петэн не был против. Он лично намерен был оставаться в самой Франции, но не видел препятствий к тому, чтобы вице-председатель Совета, Шотан, переехал в Африку и действовал там от его имени. Когда слухи о предстоящем исходе ходили по возбужденному городу, то Вейган был против переезда. Такой уход, думал он, только сорвет «честные» переговоры о перемирии, которые должны были уже начаться через посредство Мадрида, по инициативе французов, 17 июня. Лаваль был сильно обеспокоен. Он опасался, что создание центра сопротивления вне Франции сорвет ту политическую линию, которую он сам вел. Он принялся за работу среди группы депутатов и сенаторов, собравшихся в Бордо.

Дарлан, морской министр, держался другого мнения. Собрать всех главных критиков его образа мыслей на одном корабле — казалось ему наиболее удобным разрешением многих трудностей. Очутившись на борту, все эти люди оказывались в его власти, и у правительства будет достаточно времени, чтобы решить, что делать. С одобрения нового кабинета Дарлан предлагал всем видным политическим деятелям, которые стояли за то, чтобы переехать в Африку, перейти на вооруженный вспомогательный крейсер «Массилия». Корабль должен был отплыть из устья Жиронды 20 июня. Однако многие, кто строил планы на Африку, в том числе Жанненэ и Эррио, подозре-

вали ловушку и предпочитали отъезд сушей, через Испанию. В конце концов, составила группа из 24 депутатов и сенаторов, в том числе Мандель, Кампинки и Даладье, которые все активно настаивали на отъезде в Африку. 21 июня «Массилия» отплыла. 23 июня пароходное радио сообщило, что правительство Петэна приняло условия и подписало перемирие с Германией. Кампинки немедленно пытался убедить капитана направить судно в Англию, но тот без сомнения имел свои инструкции и ответил своему недавнему начальнику решительным отказом. Неудачливая группа патриотов переживала на корабле часы тревоги, пока наконец «Массилия» не пристала 24 июня в Казабланке.

Теперь Мандель действовал со своей обычной решимостью. Он вместе с Даладье составил прокламацию, возвещающую установление в Северной Африке правительства сопротивления, главной которого был он, Мандель. Он сошел на берег и, позвонив британскому консулу, водворился в отеле «Эксцельсиор». Затем он попытался распространить свою прокламацию повсюду при помощи агентства Гаваса. Когда генерал Ногес прочел этот текст, он пришел в сомнение. Он остановил действие прокламации и телеграфировал Дарлану и Петэну. Те решили теперь не допускать параллельной власти и возможных соперничающих правительств за пределами германской власти. Мандель был арестован в своем отеле и отдан под местный суд; но магистрат — позднее распущенный правительством Виши — оправдал и освободил его. Однако, по приказу генерала Ногеса, он был снова арестован и доставлен обратно на «Массилию», которая отныне была взята в гавани под строгий контроль, причем пассажиры ее лишены были права общаться с берегом.

Я, не имея, конечно, понятия о том, что происходило там, задумывался над судьбою французов, желающих продолжать борьбу.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 24 июня 40

Мне кажется крайне важным создать сейчас, пока еще не закрыта возможность, организацию по отправке французских офицеров и солдат, желающих сражаться, в различные порты. Нечто вроде «подпольной железной дороги», как в старые дни рабства или организации «Алый Цветок». Я не сомневаюсь в том, что найдется не мало решительных людей и мы должны сделать все возможное для обороны французских колоний. Адмиралтейство и воздушные силы должны быть привлечены к содействию. Генерал Де Голль и его Комитет будут руководящим органом.»

На ночном заседании Военного Кабинета 25 июня мы услышали между прочим, что какой-то корабль с большим числом известных политических деятелей Франции на борту прошел через Рабат. Мы решили сейчас же установить контакт с ними. Даф Купер, министр информации, сопровождаемый лордом Гортом, отправился в Рабат на заре на гидроаэроплане Сандерланд. Они нашли этот город в трауре. Флаги были приспущены, церковные колокола печально звонили, и в соборе шла траурная месса о поражении Франции. Все попытки войти в контакт с Манделем были тщетны. Вице-губернатор, по имени Морис, заявил не только по телефону, но и лично при аудиенции, которой Даф Купер добился, что он не может нарушить приказа своего начальника. «Если бы генерал Ногес приказал мне застрелиться, я бы повиновался с радостью. К сожалению, его приказания, данные мне, еще более жестоки».

Бывшие французские министры и депутаты фактически содержались на положении беглых арестантов. Нашим посланцам не оставалось ничего иного, как вернуться тем же путем, каким они прибыли. Несколько дней спустя я дал инструкции Адмиралтейству попытаться захватить «Массилию» и спасти ее пас-

сажиров. Однако плана захвата не удалось составить и «Массилия» простояла около трех недель перед батареями Казабланки, после чего вся группа депутатов была привезена обратно во Францию; с ней поступили так, как правительство Виши считало удобным для себя и приятным для своих германских хозяев. Мандель прошел долгий и мучительный путь интернирования, закончившийся его убийством по приказу немцев в конце 1944. Так погибла надежда создания сильного французского правительства в Африке или в Лондоне.

Вообще говоря, бесполезно представлять себе, что произошло бы, если бы какое-то важное событие или решение было иным, чем оно было на деле; и однако такие попытки часто бывают соблазнительны, а иногда и поучительны. 16 июня судьба Франции была решена совпадением дюжины мелких случайностей. Если бы Рейно удержался 16-го, то в понедельник 17-го в полдень я был бы уже с ним, сопровождаемый самой мощной делегацией, которая когда-либо отправлялась из Англии, вооруженный полномочиями Британской Нации. Конечно, мы встали бы против Петэна, Вейгана, Шотана и прочих с прямым и резким предложением: «Вы не будете освобождены от обязательств 28 марта, пока французский флот не прибьет в порты Англии. С другой стороны, мы предлагаем неразрывный англо-французский союз. Ступайте в Африку и давайте вести войну вместе».

Безусловно, на нашей стороне были бы Президент Республики, председатели двух французских палат, а с ними и та решительная группа, которую ведут Рейно, Мандель и Де Голль. Мне кажется вероятным, что мы смяли бы и раздавили бы пораженцев за круглым столом; в лучшем случае они были бы в меньшинстве, а в худшем — под арестом.

Попробуем продолжить нашу игру воображения. Французское правительство переехало бы в Северную Африку. Англо-французское сверх-государство, или, вернее, Рабоче-исполнительный комитет, к которому, вероятно, на практике свелось бы дело, встали бы лицом к лицу с Гитлером. Британский и французский флоты, опираясь на свои базы, были бы полными хозяевами на Средиземном море. Воздушные силы Великобритании, свободные от обороны островов, и остатки воздушного флота Франции, снабжаемые и питаемые американской продукцией и пользующиеся воздушными базами французской Африки, вскоре стали бы оперативным фактором огромного значения. Мальта, бывшая для нас столь долго предметом забот и опасений, сразу приобрела бы значение нашей наиболее активной морской базы. Италия могла бы быть атакована воздушными бомбами с африканских баз гораздо легче, чем из Англии. Ее коммуникации и ее армии в Ливии и Триполитании были бы под постоянной угрозой. С теми же воздушными силами, какие мы держали для обороны Египта, и с теми же войсками, какие мы фактически послали на Средиземноморский театр, мы отлично могли бы, с остатками французской армии, перенести войну с восточной части Средиземного моря в среднюю его часть и за 1941 год все побережье северной Африки могло быть очищено от итальянских сил.

Франция не перестала бы быть одним из главных противников Германии и она была бы избавлена от того страшного раздела, который разорвал и сейчас еще разрывает на части ее народ. Северная часть ее без сомнения была бы под германским правлением, но это было бы лишь то же самое, что фактически произошло после Англо-американского десанта в ноябре 1942. Теперь, когда все последовавшее нам известно, не может быть сомнения в том, что перемирие не избавило Францию от страданий.

Еще труднее угадать, что стал бы делать Гитлер. Проложил ли бы он себе путь через Испанию — с ее согласия или без согласия — и, овладев так или иначе Гибралтаром, бросил бы свои войска в Танжер и Марокко? Эта область крайне интересовала США и всегда мысль о ней беспокоила Рузвельта. Как мог бы Гитлер предпринять большой поход через Испанию в Африку и в то же время вести битву за Англию? Он должен был бы сделать выбор. Если бы он выбрал Африку, то мы, владея морем и опираясь на французские базы, могли бы бросить войска и воздушные силы в Марокко и Алжир быстрее, чем он, и в больших массах. Осенью и зимой 1940 года мы безусловно приветствовали бы кампанию в дружественной нам северо-западной Африке.

Общий обзор последующих событий приводит нас к заключению, что главные решения Гитлера и главные события войны, а именно битва за Великобританию и поход немцев на восток не изменились бы в случае переезда французского правительства в северную Африку. После падения Парижа, когда Гитлер от радости заплясал джигу, он, конечно, имел перед собой богатый выбор возможностей. Как только Франция была повержена, представлялась возможность завоевать или разорить Великобританию. Единственной альтернативой была Россия. Крупная операция через Испанию в северозападную Африку была во вред этим двум гигантским авантюрам или, по крайней мере, исключала нападение на Балканы. Я не сомневался в том, что для всех союзников было бы лучше, если бы французское правительство переехало в Северную Африку; независимо от того, последовал бы туда за ним Гитлер или нет.

Однажды, когда я отдыхал после болезни в Маракеше, в январе 1944 года, генерал Жорж пришел ко мне позавтракать. В случайном разговоре я бросил

мысль, что, быть может, отказ французского правительства переехать в Африку в июне 1940 обратил все к лучшему. На процессе Петэна в 1945 году генерал Жорж развил эту мысль. Я не жалею, но мои ретроспективные соображения по этому поводу не являются моими продуманными убеждениями — ни сейчас, ни в то время.

11.

**АДМИРАЛ ДАРЛАН и ФРАНЦУЗСКИЙ ФЛОТ. —
ОРАН.**

После крушения Франции у всех наших друзей и врагов был на уме один вопрос: «сдастся ли Великобритания?» Поскольку публичные заявления стоят чего-нибудь перед лицом реальных событий, я неоднократно заявлял от имени Правительства Его Величества о нашем решении продолжать борьбу, несмотря на то, что мы остались одни. 4 июня, после эвакуации Дюнкерка я произнес фразу: «Если нужно будет — годами, если нужно будет — одни». Это было сказано не случайно, и французскому послу в Лондоне было предписано спросить меня на другой день — что я собственно подразумевал? Он получил ответ: «Точно то самое, что было сказано». Я мог бы напомнить парламенту мое замечание, сделанное 18 июня, на другой день после крушения Франции в Бордо. Я тогда указал на «те солидные практические основания, на которых покоилось наше незыблемое решение продолжать войну». Я смог заверить Парламент, что наши профессиональные советники трех родов оружия (армия, флот, авиация) убеждены в том, что мы с полным основанием можем надеяться на конечную победу. Я сказал Парламенту, что я получил от всех четырех премьер-министров наших Доминионов послания, в которых они одобряют наше решение бороться

ся и заявляют о своей готовности разделить нашу судьбу.

«Подсчитывая этот страшный баланс и трезво учитывая стоящие перед нами опасности, я вижу, что нам нужно быть бдительными и сильными, но нет никаких оснований к панике и страху». Я добавил: «В течение первых четырех лет последней войны Антанта испытывала только неудачи и разочарования... Мы постоянно задавали себе вопрос: «Как мы можем победить?» и никто никогда не мог дать точного ответа на этот вопрос, пока, наконец, внезапно, совсем неожиданно, наш страшный враг не рухнул перед нами, а мы были так опьянены нашей победой, что в нашем безумии мы ее не использовали».

«Что бы ни случилось во Франции, или с французским правительством, или с иными французскими правительствами, мы на наших островах и в нашей Британской Империи никогда не утратим чувства дружбы к французскому народу... Если наши усилия будут увенчаны конечной победой, то мы разделим ее с французами и свобода будет восстановлена для всех. Мы не отступим от наших справедливых требований ни на йоту... Чехи, поляки, норвежцы, голландцы, бельгийцы соединили свою судьбу с нашей. Все это должно быть восстановлено».

Я закончил словами:

«То, что генерал Вейган назвал «битвой за Францию», закончено. Я ожидаю, что скоро начнется «битва за Англию». От этой битвы будет зависеть судьба христианской цивилизации. От нее зависит и наша собственная жизнь, наши исторические общественные формы, наша Империя. Вся ярость и сила неприятеля очень скоро должна обрушиться на нас. Гитлер знает, что он должен сокрушить нас на нашем острове, иначе он проиграет войну. Если мы устоим против него, то вся Европа может быть освобождена, и жизнь

во всем мире потечет снова свободным, широким потоком.

Но если мы проиграем, то весь мир, включая и Соединенные Штаты, включая все, что мы знаем и любим, погрузится в темную пучину нового Средневековья, еще более мрачного, быть может, еще более продолжительного, благодаря ложному свету извращенной псевдо-науки. Поэтому возьмем себя в руки, обратимся к нашим обязанностям и будем выполнять их так, что, если Британская Империя просуществует еще тысячу лет, то люди и тогда будут говорить: «Это был их лучший час».

Все эти часто цитированные слова были уместны в час победы. Но теперь это были только слова. Иностранцы, не понимающие характера британской расы, рассеянной по всему свету — в особенности в тот момент, когда британец выходит из себя — могут подумать, что это только хвастовство, уместное в качестве прелюдии для мирных переговоров. Желание Гитлера закончить войну на западе было очевидно. Он был в состоянии предложить самые соблазнительные условия. Для тех, кто, подобно мне, изучал его тактику, казалось вполне возможным, что он согласится оставить Великобританию с ее Империей и ее флотом в покое и заключить с ней мир, который предоставил бы ему полную свободу действий на Востоке. Это было его заветной мечтой; Риббентроп говорил мне об этом еще в 1937 году. До сих пор мы еще не причинили ему особых забот или вреда. Мы, в сущности, только придали наше собственное поражение к его триумфу над Францией. Можно ли удивляться тому, что «авторитетные» политики разных стран, — незнакомые, как обычно, ни с проблемами заморских завоеваний, ни с качеством наших воздушных сил, и находившиеся под подавляющим впечатлением германской мощи и беспощадности — были не убеждены? Редкое правительство, будь то

демократия или деспотия, и редкая нация, будучи одинокой и видимо всеми покинутой, предпочтет риск и ужасы нашествия и отвергнет шансы на мир, особенно если к тому представляются благовидные предлоги. Риторика хороша только в теории. Другое правительство может придти к власти. «Поджигатели войны, мол, были у власти, имели возможности, но провалились». Америка держалась в стороне. Советской России никто ничем не был обязан. Почему бы Великобритании не присоединиться к зрителям, которые в Японии, в США, в Швеции, в Испании могут бесстрастно или даже с удовольствием наблюдать взаимно уничтожающую борьбу между нацистской и коммунистической империями? Для будущих поколений трудно будет поверить, что те соображения, какие я привел здесь, никогда не вставали перед Военным Кабинетом в его повседневной работе, и не обсуждались в наших закрытых совещаниях. Сомнения могут быть рассеяны только делами, событиями. Эти события теперь надвигались.

**
*

Между тем я телеграфировал лорду Лотиану, который по инициативе морских властей США озабоченно запрашивал, не следует ли послать боеприпасы и ремонтные средства для британского флота из Англии в США:

«22 июня 40

В настоящее время нет оснований для таких мер предосторожности».

Я также послал моим друзьям в Доминионах следующие каблогаммы:

«Маккензи Кингу.

24 июня 40

Если вы перечтете мою телеграмму от 5 июня, вы увидите, что нет и речи о том, чтобы пытаться догово-

риваться с США об их вступлении в войну и о посылке нашего флота через Атлантический океан в случае, если Великобритания будет побеждена. Наоборот, я очень сомневаюсь, чтобы было разумным упоминать о возможности поражения в данное время. Я совершенно убежден в нашей способности отстоять наши острова и я не вижу причин к тому, чтобы делать приготовления или даже поднимать вопрос о переводе Британского флота через океан. Я лично никогда не войду в переговоры о мире с Гитлером, но, конечно, я не могу связывать будущее правительство, которое — если мы будем покинуты Соединенными Штатами и разбиты здесь — может легко оказаться типа Квислинга, готового принять господство и покровительство Германии. Вы помогите нам, если вы внушите эту опасность президенту, как сделал я в своих телеграммах ему.

Шлю вам наилучшие пожелания и очень рад, что ваша славная канадская дивизия участвует в нашей борьбе за Британию.»

Смэтсу я телеграфировал следующее:

27 июня 40

«Повидимому, нам предстоит прежде всего отразить попытку неприятеля произвести высадку на наших островах с моря, и в то же время наладить непрерывное развитие наших воздушных сил. Это может быть проверено лишь испытанием. Если Гитлеру не удастся справиться с нами, то он, вероятно, обратится к востоку. В сущности, он может сделать это даже и без попытки вторжения **в Англию**, чтобы найти применение своей армии и избежать трудностей зимней войны.

Я не думаю, что эти трудности окажутся решающими; но держать всю Европу на голодном пайке под страхом Гестапо и военной оккупации и ничем не привлекая население — такой режим не может долго.

Развитие нашей воздушной мощи, в особенности в районах, подверженных бомбежке, будет создавать для Гитлера все возрастающие затруднения, быть может, даже решающие для Германии, независимо от того, насколько успешны будут его действия в Европе или Азии.

Создаваемая нами теперь крупная армия обороны страны организуется на принципе наступления, и мы предвидим возможность крупных наступательных операций ком-

бинированными сухопутными и морскими силами уже в 1940-41 г. Мы все еще исходим из расчета 55 дивизий, но так как наши запасы вооружения все возрастают, а также мобилизуются постепенно и ресурсы нашей Империи, то возможно увеличение числа дивизий. Ведь теперь мы ведем оборону, наконец, на внутренней линии. Гитлер же должен оборонять огромные голодающие территории, а контроль над морями в наших руках. Поэтому в Западной Европе большой выбор объектов для нашего наступления.

Посылаю вам эти личные заметки с тем, чтобы достичь тесного контакта с вашими мыслями, которые всегда ценны для меня.»

Мы приступили к самому серьезному испытанию с большой уверенностью.

«Премьер-министр — лорду Лотиану (Вашингтон)

28 июня 40

Мне придется вскоре говорить по радио; но я боюсь, что сейчас слова немного стоят. Нельзя придавать большого значения колебаниям мнения США. Только сила событий может дать ему направление. Вплоть до апреля США были настолько уверены в победе союзников, что считали всякую помощь им излишней. Теперь они настолько уверены в нашем поражении, что считают ее уже невозможной. Я же вполне уверен, что мы сможем отразить вторжение и одержать победу в воздухе. Во всяком случае мы попытаемся добиться этого. Пожалуйста беспрестанно внушайте Президенту и остальным, что если вторжение на территорию Англии окажется успешным и она будет после тяжелых боев оккупирована, то будет образовано правительство по образцу Квислинга для заключения мира и для превращения Англии в германский протекторат. В этом случае британский флот послужил бы солидной контрибуцией, за счет которой новое правительство выговаривало бы условия мира. Чувства Англии к США походили бы на сегодняшнюю горечь Франции в отношении нас. До сих пор мы действительно не имеем от США помощи, заслуживающей упоминания. (Винтовки и полевые орудия пришли только в конце июля. В миноносцах-истребителях нам было отказано). Мы знаем, что президент наш лучший друг, но мы не можем ходить на задних лапках перед республиканским и демократическим конвентами. Что действительно важно, это — будет ли Гитлер хозяином Ве-

ликобритании через 3 месяца или нет? Я думаю, что не будет. Но бесполезно спорить об этом заранее. Вам надлежит быть мягким и спокойным. Здесь у нас никто не падает духом.»



За последние дни в Бордо адмирал Дарлан приобрел большое значение. Мой контакт с ним был чисто формальный. Я относился к нему с уважением за его работу по воссозданию французского флота, который под его руководством за 10 лет достиг такой мощи, какой он не имел с Великой французской революции. Когда, в декабре 1939, Дарлан посетил Англию, мы дали в честь его официальный обед в Адмиралтействе. Отвечая на тосты, он начал с воспоминания о том, как его прадед был убит в битве при Трафальгаре. Я тогда подумал о нем, как об одном из тех добрых французов, которые ненавидят Англию. Наша англо-французская морская дискуссия в январе тоже показала, насколько ревнив был адмирал в своем профессиональном деле к каждому политическому морскому министру. Это у него сделалось прямо одержимостью и, я полагаю, играло определенную роль в его действиях.

Дарлан присутствовал на большинстве совещаний, мною описанных и, когда сопротивление Франции близилось к концу, он неоднократно уверял меня, что что бы ни случилось, французский флот никогда не попадет в руки немцев. Теперь в Бордо наступил роковой момент в карьере этого честолюбивого и способного адмирала. Его власть над флотом была во всех практических вопросах абсолютной. Ему стоило только приказать кораблям направиться в британские, американские или французские колониальные порты (некоторые уже были отправлены) — и приказ был бы исполнен. Утром 17 июня после падения кабинета Рейно он заявил генералу Жоржу, что ре-

шил отдать приказ. На следующий день Жорж встретился с ним и спросил его, — как с флотом? Дарлан ответил, что он передумал. На вопрос: почему? — он ответил просто: «Я теперь морской министр». Это не значило, что он передумал для того, чтобы стать морским министром, но что, как морской министр, он встал теперь на другую точку зрения.

Как тщетны все человеческие расчеты, когда они преследуют собственные интересы! Трудно найти более убедительный пример. Адмиралу Дарлану достаточно было приплыть на любом из его кораблей в любой порт вне Франции, чтобы сделаться представителем всех интересов Франции за пределами германского контроля. Он не пришел бы, подобно генералу Де Голлю, лишь со своим львиным сердцем и другими подобными качествами. Он увел бы с собой от германского захвата четвертый по силе в мире флот, офицеры и матросы которого были лично ему преданы. Действуя таким образом, Дарлан стал бы во главе сопротивления Франции с могущественным оружием в руках. Британские и американские доки были бы к его услугам для ремонта его флота. Французский золотой запас в Америке обеспечивал бы ему, по его признанию, огромные ресурсы. Вся Французская Империя сплотилась бы вокруг него. Ничто не могло бы помешать ему стать освободителем Франции. Слава и власть, которых он так страстно желал, были у него почти в руках. Вместо этого, после двух лет терзаний и позорной службы он нашел насильственную смерть и опозоренную могилу, и его имя на долгое время было проклиняемо французским флотом и нацией, которой он до этого так верно служил.

**
*

Здесь будет кстати привести заключительный аккорд этой истории. В письме, которое Дарлан на-

писал мне 4 декабря 1942, за три недели до его убийства, он страстно настаивал на том, что он сдержал свое слово. Так как это письмо излагает его историю и должно быть зарегистрировано, то я привожу его здесь полностью. Бесспорно, что ни одно французское судно никогда не имело немецкого экипажа и не было употреблено немцами против нас в этой войне. Это не было целиком результатом мер, принятых Дарланом; но он, конечно, внушил офицерам и матросам французского флота, что их корабли любой ценой должны быть уничтожены прежде, чем будут захвачены немцами, которых он так же не любил, как и англичан.

«Адмирал Дарлан — Черчиллю.

Алжир, 4 дек. 1942

Дорогой премьер-министр,

12 июня 1940, в Бриэре, в штабе генерала Вейгана, вы отвели меня в сторону и сказали мне: «Дарлан, я надеюсь, что вы никогда не сдадите флота немцам». Я ответил вам: «Об этом не может быть и речи: это было бы против наших морских традиций и против чести». Первый лорд Адмиралтейства Александер и Первый морской лорд Паунд, получили тот же ответ 17 июня 40 г. в Бордо так же, как и лорд Ллойд. Если я не соглашался санкционировать переход французского флота в британские порты, то лишь потому, что я знал, что такое решение вызвало бы полную оккупацию всей Франции а также и Северной Африки.

Я допускаю, что я был крайне раздражен и обижен на Англию в результате прискорбных событий, задевших меня, как моряка; кроме того, мне показалось, что вы не верите моим словам. Однажды лорд Галифакс передал мне слова Дюпюи, что в Англии, хотя моему слову и верили, но считали, что я не в состоянии сдержать его. Добровольное самоуничтожение французского флота в Тулоне как раз доказало, что я был прав, ибо хотя я больше не командовал, но флот выполнил приказ, мною отданный и подтвержденный, вопреки настояниям правительства Лавала. По приказанию моего начальника, маршала Петэна, я был обязан с января 1941 по апрель 1942 вести такую политику, чтобы помешать державам Оси оккупировать и раздавить Францию. Эта политика была, в силу событий, противоположна

вашей. Что еще мог я сделать? В то время вы не могли помочь нам и всякий жест в вашу сторону привел бы к самым убийственным последствиям для моей страны. Если бы мы не приняли на себя обязательства защищать Империю собственными силами (я все время отказывался от помощи немцев, даже в Сирии), то Державы Оси пришли бы в Африку и наша собственная армия была бы ликвидирована; первая британская армия без сомнения не была бы сегодня в Тунисе бок-о-бок с французскими войсками в боях против немцев и итальянцев.

Когда англо-французские силы высадились в Африке 8 ноября, я сперва выполнял данные мне приказы. Потом, когда это стало невозможным, я приказал прекратить военные действия, чтобы избежать напрасного кровопролития и борьбы, которая была против подлинных чувств сражавшихся. Виши лишило меня полномочий и я не хотел возобновлять борьбу; поэтому я предоставил себя в распоряжение американских военных властей, ибо только таким путем я мог оставаться верным своей присяге. 11 ноября я узнал о нарушении немцами условий перемирия, об оккупации Франции и о торжественном протесте маршала Петэна. Тогда я счел себя в праве вернуть себе свободу действий и, сохраняя верность особе маршала, я мог следовать тем путем, который был наиболее благоприятен интересам французской Империи, а именно: сражаться против держав Оси. При поддержке высших властей французской Африки и общественного мнения я, действуя в качестве заместителя Главы государства, образовал Верховный Комиссариат Африки и приказал французским войскам сражаться на стороне союзников. С этого момента французская Западная Африка признала мою власть. Я никогда не был бы в состоянии достигнуть этого результата, если бы я не действовал от имени маршала, если бы я был просто партизаном-одиночкой. Я убежден, что все французы, которые сейчас сражаются против Германии, каждый на свой манер, в конце концов объединятся; но я считаю, что в данный момент они должны продолжать действовать раздельно. Есть некоторое раздражение, особенно во французской Западной Африке, которое слишком активно, чтобы я мог претендовать на большее, как вам известно. Я исполняю свою роль, ни на кого не нападая; я хотел бы того же и от других. Сейчас есть только одна важная цель — это разбить Ось; когда французский народ будет освобожден, он со временем изберет свой политический режим и своих лидеров.

Благодарю вас, г. премьер-министр, за то, что вы присоединились к президенту Рузвельту, заявив, что Великобритания, как и США, желает полного восстановления французского суверенитета, каким он был в 1939. Когда моя страна восстановит свою целостность и свою свободу, то моим единственным желанием будет уйти в отставку с сознанием, что я служил ей честно.

Благоволите принять, г. премьер-министр, уверения в моем глубоком уважении.

Франсуа Дарлан, адмирал флота».

**
*

Ответственные лица на верхах в Лондоне хорошо понимали значение физической структуры наших островов и были уверены в духе нашей нации. Уверенность, с которой мы смотрели в лицо ближнему будущему, вовсе не была — как обычно думают на континенте — ни дерзким блефом, ни пустой риторикой; она была основана на здоровом инстинкте и на трезвом учете реальных фактов. Когда я выступал в Палате общин, я опирался на факты, которые я и мои сотрудники тщательно изучали, иногда годами. Я хочу сейчас проанализировать в деталях проблему вторжения в том виде, в каком она представлялась мне и моим сотрудникам в те памятные дни. Но прежде всего надо было сделать один шаг. Это было совершенно очевидно и это было страшно.

Присоединение французского флота к германскому и итальянскому флотам, в связи с угрозой загадочной Японии на горизонте, поставило бы Великобританию перед смертельной опасностью и серьезно угрожало бы Соединенным Штатам Америки. Пункт 8-ой условий перемирия предписывал Франции «собрать свой флот — за исключением его части, необходимой для охраны колониальных интересов — в определенных портах для спецификации, демобилизации и разоружения его под германо-итальянским контролем». Отсюда было ясно, что французские во-

енные суда должны были предстать перед контролем в полном вооружении. Правда, в том же пункте германское правительство торжественно заявляло, что оно не намерено пользоваться ими для своих целей во время войны. Но какой здравый человек мог верить словам Гитлера после целого ряда его бесстыдных обманов? Далее пункт 8-й делал исключение для «судов, необходимых для береговой обороны и вылавливания мин». Решение по этому вопросу принадлежало немцам. И наконец, условия перемирия могли в любое время быть отменены под предлогом их несоблюдения. Фактически у нас не было никакой гарантии. Поэтому, любой ценой, любыми средствами, рискуя всем, мы должны были обеспечить себя от того, чтобы французский флот мог попасть в руки немцев и этим, быть может, погубить нас и остальных.

Военный Кабинет ни минуты не колебался. Те самые министры, которые еще неделю тому назад пылали любовью к Франции и предлагали общее гражданство, теперь постановили, что все необходимые меры должны быть приняты. Это было ужасное решение, самое неестественное и мучительное, в каком я когда-либо участвовал. Оно напоминает захват британским флотом датского флота у Копенгагена в 1807 году с той разницей, что теперь французы являлись нашими вчерашними дорогими союзниками и наше сочувствие к несчастной Франции было вполне искренним. С другой стороны, жизнь нашего государства и спасение нашего дела были в опасности. Это была древне-греческая трагедия — рок. Но это был акт, необходимый для спасения Британии и всего, что с нею было связано. Я вспоминаю Дантона в 1793:

«Коалиция королей угрожает нам. А мы швыряем к их ногам — как вызов на поединок — голову короля!»

**
*

Французский флот был распределен следующим образом: два линейных корабля, четыре легких крейсера (контр-миноносцы), несколько подводных лодок, из них одна крупная — «Сюркуф», 8 истребителей и около 200 мелких, но ценных судов — минных тральщиков и истребителей подводных лодок — стояли в английских портах, большей частью в Портсмуте и Плимуте. Эти суда были в нашей власти. В Александрии стояли: линейный корабль, 4 крейсера, из них 3 новых с восьмидюймовыми орудиями, и несколько мелких судов. Эти суда были под охраной сильной британской эскадры. На другом конце Средиземного моря, в Ороне и в соседнем порту Мерс-Эль-Кебир, стояли два лучших корабля французского флота — «Дюнкерк» и «Страсбург», современные линейные крейсера, далеко превосходившие германские «Шарнхорст» и «Гнейзенау» и построенные со специальной целью превзойти их. Попав в германские руки, эти корабли могли бы надеть на нас много неприятностей на наших торговых путях. Кроме них там были два линейных корабля, несколько легких крейсеров, истребители, подводные лодки и прочие суда. В Алжире стояло 7 крейсеров, из них 4 были вооружены восьмидюймовыми орудиями. На острове Мартинике — один авианосец и два легких крейсера. В Казабланке стоял дредноут «Жан Барт», недавно пришедший из Сэн-Назэр, но без своих орудий. Это был один из сильнейших в мире линейных кораблей. Он был еще не закончен постройкой и не мог быть закончен в Казабланке. Он никуда не должен был идти. «Ришельё», который был почти закончен, стоял в Дакаре. Он мог плыть и его пятнадцатидюймовые орудия могли стрелять. Помимо того, было много военных судов меньшего значения, в других портах. Наконец, в Тулоне стояло много военных судов, но они были недоступны для нас. Операция «Катапульта» подразумевала одновременный захват, контроль, выведение

из строя или уничтожение всего доступного французского флота.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 1 июля 40

1. Адмиралтейство держит «Нельсон» с его четырьмя истребителями в территориальных водах, а операция «Катапульта» должна быть подготовлена к рассвету 3-го июля.

2. В течение ночи со 2-го на 3-е июля все необходимые меры должны быть приняты в Портсмуте и Плимуте, в Александрии и, если возможно, на Мартинике, согласно программе «Катапульти». Следует считаться с возможностью реакции на эти меры в Дакаре и Казабланке и надо сделать всё возможное, дабы предупредить бегство ценных судов».

Имея ввиду возможность событий, я добавил:

«Адмиралтейство должно постараться довести силу флотилии в ближайших водах до 40 истребителей с дополнительной поддержкой крейсеров. Надо приложить все усилия, чтобы достигнуть этой силы в ближайшие 2-3 дня и держать ее наготове в течение двух недель, когда диспозиция может быть изменена. Надо считаться с возможностью цотерь в западных водах. Прошу сообщать мне ежедневно число наличных патрульных судов между Портсмутом и Тайном».

**
*

Рано утром 3 июля французские суда в Портсмуте и Плимуте были взяты под британский контроль. Операция была по необходимости внезапным сюрпризом. Была применена подавляющая сила и вся акция показала, как легко немцы могли захватить французские военные суда, стоявшие в портах, контролируемых Германией. В Англии передача судов, за исключением «Сюркуфа», была дружественной, и французские команды добровольно покидали суда и сходили на берег. На «Сюркуфе» два британских офицера и один старший матрос были убиты и другой матрос ранен. Один французский матрос убит, но многие сотни выразили желание остаться у нас на службе. «Сюр-

куф» после отличной службы погиб 19 февраля 1942 со всем своим храбрым французским экипажем.



Кровавое столкновение произошло в западной части Средиземного моря. Здесь, в Гибралтаре, вице-адмирал Сомервилл, командующий группой «Форс-Эйч», состоявшей из линейного крейсера «Худ», линейных кораблей «Вельянт» и «Резолюшен», авианосца «Арк Ройал», двух крейсеров и 11 истребителей, получил приказ, посланный из Адмиралтейства в 2 ч. 25 м. ночи на 1 июля: «Приготовиться к «Катапульте» 3 июля».

Между офицерами Сомервилла был капитан Холланд, выдающийся, храбрый офицер, недавно бывший морским атташе в Париже, питавший большие симпатии к французам и имевший большое влияние на других офицеров. 1 июля вице-адмирал телеграфировал:

«После разговора с Холландом и другими вице-адмирал «Форс-Эйч», находясь под впечатлением их взгляда, думает, что нужно во что бы то ни стало избежать применения силы. Холланд считает, что агрессивные действия с нашей стороны оттолкнут от нас французов, где бы они ни были».

На это Адмиралтейство ответило в 6.20 вечера:

«Правительство Его Величества подтверждает настойчиво, что если французы не примут ни одной из ваших альтернатив, то они должны быть уничтожены».

Вскоре после полуночи 2 июля адмиралу Сомервиллу был послан следующий тщательно продуманный текст сообщения для передачи французскому адмиралу:

«Правительство Его Величества послало меня, чтобы сообщить вам следующее:

Оно согласилось на вступление французского правительства в переговоры с германским правительством только на условии, что перед заключением перемирия французский флот должен быть послан в британские порты во избежание его перехода в руки неприятеля. Совет Министров Франции заявил 1 июня, что перед капитуляцией на суше французский флот или присоединится к британскому флоту или потопит свои суда.*)

В то время, как настоящее французское правительство может считать, что условия его перемирия с Германией совместимы с этим обязательством, Правительство Его Величества находит невозможным, по предыдущему опыту, верить, что Германия и Италия не захватят французских кораблей в тот момент, который они найдут подходящим, и не используют их против Великобритании и ее союзников.

Перемирие с Италией обязывает французские корабли вернуться в порты метрополии и во время перемирия Франция должна предоставлять свои суда для береговой обороны и для вылавливания мин.

Мы, ваши боевые товарищи, не можем позволить, чтобы ваши прекрасные корабли попали в руки немцев или итальянцев. Мы решили бороться до конца, и если мы победим — а мы верим, что победим — мы никогда не забудем, что Франция была нашим союзником, что наши интересы те же, что и ее, и что наш общий враг — Германия. Мы торжественно заявляем, что в случае нашей победы мы восстановим величие и силу Франции. Для этой цели мы должны иметь уверенность, что лучшие корабли французского флота не будут использованы против нас нашим общим врагом. При этих обстоятельствах Правительство Его Величества поручило мне потребовать, чтобы французский флот, стоящий теперь в Мерс-эль-Кебире и в Оране, действо-

*) В этом пункте произошло недоразумение. 14 июня адмирал Дарлан возымел идею послать французский флот в британские порты, при известных обстоятельствах, но 18 июня он стал морским министром. С этого времени новое французское правительство маршала Петэна не хотело дать специальной гарантии, требуемой англичанами. Таким образом вторая часть этого параграфа более не отвечала позиции французского правительства. В кризисе эта перемена, происшедшая в последнюю минуту, была не отмечена чиновниками Адмиралтейства.

вал согласно одной из следующих альтернатив: 1. Идти с нами и продолжать борьбу до конечной победы над немцами и итальянцами. 2. Отплыть с уменьшенным экипажем под нашим контролем в британские порты. Уменьшенные экипажи будут репатрированы в ближайший момент.

Если одно из этих решений будет принято вами, то по окончании войны мы вернем ваши корабли Франции или же заплатим полную компенсацию, если они за это время будут повреждены. 3. Если же вы чувствуете себя обязанными поставить условием, чтобы ваши суда не были использованы против немцев или итальянцев, то ведите их вместе с нами, уменьшенным экипажем, в один из французских портов Вест-Индии — Мартиник, например, — где суда будут разоружены или, возможно, вверены попечению США, где они останутся до конца войны, а судовые команды будут репатрированы.

Если вы отвергнете эти справедливые предложения, то я должен буду, к моему глубокому сожалению, потребовать, чтобы вы потопили ваши суда в течение 6 часов.

И, наконец, если это не будет сделано, я имею приказ Правительства Его Величества употребить любую силу, какая потребуется, дабы не допустить, чтобы ваши корабли попали в руки немцев или итальянцев».

Вечером я предложил Адмиралтейству послать вице-адмиралу следующее извещение (послано в 10 ч. 55 м. вечера):

«Вам поручена одна из самых неприятных и трудных задач, какие британский адмирал когда-либо имел перед собою; но мы питаем к вам полное доверие и полагаемся на то, что она будет выполнена строго и неукоснительно».

Адмирал отплыл еще засветло и был у Орана около 9.30. Он послал самого капитана Холланда на истребители к французскому адмиралу Жансулю. Холланду было отказано в приеме и он послал вышешприведенный документ с посылным.

Адмирал Жансуль ответил письменно, что он никогда не допустит, чтобы французские корабли попали невредимыми в руки немцев или итальянцев, и что сила будет встречена силой.

Переговоры продолжались целый день. В 4 ч. 15 м. пополудни капитану Холланду было разрешено подняться на борт линкора «Дюнкерк», но французский адмирал принял его холодно. Тем временем адмирал Жансульт послал два донесения французскому Адмиралтейству и в три часа дня французский Совет Министров собрался для обсуждения британских условий. Генерал Вейган присутствовал на совещании, и то, что там произошло, было записано его биографом. Судя по этой записи, третья альтернатива, то есть отправка французского флота в Вест-Индию, вовсе не была упомянута. Он пишет:

...«Повидимому адмирал Дарлан, умышленно или нет, зная сам об этом или нет, фактически не известил нас во всех деталях о сути дела во-время. Теперь кажется, что условия британского ультиматума были не так суровы, как нам их представили; они предполагали третью альтернативу, гораздо более приемлемую, а именно отправку флота в воды Вест-Индии».

До сих пор неизвестно ничего, что могло бы объяснить это упущение, если это было упущение.

Душевные переживания британского адмирала и его старших офицеров были очевидны для нас из их запросов. Не что иное, как строгий приказ начальства, заставлял их открыть огонь по тем, кто еще недавно были их товарищами. В Адмиралтействе тоже было заметно волнение. Но в Военном Кабинете колебаний не было. Я просидел весь вечер в помещении Кабинета в тесном контакте с моими главными коллегами и с Первым лордом Адмиралтейства и Первым морским лордом. Окончательный сигнал был отослан в 6 ч. 26 м. вечера:

«Французские корабли должны подчиниться нашим условиям или быть потоплены вами до наступления темноты».

Но акция уже началась. В 5 ч. 54 м. пополудни адмирал Сомервилл открыл огонь по этому могучему

французскому флоту, поддержанный огнем береговых батарей. В 6.00 он донес, что стрельба продолжается. Огонь длился около 10 минут. Линкор «Бретань» был взорван. «Дюнкерк» пошел ко дну. Линкор «Прованс» выбросился на берег. «Страсбург» успел уйти и, хотя был атакован торпедным самолетом с «Арк Ройал», однако смог достигнуть Тулона, как и крейсера из Алжира.

В Александрии, после длительных переговоров с британским адмиралом Конингамом, французский адмирал Годфруа согласился выпустить запасы нефти, снять замки с орудий и репатриировать частично экипаж. В Дакаре 8 июля французский линкор «Ришелье» был атакован британским авианосцем «Гермес» и храбрым моторным катером. «Ришелье» был серьезно поврежден попаданием воздушной торпеды. Французский авианосец и два легких крейсера были после долгих переговоров интернированы во французской Вест-Индии по соглашению с США.

4 июля я сделал в Палате общин подробный доклад о всем происшедшем. Хотя линкор «Страсбург» ушел из Орана и «Ришелье» не был приведен окончательно в негодность, тем не менее меры, принятые нами, были таковы, что немцы должны были сбросить французский флот со своих счетов. Я говорил больше часу и дал детальный отчет об этих печальных событиях, поскольку они мне были известны. Мне нечего прибавить к отчету, который я дал тогда Парламенту и всему миру. Я счел за лучшее, для соблюдения пропорций, закончить на ноте, которая связывала этот мрачный эпизод с общим положением, в каком мы находились. Поэтому я прочел Палате то предостережение, которое было мною, с одобрения Кабинета, распространено накануне во внутренних кругах правительственной машины.

«Мы стоим, быть может, накануне вражеской попытки вторжения на нашу родную землю и битвы за нее. В этот

момент премьер-министр хотел бы напомнить всем лицам, занимающим ответственные места в правительстве, в военной службе или в гражданской службе, их долг поддерживать бодрость и бдительность своих подчиненных. Если будут приняты все меры предосторожности, какие позволяют нам время и средства, то нет оснований предполагать, что на нашей земле высадится — все равно, с моря или с воздуха — больше немцев, чем мы с нашими силами можем истребить или взять в плен. Наш воздушный флот находится в полном порядке и сейчас сильнее, чем когда-либо. Германский морской флот никогда не был так слаб, как сейчас, а британская армия, наоборот, никогда не была так сильна, как сейчас. Премьер-министр надеется, что все слуги Его Величества, занимающие высокие посты, подадут пример стойкости и решимости. Они должны не допускать и порицать выражения расхлябанности и упадка духа в своем окружении и у своих подчиненных. Они должны без колебаний сообщать о всех лицах — офицерах, служащих и так далее — которые сознательно оказывают вредное влияние на окружающих, чьи разговоры рассчитаны на то, чтобы вызвать упадок духа, смятение, тревогу, панику; таких лиц следует устранять немедленно. Только так наши гражданские служащие будут достойны наших бойцов, которые на суше, на море и в воздухе уже встретились с врагом и доказали, что они нимало не уступают ему в военной доблести».

Палата хранила глубокое молчание во время чтения, но когда я кончил, произошла сцена, небывалая в моей памяти. Все поднялись с мест, выражая свое одобрение, и это длилось довольно долгое время. До этого момента консервативная партия довольно сдержанно относилась ко мне, и наиболее горячие приветствия и одобрения я встречал со скамей рабочей партии — как при появлении моем, так и после моих выступлений в серьезных случаях. Но теперь все соединились в общем громовом аккорде.

Ликвидация французского флота, проведенная одним ударом при помощи жестокой операции, явилась важным фактором и произвела глубокое впечатление во всех странах. Она показала им, как Великобритания — которую столь многие считали за сошедшую

на нет, которая по мнению иностранцев трепетала от страха и готова была склониться перед грозной силой, восставшей против нее — как эта Великобритания нанесла беспощадный удар своим вчерашним друзьям и союзникам и этим обеспечила себе бесспорное господство на морях. Она этим показала, что британский Военный Кабинет ничего не боится и ни перед чем не останавливается. И это была правда.

**
*

1-го июля правительство Петэна переселилось в Виши и отныне оно считалось правительством неоккупированной Франции. По получении известия о событиях в Орне оно предписало ответить на это воздушной атакой на Гибралтар и несколько бомб было сброшено в гавань Гибралтара французскими самолетами из Африки. 5 июля Франция формально прервала отношения с Великобританией. 11 июля президент Лебрэн уступил место маршалу Петэну, который был избран главой государства громадным большинством 569 против 80 голосов при 17 воздержавшихся и многих отсутствующих.

Гений Франции помог ее народу понять все значение Орна и в своей агонии почерпнуть новую надежду и силу перенести этот неожиданный острый удар. Генерал Де Голль, с которым я не советовался заранее, проявил себя великолепно, и освобожденная восстановленная Франция одобрила его поведение. Я очень обязан г-ну Тетжану — выдающемуся деятелю французского движения резистанса и впоследствии министру обороны — за историю, которая стоит того, чтобы ее рассказать: в деревне близ Тулона жили две крестьянские семьи; каждая потеряла сына — матроса, убитого английской пальбой в Орне. Была заказана заупокойная служба, на которую собрались все соседи. Обе семьи просили, чтобы на гробы были

возложены, кроме французского трехцветного флага, также и британский «Юнион Джек», и их желание было почтительно исполнено. В этом мы видим, до какой высоты может доходить всепонимающий дух простого народа.

**
*

Чувство огромного облегчения распространилось в широких правительственных кругах США. Атлантический океан как бы снова стал спасительным убежищем и открылись широкие перспективы на время для необходимых приготовлений к спасению великой Республики. Теперь уже не было больше разговоров о мирных переговорах Британии. Оставался только вопрос — явится ли и она объектом вторжения и завоевания? Вот что теперь подлежало испытанию.

12.

АППАРАТ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ

Моей первой реакцией на «чудо Дюнкерка» была идея воспользоваться им, как трамплином для контрнаступления. В обстановке общей неопределенности соблазняла мысль захватить в свои руки инициативу. 4-го июня я был занят подготовкой и произнесением большой и ответственной речи в Палате общин (отчеты о ней были в печати); но как только я покончил с этим, я поспешил формулировать свою мысль, которая, я был убежден, должна была доминировать над всем остальным и направлять наши действия в этот момент.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 4 июня 40

Мы очень озабочены — с полным, конечно, основанием — опасностью германской высадки в Англии, невзирая на то, что мы господствуем на море и имеем надежную защиту — наших истребителей в воздухе. Каждый наш залив, каждый пляж, каждая гавань становятся для нас источником тревоги. Помимо того, могут налететь парашютисты и захватить Ливерпуль, или Ирландию, или еще что-нибудь. Это беспокойство очень полезно, поскольку оно возбуждает энергию. Но если для немцев это так легко и просто ворваться к нам, несмотря на наше господство в воздухе, то, естественно, задать вопрос, а почему же мы не можем позволить себе чего-то в этом роде на их территории? Исключительно оборонное направление ума, которое погубило Францию, не может быть допущено у нас, оно гасит нашу инициативу. Крайне важно привлечь и удерживать возможно большее число германских войск на прибрежной полосе завоеванных стран; и нам

нужно немедленно приступить к организации десантных сил для высадки в тех местах, где население нам сочувствует. Эти силы должны состояться из обученных, тщательно снабженных отрядов силою, скажем, от 1000 до максимум 10,000 человек. Успех обеспечен тем, что назначение отрядов будет неизвестно до последней минуты. То, что мы видели у Дюнкерка, показывает, насколько быстро войска могут эвакуироваться (я полагаю и высаживаться также) в намеченных пунктах, когда это оказывается нужным. Как чудесно было бы, если бы мы могли заставить немцев ломать себе голову в ожидании нашего налета на их землю, вместо того, чтобы нам самим окружать наш Остров стенами и возводить над ним крышу! Надо сделать над собой усилие, стряхнуть с себя ту умственную и моральную прострацию, то подчинение воле и инициативе противника, которым мы страдаем».

Исмэй препроводил это мое письмо начальникам штабов и в принципе моя идея получила полное их одобрение и оказала влияние на многие решения, принятые нами. Из нее постепенно выработалась наша политика. В это время мои мысли были прикованы к танковой войне, не только оборонительной, но и наступательной. Такая война требовала постройки большого числа специальных судов для высадки танков, и эти суда стали отныне предметом моей постоянной заботы. Так как всему этому суждено было со временем приобрести большое значение, то я должен сейчас вернуться назад, к одной теме, которая долгое время недвижно покоилась в моем мозгу, а теперь вновь ожила.

**

Я всегда мечтал о комбинированной (сухопутно-морской) войне, и идея использования танка, выползающего из специально сконструированного десантного судна на берег в совершенно неожиданном месте, давно уже зрела в моем уме. За 10 дней до того, как я вошел в правительство Ллойд Джорджа как министр

военного снабжения (17 июля 1917), я составил сам, без помощи экспертов, схему захвата двух островов в Северном море — Силт и Боркум.

Моей идеей было создание заморской базы для флотилий и крейсеров и для тех воздушных сил, какие тогда существовали, с целью принудить противника к морской битве, в которой мы имели бы крупное численное превосходство; второй целью было установление блокады в неприятельских водах, чем значительно снижалась эффективность их подводной войны против наших линий снабжения из Америки, особенно важных для переброски американской армии во Францию. Ллойд Джордж весьма одобрил мой план и дал его отпечатать для Адмиралтейства и для Военного Кабинета.

Мой план содержал следующий параграф, который никогда еще не был опубликован (пар. 22с):

«Высадка наших войск на остров (Боркум или Силт) под прикрытием огня нашего флота, была бы облегчена газовыми и дымовыми волнами, пускаемыми со специальных транспортов при помощи бронированных лихтеров. Сотни таких лихтеров было бы достаточно для высадки целой дивизии. В дополнение надо предвидеть около 50 лихтеров для перевозки танков с приспособлением на носу для резки проволоки. При помощи подъемных мостов или отлогого носа лихтера танки смогут сами съезжать на берег и, прорывая проволочные заграждения противника, прокладывая путь следующей за ними пехоте. Этот метод особенно ценен при атаке на горжевой фас фортов и батарей. Эта новинка устраняет одно из наибольших затруднений при высадке: раньше было необходимо наличие полевой артиллерии, чтобы прорвать проволочные заграждения».

И далее, параграф 27:

«Всегда есть опасность, что неприятель пронюхает о наших намерениях и заблаговременно усилит свои гарнизоны отборными войсками, в особенности если дело идет о Боркуме, которым он всегда был очень озабочен. С другой стороны, высадка может быть произведена под прикрытием лихтеров, непробиваемых пулеметной пулей, и слыш-

ком многочисленных, чтобы их можно было уничтожить артиллерийским огнем тяжелых орудий; и танки, введенные в бой в большом количестве, в особенности обладающие большой подвижностью, равно как и разные вариации лихтеров, будут оперировать в местности, не пригодной для встречи их. Эти новые, важные и полезные соображения заслуживают внимания».

**

В моем докладе я имел также альтернативный план создания искусственного острова в мелких водах Хорн Риф (к северу).

«§ 30. Один из приемов, предлагаемых к рассмотрению, состоит в следующем: большое число плоскодонных барж или кессонов, сделанных не из стали, а из бетона, должно быть изготовлено в Хомбре, в Харидже, в Уоше, Медее и на Темзе. Эти сооружения должны быть приурочены к глубине того места, где они должны быть затоплены, согласно общему плану. Пустые, они должны плавать на воде и таким образом могут быть подтянуты к месту предполагаемого искусственного острова. По установке на требуемом месте, означенном бумом, краны открываются и баржа погружается на дно. Они могут быть впоследствии — в случае надобности — засыпаны песком при помощи экскаватора. Таким путем могли бы быть созданы в открытом море гавани, на подобие атолла, защищенные от мин и от бурь, со стоянками для истребителей и подводных лодок и платформой для приземления аэроплана.

Этот проект, поскольку он выполнен, может быть на много усовершенствован и применен в различных местах. Бетонные суда могли бы иметь нормальные орудийные башни и быть обращены в морские форты, установленные в желательных пунктах. Другие опускающиеся на дно сооружения могли бы иметь внутри склады, запасы нефти, жилые комнаты. Здесь нельзя без заключения экспертов пускаться в подробности, достаточно указать на возможность создания, перенесения по частям, сборки и установки искусственного острова и базы для истребителей.

§31. Такое сооружение, если оно будет признано технически возможным, не нуждается в гарнизоне; ему нечего опасаться штурма, как если бы это был укрепленный остров.

Оно явится совершенной неожиданностью для неприятеля: хотя сооружение бетонных судов вероятно станет известным немцам, но естественное заключение будет, что они предназначены для обороны устьев рек, каковая идея тоже не исключена. Таким образом, до тех пор, пока остров или система волнорезов не начнет вырастать из воды, неприятель не сможет проникнуть в наш замысел.

Но это дело потребует по крайней мере годичной подготовки.»

Почти четверть века мой доклад покоился в архивах Комитета Национальной обороны. Я не поместил его в моем «Мировом кризисе», где он занял бы особую главу, по соображениям экономии места, а также потому, что он никогда не был приведен в исполнение. Это вышло очень удачно, так как идеи, в нем высказанные, оказались более, чем когда-либо, жизненными и применимыми в последней войне; а немцы, без сомнения, внимательно читали мои книги о войне. Ведь чины штабов обязаны изучать книги людей, занимавших такие посты, какие занимал я. Основные идеи этого старого проекта глубоко запечатлелись в моем мозгу и при вновь возникшей необходимости они легли в основу акции, которая после долгого интервала, нашла в 1943 г. воплощение в огромном флоте судов для высадки танков, а также в 1944 в гаванях Мольбери.

**

В тот самый плодотворный день 6 июля 1940 г., окрыленный чувством освобождения и возможностью вновь отдаться планированию, я начал длинную серию писем и заметок, в которых замысел и конструкция десантных танков были приведены в порядок и продвинуты дальше.

«Премьер-министр — генералу Исмэю.

6.6.40

Продолжаю свою вчерашнюю тему о наступательных действиях: когда австралийцы придут, то вот вопрос: не

организовать ли их в отряды по 250 человек, вооруженные ручными гранатами, окопными мортирами, пехотными винтовками, бронемашинами и т.п., которые могли бы отражать попытки вторжения в нашу страну, но также могли бы участвовать и в высадке на территории дружественной страны, занятой сейчас врагом. Мы должны позабыть о том, что порты в Ламанше и в странах по ту сторону Ламанша лежат на «вражеской» территории. Что можно сделать для наших скрытых союзников в Дании, Голландии, Бельгии и на французском побережье? Надо подготовить планомерные набеги специально обученных отрядов, типа охотников, которые смогут навести террор и панику на всем побережье, прежде всего против “butcher & bolt” политики; но попозже, как только мы организуемся, мы сможем захватывать врасплох Калэ и Булонь, перебить или забрать в плен гарнизоны «гуннов», и держаться там до тех пор, пока все приготовления к регулярной осаде, штурму будут закончены — и тогда уйти, исчезнуть. Период пассивного сопротивления, которое мы до сих пор проводили так успешно, пора кончать. Я ожидаю, что объединенные начальники штабов разработают новые методы мощного, изобретательного и непрерывного наступления на всю прибрежную полосу, занятую немцами. Надо послать туда танки и бронемшины, укрытые в плоскодонных судах, из которых они могут выползть прямо на берег; они будут совершать глубокие рейды внутрь страны, перерезая важные пути сообщения, и затем уходить обратно, оставляя за собой трупы немецких солдат. Весьма вероятно, что, когда наши лучшие войска будут брать Париж, то они встретят там лишь обычные, линейные германские войска. Жизнь этих войск надо сделать сплошным мучением. Надо разработать и осуществить следующие меры:

1. Проект организации «ударных рот».
2. Проект перевозки и выгрузки на берег танков, исходя из того, что мы, а не неприятель, господствуем на море.
3. Надлежащая система шпионажа и разведки на всем побережье.
4. Развертывание парашютных войск в числе до 5000.
5. Поддюжины наших 15-тидюмовых орудий должно быть немедленно установлено для стрельбы на 50-60 миль (то есть с внутренними трубами) и смонтированы либо на железнодорожных платформах, либо на железобетонных платформах. Назначение — подавлять огонь немецких орудий, которые, несомненно, в скором времени — не более, как через 4 месяца — начнут стрелять через Ламанш».

Согласно этим указаниям, была развита многосторонняя деятельность. «Ударные роты» появились под именем «командо», из них 10 были выделены из регулярной армии и морской пехоты. Ячейка этой организации была сформирована еще в норвежской кампании. Отчет о стрельбе тяжелых орудий через Ламанш будет дан в соответственном месте. Я сожалею лишь о том, что я позволил снизить намеченную мною цифру парашютистов с 5.000 до 500.

**
*

Время от времени я возвращался к проблеме десантных судов в ее двойственном аспекте: как непосредственной опасности для нас сегодня и как оружия в наших собственных руках в будущем. Суда малого типа проектировались нами еще до начала войны и они получили применение в Нарвике. Большая часть их погибла там или у Дюнкерка. Теперь нам нужны были не только малые типы, которые можно было взять на транспорты, перевозящие войска, но и крупные океанские суда, годные для перевозки танков и самоходных орудий и высадки их на берег.

«Премьер-министр — министру снабжения. 7 июля 40
Как идет дело с проектированием судов для перевозки танков морем с целью нашего нападения на территорию неприятеля? Хорошо было бы поручить это дело Хопкинсу, бывшему главному конструктору флота; он сейчас будет свободен, так как «Культиватор № 6»*) уже не будет применяться. Эти суда должны брать 600-700 танков одновременно и выгружать их на берег, или, наоборот, забирать их с берега, а также, конечно, выгружать их у пристани — если только возможно это скомбинировать в одно целое».

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 5 августа 40
Недавно я запрашивал о плане развертывания танковых дивизий на 1941 г., а именно: 5 — к концу марта и по одной

*) Машина для рытья траншей для атаки.

— каждый следующий месяц, так что к концу августа будет достигнуто конечное число — 10; а также и о составе каждой дивизии — число боевых машин и вспомогательных всякого рода.

Прошу сообщить мне, как далеко продвинулось исполнение планов военного министерства, и отвечает ли число заказанных танков программе?

Прошу, далее, сообщить мне о положении дел с морскими перевозочными средствами, которые должны быть достаточны для одновременной переброски двух танковых дивизий. Кто занят этим — Адмиралтейство или министерство снабжения? Я предлагал, чтобы Хопкинсу было предоставлено свободное время».

«Премьер-министр — генералу Исмю. 9. Авг. 40
Сообщите мне дальнейшие сведения о планах и типах судов для перевозки бронемашин морем и высадки их на берег».

В июле я создал отдельное Управление соединенных операций, подчиненное начальникам штабов, для изучения и практики этой формы военных операций, и адмирал флота сэр Роджер Кииз стал во главе его. Его личный тесный контакт со мной и с министерством обороны значительно способствовал преодолению формальных затруднений и препятствий, возникавших благодаря новизне дела.

«Премьер-министр — генералу Исмю и сэру Эдварду Бриджесу 17.9.40

Я назначил адмирала флота сэра Роджера Кииза директором Управления соединенных операций. Ему надлежит принять обязанности и средства от генерала Борна. Генералу Борну надо сообщить, что ввиду того, что этим операциям придается большое значение, необходимо поставить во главе офицера высшего ранга, и что перемена эта никоим образом не отразится на нем и его сотрудниках. Само собою разумеется, что он будет работать с нами далее. Я очень ценю его работу, как старшего адъютанта Королевской морской пехоты: ведь морская пехота должна играть главную роль в нашей новой организации.

До новых распоряжений сэр Роджер Кииз должен установить контакт с министерствами армии, флота и авиации через генерала Исмэя, как представителя министра обороны.

**
*

Я уже рассказал, как гладко министерство обороны вошло в жизнь и приобретало все большее значение. В конце августа я сделал формальный шаг — единственный, какой я когда-либо считал необходимым сделать. До сих пор Объединенный плановый комитет был подчинен в своей работе комитету начальников штабов и считал их своим непосредственным и официальным начальством. Я счел необходимым взять этот важный, но до сих пор мало использованный орган под свой личный контроль. Поэтому я просил Военный Кабинет дать свое согласие на эту перемену в нашей военной машине. Кабинет единодушно согласился, и я дал следующие инструкции:

«Премьер-министр — генералу Исмэю и сэру Эдварду Бриджесу. 24 авг. 40

1. Объединенный плановый комитет будет, начиная с понедельника, работать непосредственно по указаниям министра обороны и станет частью министерства обороны. Помещение для них будет отведено на Ричмонд-Террасе. Они сохраняют свое прошлое положение и контакт с тремя департаментами — армии, флота и воздушных сил. Они будут разрабатывать детали планов, получаемых ими от министра обороны. Они могут предлагать и собственные планы, по соглашению с генералом Исмэем. Они будут, конечно, к услугам Комитета начальников штабов для разработки присланных заданий.

2. Все планы, составленные Объединенным плановым комитетом или разработанные им по вышеупомянутым инструкциям, будут переданы на рассмотрение Комитета начальников штабов.

3. В случае сомнений или разногласий и вообще в важных случаях все планы будут пересмотрены Комитетом обороны при Военном Кабинете, который будет состоять из премьер-министра, лорда хранителя печати, лорда Бивербрука, министров трех сфер оружия, трех начальников штабов и генерала Исмэя, как присутствующего.

4. Премьер-министр принимает на себя ответственность за информирование Военного Кабинета о текущих делах; но связь начштабов с Военным Кабинетом остается прежней».

Начальники штабов приняли эту перемену без серьезных возражений. Сэр Джон Дилл, однако, написал записку военному министру, на которую я реагировал следующим образом:

«Премьер-министр — военному министру. 31 авг. 40
Нет и речи о том, чтобы Объединенный плановый комитет был подчинен мне в военных вопросах. Он только должен разрабатывать свои планы согласно указаниям, которые я буду давать. Советы по поводу того, какой из вариантов принять, попрежнему будут давать начальники штабов. Совершенно ясно, что они несут коллективную ответственность за свои советы Военному Кабинету, точно так же, как и премьер-министр или министр обороны. Мы не считали нужным вносить изменения в их правообязанности. Помимо того, я предполагаю работать с ними и через них, как и до сих пор.

Я счел необходимым установить прямой контакт и контроль над Объединенным плановым комитетом, ибо по прошествии года войны я не могу припомнить ни одного плана, созданного этим учреждением. Я уверен, что я могу рассчитывать на вас и на ваших коллег — министров флота и авиации в смысле помощи мне в деле руководства ведением войны и в преодолении инерции и промедлений, которые привели к тому, что неприятель на каждом шагу опережает нас.

Конечно, необходимо будет от времени до времени увеличивать число членов Объединенного планового комитета».

На деле реформированная организация показала гладкую и успешную работу, и я не могу припомнить ни одного недоразумения или конфликта с нею.

**
*

С этого времени проектирование десантных судов всех типов пошло с усиленной энергией, и при Адмиралтействе было образовано специальное отделение, ведавшее этим делом. В октябре 1940 состоялись испы-

тания первого десантного танка («L.C.T.»*). Таких было построено всего лишь около 30, так как этот тип оказался слишком малым. Последовал улучшенный план: новый тип состоял из нескольких частей, для удобства перевозки его морем на Средний Восток, куда десантные танки начали прибывать летом 1941 г. Эти оказались уже много лучше и, так как мы имели уже опыт, то дальнейшие модели становились все совершеннее. Адмиралтейство очень беспокоилось о том, как оно справится с производством этих неожиданных новинок, требовавших огромного количества материалов. К счастью, оказалось возможным передать этот заказ инженерным фирмам, не занятым судостроительством, и таким образом нормальная работа наших больших верфей не была нарушена. Это дало возможность осуществить намеченную нами широкую программу, но, с другой стороны, ставило предел размерам наших судов.

Наши десантные танки годились для операций в Ламанше или для более отдаленных рейдов в Средиземном море, но не для далеких океанских путешествий. Теперь возникла нужда в более крупных океанских судах, которые помимо доставки танков и самоходных орудий через океан могли бы также высаживать их берег подобно нашим «L. C. T.» Я дал указания для проектирования таких судов, которые были сначала названы «Атлантическими L. C. T.», но вскоре переименованы в «L. S. T.»**). Постройка их вызвала непосильную нагрузку наших, и без того уже загруженных, верфей. Таким образом судов первого типа, прозванного Адмиралтейством «Винета», было построено у нас только три; остальные были заказаны в США и в Канаде, но потом были заменены последующими типами. Тем временем мы приспособили три

*) Landing Craft Tank

***) Landing Ship Tank

мелко-сидящих наливных судна для той же цели, и эти суда нам сослужили хорошую службу впоследствии.

К концу 1940 года мы усвоили уже ясное представление о технической оснастке «комбинированной» войны. Производство судов специального типа и всевозможного снаряжения шло полным ходом, и в то же время были сформированы команды и экипажи для всех этих новинок, и теперь они усердно тренировались под руководством Главного командования соединенными операциями. Специальные центры такой подготовки были созданы как в Англии, так и на Ближнем Востоке. Как только все эти идеи и способы их практического осуществления принимали конкретные формы, мы делились ими с нашими американскими друзьями. Результаты с годами все росли, и с течением времени образовался аппарат, который явился необходимою частью наших широких замыслов и достижений. Наши труды на этом поприще в эти ранние годы имели столь глубокое влияние на последующий ход войны, что я должен забежать вперед, чтобы отметить некоторые наши материальные достижения.

Летом 1941 начальники штабов указали, что программа постройки десантных судов была рассчитана только на небольшие операции, но что наше будущее возвращение — на континент Европы требует значительно больших усилий, чем мы тогда были в состоянии сделать. К этому времени Адмиралтейство изготовило проект нового типа «L. S. T.». Этот проект был послан в США, где он был разработан во всех деталях. В феврале 1942 было приступлено к производству этого типа в широких масштабах. Он был назван «L. S. T. (2)» и имя это фигурировало очень часто во всех позднейших операциях, так как с помощью этого типа легко решались самые сложные проблемы высадки тяжелых машин. В конечном итоге было построено более 1.000 таких судов.

В то же время на обоих берегах Атлантического океана шло с возрастающим успехом производство малых десантных судов всевозможных типов. Все они должны были быть перевезены в надлежащее место в тех же судах, что перевозили десантные войска. Таким образом на британские и американские войсковые транспортные суда ложилась, помимо перевозки войск, огромная дополнительная задача перевозки новых типов судов и аппаратов специального назначения. Эти корабли получили название «L. S. I.»*) (десантная инфантерия). Некоторые из них были переданы военноморскому флоту; другие остались в ведении торгового флота и их владельцы и экипажи оставались на борту и с честью принимали участие в боевых операциях. Некоторые из этих судов погибли в составе конвоируемых транспортов, бесконечным потоком перевозивших подкрепления на Ближний Восток и в другие места; этой жертвы нельзя было избежать. Много и других типов вспомогательных судов, необходимых при высадке, появилось в то время. В 1940 и 41 гг. наши усилия в этой области были ограничены условиями борьбы с германскими подводными лодками. До конца 1940 года на изготовлении десантных судов и приспособлений к ним работало не свыше 7.000 человек, да и в следующем году немногим больше. Зато в 1944 только в одной Великобритании не меньше, как 70.000 человек было поставлено на эту работу огромной важности, а в США — еще значительно большее число.

**
*

Так как вся наша работа в этой сфере имела громадное значение для будущего исхода войны, то я привожу здесь телеграмму, посланную мною президенту Рузвельту в 1941 году:

*) Landing Ships Infantry

25 июля 41

«Мы здесь строим наши военные планы из расчета, что придется воевать не только в 1942, но также и в 1943 г. Обеспечив себя самым основным, нужно в самом широком масштабе развернуть силы, нужные для победы. В общих чертах, мы должны прежде всего стремиться к усилению блокады и пропаганды. Затем мы должны подвергнуть Германию и Италию непрерывной и все растущей воздушной бомбардировке. Эти меры могут сами по себе произвести внутренние конвульсии и даже крушение. Но нужно также выработать план помощи покоренному населению путем высадки освободительных армий при первой же возможности. Для этой цели нам нужны будут не только танки в большом количестве, но также и суда, способные привезти их и выгрузить прямо на берег. Для вас нетрудно будет сделать необходимые изменения в некоторых из огромного числа торговых судов, построенных вами, так, чтобы приспособить их к задаче высадки танков на берег».

И немного позже:

«Премьер-министр — Первому морскому лорду. 8 сент. 41
Моя идея была не в том, чтобы президент строил новые суда типа «Винеты», помимо всех, уже договоренных; но в том, чтобы из большого числа грузовых судов, запланированных к постройке в США на 1942 год, некоторое количество их было оборудовано специальными приспособлениями, дающими возможность танкам выезжать из судна прямо на берег или же на десантное судно, которое доставит его на берег.

Пожалуйста, помогите мне уяснить президенту этот пункт, показав, какого рода изменения нужно сделать в американских грузовых судах, уже запроектированных».

Ввиду появления и распространения многочисленных версий о моем, якобы, отвращении ко всякого рода десанту с боем — вроде того, какой имел место в Нормандии в 1944 — я считаю уместным показать, что с самого начала я прилагал много усилий и настойчивости в деле создания огромного аппарата и целого флота, для высадки бронearмии на неприятельском берегу. Теперь уже всеми признано, что без такой вы-

садки все крупные операции были бы невозможны. Я буду развертывать эту тему шаг за шагом в дальнейших томах. Я приведу ряд документов, написанных мною, которые показывают мою упорную целенаправленность, бывшую в полной гармонии с фактической обстановкой и с успешным финалом этого дела.

13.

В О С А Д Е

В те летние дни 1940 после падения Франции мы были совсем одни. Ни один из британских доминионов, ни Индия, ни колонии, не могли оказать нам существенной помощи или послать то, что могли, вовремя. Победоносные, огромные германские армии, отлично снабженные, с громадными запасами взятого от нас оружия и с полными арсеналами в тылу, стягивались для последнего удара. Италия, с ее внушительными силами, объявила нам войну и страстно домогалась нашего поражения в Средиземном море и в Египте. На Дальнем Востоке Япония смотрела сурово и загадочно и подчеркнуто требовала закрытия дороги из Бирмы в Китай, по которой шло снабжение Китая. Советская Россия была связана с нацистской Германией пактом и оказывала Гитлеру существенную помощь своим сырьем. Испания, которая уже оккупировала международную зону Танжера, могла в любой момент обратиться против нас и потребовать Гибралтар или пригласить немцев помочь ей в ее нападении или поставить свои батареи, чтобы запереть проход через Гибралтарский пролив. Петэновская Франция, с ее правительством в Бордо, скоро перекочевала в Виши, и каждую минуту можно было ожидать, что она объявит нам войну. Остатки ее флота, стоявшие в Тулоне, повидимому были в германских руках. Нечего сказать, у нас не было недостатка во врагах.

После Орана всем стало ясно, что британское правительство и вся нация решились бороться до конца. Но, даже если дух Великобритании и не был поколеблен, то как можно было преодолеть страшные факты действительности? Наша армия почти не имела другого вооружения, кроме винтовок. На всю страну было всего-навсего не более 500 полевых орудий разных калибров и не больше 200 средних и тяжелых танков. Месяцы должны были пройти, прежде чем наши заводы смогут возместить потери даже одного Дюнкерка. Можно ли поэтому удивляться, что весь внешний мир был убежден, что час нашей гибели уже пробил?

Глубокая тревога охватила США и остальные свободные страны. Американцы озабоченно спрашивали себя, правильно ли они поступают, посылая нам помощь из своих строго ограниченных запасов, повинуюсь своему великодушному, но, в сущности, безнадежному порыву? Не должны ли они беречь свои нервы и свои винтовки для себя, чтобы исправить собственную неподготовленность? Нужно было обладать большой силой духа, чтобы устоять и подняться выше этих самоочевидных, неоспоримых соображений. Британская нация обязана благодарностью благородному президенту и его достойным помощникам и советникам за то, что они никогда, даже в дни президентских выборов, не забывали нас и не теряли веры в нашу судьбу и в нашу стойкость.

Стойкий и выдержанный характер британцев, которых я имею честь представлять, оказался решающим фактором, он изменил всю картину. Перед войной мы были крайними пацифистами; мы беспечно развлекались борьбой политических партий; мы, при нашем слабом вооружении, беззаботно бросались в самую гущу европейских дел. А теперь мы стоим перед расплатой, как за наши добродетельные побуждения, так и за наше легкомыслие. Но нас это даже не расстраивает. Мы игнорируем завоевателей Европы. Мы, повидимо-

му, готовы скорее допустить, чтобы наш Остров обратился в место бойни, чем уступить. Это могло бы стать красивой страницей нашей истории. Но ведь были и другие истории того же рода. Афины были завоеваны Спартой. Карфаген тщетно оказывал отчаянное сопротивление Риму. Нередко в анналах истории — и несколько чаще в трагедиях, нигде не записанных или давно забытых — храбрые, гордые и беспечные государства, и даже целые расы были уничтожены целиком, так что от них оставалось только имя, да и то не всегда.

Лишь немногие британцы и очень немногие иностранцы сознавали исключительные технические выгоды нашего островного положения; мало кто знал, как даже в годы нерешительности перед войной поддерживалась наша морская оборона, а позднее воздушная оборона. Ведь почти тысячу лет Британия не знала на своей территории огня вражеских лагерей. В критические моменты сопротивления Британии все оставались спокойны, готовые отдать тут же свою жизнь. Эта черта нашего характера была постепенно признана как друзьями, так и врагами нашими во всем свете. А что же было за этой стойкостью? Это могло быть установлено только при помощи грубой силы.

**
*

Но был и другой аспект. В июне 1940 г. наибольшая опасность для нас состояла в том, что мы бросили наши последние армейские резервы в истощающее, бесплодное сопротивление во Франции, а наши воздушные силы постепенно таяли в полетах над европейским континентом. Если бы Гитлер был одарен сверхъестественной мудростью, то он ослабил бы свои атаки на французском фронте, быть может, сделал бы паузу 3-4 недели после Дюнкерка на линии Сены, и тем временем развил бы приготовления ко вторжению в Анг-

лию. Таким образом, он имел бы выбор направления для удара, а мы бы мучились, не зная что предпочесть: покинуть Францию в ее агонии, или тратить на нее наши последние ресурсы, необходимые для нашей собственной обороны. Чем больше мы понуждали Францию к дальнейшему сопротивлению, тем больше было нашим долгом помочь ей и тем труднее было бы нам подготовить оборону Англии и, самое главное, сохранить в резерве наши 25 эскадрилий воздушных истребителей, от которых всё зависело. В этом пункте мы никогда бы не уступили, но наш отказ глубоко обидел бы нашего изнемогающего в борьбе союзника и отравил бы наши с ним отношения. Было даже что-то вроде чувства облегчения у некоторых из наших высших начальников, когда они встали перед новой, зловеще упростившейся ситуацией. Как сказал швейцар одного из военных клубов в Лондоне опечаленному члену клуба: «Как бы то ни было, сэр, мы стоим перед финалом и он будет разыгран на нашей земле».

**
*

Даже и в этот момент Германское Верховное Командование не преуменьшало наших сил. Чиано рассказывает, как 7 июля 1940, когда он посетил Гитлера в Берлине, у него был долгий разговор с генералом Кайтелем. Кайтель, как и Гитлер, говорил о походе на Англию. Он подтвердил, что до настоящего момента еще ничего определенного не решено. Он считал высадку возможной, но расценивал ее, как «необычайно трудную операцию, которую надо проводить с крайней осторожностью, ввиду того факта, что сведения разведки относительно военной подготовки острова и береговой обороны крайне скудны и не очень надежны».*) Что казалось нетрудным и в то же время дейст-

*) Чиано, «Дипломатические документы», стр. 378

венным, это крупный налет на аэродромы, заводы и главные коммуникационные узлы Великобритании. Однако нельзя было забывать, что британская авиация очень сильна. Кайтель считал, что Англия имеет 1.500 самолетов, готовых как к обороне, так и к ответному налету. Он допускал, что за последнее время активность британской авиации значительно возросла. Бомбардировки проводились с замечательной точностью и группы самолетов появлялись всегда в числе восьми машин одновременно. Однако, в Англии большая нехватка пилотов, и те, что сейчас производили налеты на города Германии, не могут быть заменены новыми летчиками, так как эти еще совсем не тренированы. Кайтель также настаивал на необходимости бомбардировать Гибралтар, чтобы нанести удар имперской системе Великобритании. Ни Кайтель, ни Гитлер не обмолвились ни словом о продолжительности войны. Только Гиммлер сказал, как бы случайно, что война должна закончиться в начале октября.

Таков рассказ Чиано. Он также предложил Гитлеру, как «искреннее желание Дуче», армию в 10 дивизий и воздушный флот в 30 эскадрилий для участия в наступлении. Дивизии были вежливо отклонены. Несколько эскадрилий прибыло, но, как мы увидим дальше, им пришлось плохо.

19 июля Гитлер произнес свою триумфальную речь в Рейхстаге, в которой после предсказания, что я вскоре эмигрирую в Канаду, он сделал нечто вроде мирного предложения.

Вот его точный текст:

«В этот час я считаю своим долгом перед моей совестью еще раз обратиться к рассудку и здравому смыслу Великобритании и остального мира. Я считаю себя в праве сделать такое обращение, так как я не пораженный враг, просящий о милости, но победитель, призывающий к благоразумию. Я не вижу причин для продолжения этой войны. Я скорблю, думая о жертвах, которых она потребует... Быть может, мистер Черчилль скажет на это, что мои слова порождены

страхом и неуверенностью в конечной победе. В таком случае я снимаю с себя ответственность за то, что произойдет в скором времени.»

Этот жест сопровождался в течение следующих дней дипломатическими шагами при посредничестве Швеции, США и Ватикана. Без сомнения, Гитлер был бы очень рад, подчинив Европу своей воле, закончить теперь войну, получив согласие Великобритании на всё, им содеянное. Фактически это было не предложение мира, а выражение своей готовности признать отказ Великобритании от всего, ради защиты чего она вступила в войну. Так как германский поверенный в делах в Вашингтоне пытался войти в сношения с нашим послом в США, то я послал следующую телеграмму:

«Не знаю, находится ли лорд Галифакс в городе сегодня, но лорду Лотиану надо передать: ни в каком случае не давать ответа на обращение германского поверенного в делах».

Моей первой мыслью были, однако, серьезные формальные дебаты в обеих Палатах. Поэтому я написал одновременно Чемберлену и Эттли:

«Стоило бы ответить на речь Гитлера резолюциями обеих Палат. Они могли бы быть внесены отдельными лицами, лордами и членами Палаты общин. Иначе этот случай может нам повредить. Как ваше мнение?»

Мои коллеги нашли, что не стоит так раздувать дело, в котором мы все единодушны. Было решено, что, вместо этого, министр иностранных дел отпарирует жест Гитлера по радио. В ночь на 22 июля он дал ответ на «вызов Гитлера покориться его воле». Он противопоставил «Гитлеровской Европе» ту Европу, за которую мы боремся, и заявил, что «мы не прекратим борьбы до тех пор, пока свобода не будет обеспечена». Однако фактически идея переговоров была отвергнута еще раньше в прессе и по радио, немедленно после речи Гитлера и без всякого побуждения со стороны правительства.

Чиано, в своем рассказе о следующей встрече своей с Гитлером 20 июля, замечает:

«Реакция английской прессы на вчерашнюю речь была такова, что не давала никаких надежд на взаимное понимание. Гитлер поэтому готовился нанести Англии военный удар. Он подчеркивает, что как стратегическое положение Германии, так и сфера ее влияния и экономического контроля таковы, что они уже значительно ослабили возможности сопротивления Великобритании, и теперь она рухнет при первом ударе. Воздушные налеты уже начались несколько дней тому назад и они будут все время усиливаться. Противовоздушная оборона Британии и ее истребители не являются серьезным препятствием для германских атак. Сейчас изучаются решающие методы наступления, так как все приготовления уже закончены.»

Чиано тут же отмечает в своем дневнике: «поздно вечером 19-го июля, когда пришла первая холодная реакция Англии на речь Гитлера, плохо скрываемое чувство разочарования распространилось среди немцев». Гитлер «хотел установить взаимопонимание с Великобританией. Он знает, что война с англичанами будет трудной и кровавой, знает также и то, что народ повсюду не хочет кровопролития». С другой стороны, Муссолини «боится, что англичане могут найти в ловкой речи Гитлера предлог, чтобы начать переговоры». «Это, — замечает Чиано, — огорчило бы Муссолини, потому что сейчас он более, чем когда-либо, жаждет войны*»). Но ему нечего было жаловаться. Не во всех войнах, которых он жаждал, ему было отказано.

За сценой, без сомнения, шла непрерывная работа германской дипломатии и, когда 3 августа король шведский счел момент подходящим, чтобы обратиться к нам по этому вопросу, я предложил министру иностранных дел следующий ответ, который лег в основу нашего официального ответа:

*) Чиано, «Дневник».

«12 октября 1939 Правительство Его Величества точно определило свое отношение к германским мирным предложениям в строго продуманном заявлении Парламенту. С тех пор нацистская Германия совершила целый ряд отвратительных преступлений, нарушив неприкосновенность малых государств, граничащих с нею. В Норвегию были введены германские армии, которые оккупируют ее до сих пор. Дания была захвачена и разграблена. Бельгия и Голландия — после всех их усилий договориться с Гитлером по добру и вопреки всем заверениям германского правительства, что их нейтралитет будет соблюден, — были завоеваны и порабощены. В Голландии акты давно подготовленного предательства и жестокости достигли крайнего предела в Роттердамских погромах, когда много тысяч голландцев было убито и значительная часть города уничтожена.

Эти страшные события покрыли страницы европейской истории несмываемым позором. Правительство Его Величества не считает, что они дают повод отступать от принципов и решений, принятых в октябре 1939. Наоборот, решение правительство продолжать войну против Германии всеми средствами, какие есть в его распоряжении, до тех пор, пока гитлеризм не будет окончательно сломлен и пока мир не будет избавлен от проклятия, которое злая воля одного человека навлекла на него, — это решение теперь окрепло и усилилось до такой степени, что британцы готовы скорее погибнуть в общем крушении, чем отступить или поколебаться в исполнении своего долга. Мы твердо верим, однако, что с Божьей помощью у нас хватит средств для выполнения нашей задачи. Быть может это продлится долго; но Германии всегда будет открыта возможность просить о перемирии, как она сделала в 1918, или обратиться с предложением мира. Однако, прежде чем таковая просьба или предложение будут рассмотрены, необходимы будут действительные гарантии — не словами, а делами — что Германия обеспечивает восстановление свободной и независимой жизни Чехословакии, Польши, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, и прежде всего Франции, точно также, как действительную безопасность Великобритании и Британской Империи в общем мире.»

Я добавил:

«Соображения, изложенные в мемориале министерства иностранных дел, кажутся мне ошибочными в том смысле, что они стараются быть слишком «умственными», они входят

в тонкости политики, что не соответствует простоте и величию эпохи и тем ценностям, которые поставлены на карту. В такой момент, когда мы не можем похвастаться успехами, всякие мотивировки являются ошибкой. Твердый ответ в таком роде, как я набросал, является единственным способом вытянуть от Германии реальное предложение, а не пустые фантазии».

В тот же день я составил следующее заявление для печати:

«Премьер-министр хочет обратить внимание на то, что возможность германской попытки вторжения в нашу страну отнюдь не миновала. Немцы сейчас распространяют слухи, будто они вовсе не собираются нападать на нас; все их заявления всегда подозрительны, но к этим слухам надо относиться с удвоенной осторожностью. Наше сознание растущей нашей силы и готовности не должно ослаблять нашу бдительность и осторожность.»

**

В конце июня начальники штабов через генерала Исмэя подали мысль, что мне следовало бы посетить участки восточного и южного побережья Англии, где можно ожидать высадки немцев. Следуя этому совету, я каждую неделю посвящал один или два дня этой приятной задаче. Я спал в моем вагоне и имел возможность продолжать там мою регулярную работу и быть в постоянном контакте с Уайтхоллом*). Я осмотрел Тайн, Хомбер и многие другие возможные места высадки немцев. Канадская дивизия, которая по присоединении дивизии, посланной в Исландию, должна была быть развернута в корпус, произвела для меня маневры в Кенте. Я осмотрел береговые укрепления в Гарвиче и в Дувре. Одна из первых моих поездок была посвящена осмотру 3-й дивизии, которой командовал генерал Монтгомери, мне до той поры незнакомый. Моя жена была со мной. 3-я дивизия была рас-

*) Здание, где находится британское правительство.

положена около Брайтона. Она стояла на первой очереди по снабжению и была уже готова к отправке во Францию, когда там сопротивление прекратилось. Штаб Монтомгери находился у Стейнинга и генерал показал мне нечто вроде маневров, главным номером которых было фланговое движение пловучих батарей, вооруженных пушками «Брен»; таких батарей у него было в тот момент 7 или 8. Затем мы поехали вместе вдоль берега через Шорхем на хорошо знакомый мне берег у Брайтона, с которым у меня связано столько школьных воспоминаний. Мы обедали в отеле «Королевский Альбион», который стоит напротив пристани. Отель был совершенно пуст, так как эвакуация шла уже давно; но на пляже было еще довольно много купающихся; там же происходили строевые занятия войск. Я с интересом смотрел, как взвод гвардейских grenадер сооружает из мешков с песком пулеметное гнездо в одном из киосков на пристани, похожем на те, в которых в детстве я с восхищением наблюдал прыжки дрессированных блох. Была приятная погода. С генералом было интересно говорить, и я был вполне доволен своей поездкой. И однако:

«Премьер-министр — военному министру. 3 июля 40

Я был расстроен, обнаружив, что 3-я дивизия растянута на побережье на фронте в 30 миль, вместо того, чтобы — как я ожидал — держаться позади, в сосредоточенном резерве, готовой, в случае высадки ударить по головному отряду неприятеля. Но еще более поразительным было то, что пехота этой дивизии — которая в других отношениях крайне подвижна — тут не имела автобусов, которые подвозили бы ее к месту боя*). Эта подготовка автобусов, всегда стоящих наготове под рукой, совершенно необходима для всех подвижных частей, а в особенности для 3-й дивизии, далеко растянувшейся вдоль берега.

*) Это был старый план, который я использовал для бригады морской пехоты при высадке во Франции в сентябре 1914. Мы взяли 50 автобусов с лондонских улиц и Адмиралтейство переправило их через канал в одну ночь.

Я слышал такие же жалобы из Портсмута; там войска тоже не получили для себя транспорта, готового и под рукой. Учитывая большое количество транспорта, как автобусов, так и грузовиков, имеющегося налицо в нашей стране, а также большое число шоферов, вернувшихся с Б.Э.С., из Франции, надо полагать, что мы можем сразу покончить с этими недостатками. Во всяком случае я надеюсь, что командующему 3-й дивизией еще сегодня будет сказано, что он может взять нужное ему число автобусов, из числа тех, что до сих пор катают пассажиров по взморью у Брайтона.»



В середине июля военный министр внес предложение, чтобы генерал Брук заменил генерала Айронсайда в командовании нашими внутренними силами. 19 июля, во время моей длительной инспекции участков, наиболее угрожаемых в случае вторжения, я посетил ставку Южного Командования. Мне было продемонстрировано нечто вроде тактических маневров, в которых участвовало не более, не менее, как 12 танков (!). Все послеобеденное время я провел с генералом Бруком, который командовал этим фронтом. Его репутация стояла очень высоко. Он не только выдержал решающий фланговый бой у Ипра во время нашего отступления к Дюнкерку, но и проявил исключительную стойкость и находчивость в условиях невероятно тяжелых и сложных, командуя нашими новыми частями, посланными во Францию в течение первых трех недель июня. У меня было и личное знакомство с А. Бруком — его два брата, Виктор и Ронни, были моими товарищами в первые годы моей военной службы. Эти связи и воспоминания не играли решающей роли в серьезном деле выбора главнокомандующего, но они образовали как бы персональную базу, на которой покоилось и крепло наше непрерывное сотрудничество во время войны. Мы провели вместе четыре часа в автомобиле в этот июльский день 1940 года, и почти во всем сговорились о методах

обороны нашей страны. Переговорив с другими ответственными лицами, я одобрил предложение военного министра о назначении Брука командующим войсками метрополии вместо Айронсайда. Генерал Айронсайд принял свою отставку с тем исключительным достоинством, которым отличались все его действия.

В течение тех полутора лет, что длилась угроза вторжения, Брук организовал силы войск метрополии и командовал ими, а затем, когда он стал начальником Имперского Генерального Штаба, мы продолжали наше сотрудничество еще три с половиной года, вплоть до нашей победы. В дальнейшем я расскажу о помощи, которую он оказал своим советом в кардинальном вопросе смены командующего в Египте и на Среднем Востоке в 1942 году, а также о тяжелом разочаровании, которое я должен был ему причинить в вопросе командования операцией «Оверлорд» — нашей высадки во Франции в 1944. Его долгое председательство в Комитете начальников штабов (в течение почти всей войны) и его работа в качестве начальника Имперского Генерального Штаба дали ему возможность оказать исключительные услуги не только Британской Империи, но и всему делу союзников. В этой книге отмечены также и наши случайные расхождения, но в подавляющем большинстве случаев между нами царил полное согласие, свидетельствующее о дружбе, которую я высоко ценю.

**

Тем временем мы всё настойчивее изучали во всех деталях возможные формы вторжения. Некоторые из моих записок иллюстрируют этот процесс.

«Премьер-министр — министру авиации и начальнику штаба авиации. 3 июля 40

Я слышу со всех сторон о необходимости сосредоточить все усилия авиации на бомбежке судов и барж во всех портах, находящихся под германским контролем.»

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 2 июля 40
Прочтите письмо (об обороне Лондона) члена Парламента м-ра Веджвуда; оно интересно и характерно. Что делать с Лондоном? Для меня ясно, что мы должны отстаивать каждый дюйм, и что Лондон должен «поглотить» целую армию оккупантов».

«Премьер-министр — г. Веджвуду. 4 июля 40
Благодарю вас за ваши письма. Я надеюсь получить вскоре большую партию винтовок и продолжать вооружение Ополчения. Вы можете быть уверены, что мы будем сражаться за каждую улицу Лондона и его предместий. Эта борьба поглотит вторгнувшуюся армию, если только такая пробьется до Лондона. Мы, впрочем, надеемся сбросить большую часть ее в море.»

Любопытно, что командующий Германской армией, которому был вверен план вторжения, употребил то же самое слово «поглотить», говоря о Лондоне и решил избежать этой участи.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 4 июля 40
Что делается для ободрения населения приморских городов, которым угрожает вторжение, для помощи ему в деле оборудования сносных убежищ, в которых оно могло бы оставаться во время вторжения? Активные меры должны быть приняты немедленно. Офицеры или местные власти должны обходить районы, объясняя семьям, что, если они решат не покидать города, согласно нашему основному совету, то они должны оставаться в подвалах и принять меры к тому, чтобы укрепить здания над их головой. Им должна быть в этом оказана помощь советом и материалами. Надо осмотреть их газовые маски. Ко всему этому надо приступить уже сегодня. Эти меры усилят добровольную эвакуацию и в то же время окажут действительную помощь остающимся.»

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 5 июля 40
Пора опубликовать ясные инструкции населению угрожаемых прибрежных зон. Их надо всячески побуждать к добровольной эвакуации, указывая на возможность принудительного выселения, а также путем местной пропаганды через их районных уполномоченных или местные учреждения. Тех, кто хочет оставаться, или кому некуда ехать,

надо предупредить, что если в их городе или деревне появятся вражеские войска, то оставшиеся жители уже не смогут эвакуироваться до конца военных действий. Поэтому надо их побуждать — и помогать им в этом — привести в порядок свои подвалы так, чтобы они действительно являлись надежным убежищем. Их можно снабжать одним из типов Андерсоновских убежищ (я слышал, что есть новые типы, не содержащие стали). Только надежным людям можно разрешать оставаться. Все сомнительные элементы должны быть эвакуированы.

Прошу прислать мне на утверждение проект точных инструкций на основе вышеприведенного.»

«Премьер-министр — профессору Линдеману. 7 июля 40
(Копия генералу Исмэю)

Прошу мой отдел «S» изготовить для меня схему всех 30 дивизий с указанием состояния их снаряжения. Каждая дивизия должна быть изображена квадратом, разделенным на секции: офицеры и солдаты, винтовки, ручные пулеметы, пулеметные лафеты, противотанковые ружья, противотанковые орудия, полевая артиллерия, артиллерия среднего калибра (если имеется), транспорт достаточный, чтобы обеспечить передвижение всех трех бригад одновременно, и т.д... Когда распределение на дополнительные квадратики будет закончено, карту можно раскрасить красным цветом. Я хотел бы иметь такую карту каждую неделю. Подобную же диаграмму можно приготовить для Ополчения, для нее достаточно показывать винтовки и форменную одежду».

«Премьер-министр — военному министру. 7 июля 40

Вчера вы были так же, как и я, удивлены заявлением генерала Мак-Нафтони о том, что 2-я Канадская дивизия предназначена для Исландии. Было бы безусловно величайшей ошибкой отправить эти первоклассные войска на столь отдаленный театр. Повидимому, первые три батальона уже отправлены туда. Никому об этом не было известно. Нам нужны здесь две канадские дивизии, чтобы составить корпус, и при том как можно скорее.

Мне хорошо известны аргументы насчет тренировки и тому подобного, но они меня не убеждают. Мы должны усвоить другой подход к этому вопросу. Безусловно можно послать в Исландию второочередные территориальные войска, они там будут тренироваться в самом главном, а затем **надо** иметь один первоклассный батальон типа «Гоббинс»,

для удара по высадившимся частям. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы этим занялись.»

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду. 7 июля 1940

1. Я не могу понять, как мы можем терпеть плавание вражеских судов вдоль берегов Франции, не нападая на них. Безусловно нельзя ограничиваться одним воздухом. Миноносцы-истребители должны посылаться под охраной авиации. Неужели мы в самом деле можем позволить немцам создать у нас под носом, в Ламанше, огромный флот и безнаказанно проводить свои суда через Па-де-Калэ? Это означало бы новую и очень опасную угрозу, которую мы должны своевременно отпарировать.

2. Прошу прислать мне рапорт не только по вышеозначенному поводу, но и о состоянии наших минных полей, и как его улучшить. Верно ли что мины пришли в негодность за 10 месяцев? Если да, то надо поставить несколько новых рядов. Почему не сделать попытки поставить мины ночью во французском проливе и устроить засаду в ожидании минного тральщика, который будет послан для прочистки пролива? Тот факт, что немцы владеют французским побережьем, вовсе не должен удерживать нас от попыток утвердить наше господство на море. Если немецкие орудия заговорят, то надо послать линейный корабль, чтобы расстрелять их, конечно, под защитой авиации.»

**
*

В течение июля значительная партия американского оружия была благополучно доставлена через Атлантический океан. Это казалось мне настолько жизненно важным, что я снова предписал строжайшие меры предосторожности при их перевозке и приеме.

«Премьер-министр — военному министру. 7. июля 40

Я просил Адмиралтейство принять специальные меры для охраны вашего транспорта с винтовками. Они посылают четыре истребителя далеко в море для встречи транспорта. Все прибывает 9-го. Вы можете осведомиться о часе в Адмиралтействе. Я был очень рад узнать, что вы уже сделали все приготовления для разгрузки, приема и распреде-

ления этих винтовок. По крайней мере 100.000 их могли бы быть розданы воинским частям сегодня же ночью или на рассвете. Будут пущены специальные поезда для развозки их согласно точному плану, выработанному заранее и выполняемому в порту прибытия старшим офицером, знакомым с этим делом. Мне кажется, что первые партии оружия следовало бы посылать в приморские районы с тем, чтобы в первую очередь оружие получило Ополчение на наиболее угрожаемых участках побережья.

Не откажите в любезности известить меня заблаговременно о вашем решении».

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 8 июля 40

Приняты ли меры к отправке дальнейших партий американских боеприпасов, винтовок и орудий на более быстрых судах, чем было в последний раз? Что это были за суда, на которые были погружены последние партии, и какую скорость они имели? Будьте добры справиться об этом Адмиралтействе.»

«Премьер-министр — Первому лорду. 27 июля 40

Большая партия винтовок, орудий и снарядов и патронов к ним, которая вскоре прибывает к нам, по своему значению далеко превосходит все, что мы до сих пор получали из-за океана (помимо Канадской дивизии). Не забудьте, что 200.000 винтовок означает 200.000 солдат, поскольку люди ждут винтовок. Караван, прибывающий 31 июля, является единственным в своем роде, и надо принять все меры к тому, чтобы он прибыл благополучно. Потеря этих винтовок и полевых орудий была бы величайшей катастрофой для нас.»

Когда корабли, плывшие из Америки с драгоценным грузом, приближались к нашим берегам, то во всех портах их ожидали специальные поезда, чтобы немедленно принять этот груз. Ополчение всего графства, каждого города, каждой деревни, работало всю ночь напролет, принимая оружие. Мужчины и женщины работали день и ночь, готовя его к употреблению. К концу июля мы были уже вооруженной нацией, готовой к встрече вражеских парашютистов и воздушных десантов. Мы превратились в «осиное гнездо».

Во всяком случае, если нам суждено было погибнуть в борьбе (чему я не верил), то большинство наших мужчин и часть женщин уже имели оружие в руках. Прибытие первой партии из общего числа полумиллиона винтовок для войск метрополии*) дало нам возможность передать 300.303 винтовки британского образца нашим быстро растущим частям регулярной армии.

Некоторые строгие эксперты презрительно отворачивались от французских 75 м/м**) орудий, с их 1000 шт. унитарных патронов на каждое. Правда, к этим орудиям не было передков и не было оборудования для дальнейшего производства снарядов. Различия в калибрах крайне затрудняет операции. Но я преодолел все препятствия, и в течение 1940 и 1941 эти 900 75 м/м орудий были очень кстати для усиления Ополчения. Были изобретены различные приспособления и люди упражнялись с орудиями, вкатывая их по доскам на грузовики для перевозки их в другое место. Когда борешься за свое существование, то каждая пушка лучше, чем никакой, и французская 75м/м — хотя она и хуже британской 25-фунтовой и германской полевой гаубицы — была все же отличным оружием.

**

Мы внимательно следили за ростом германских тяжелых батарей на побережье Ламанша в течение августа и сентября 1940. Наиболее сосредоточена была эта артиллерия вокруг Калэ и Серого Мыса (Гри-Не) с очевидным намерением не допустить не только прохождения наших кораблей через Па-де-Калэ, но и переправу через него.

*) Хотя на каждую было всего лишь 50 патронов, из которых мы могли выдать только 10, так как производство их еще не было налажено.

**) 75-миллиметровых

Мы теперь знаем, что к середине сентября 1940 г. немцы в этом районе уже установили и приготовили к действию следующие батареи:

- 1) батарея Зигфрида, к югу от Гри-Не — четыре 28 см.*) орудия.
- 2) батарея Фридриха Августа, к северу от Булони — три 30,5 см. орудия.
- 3) батарея Великого Курфюрста на Гри-Не — четыре 28 см. орудия.
- 4) батарея принца Генриха, между Калэ и Блан-Не, два 28 см. орудия.
- 5) батарея Ольденбурга, к востоку от Калэ, — два 24 см. орудия.
- 6) батареи М-1, М-2, М-3 и М-4, в секторе Гри-Не — Калэ с общим числом четырнадцать 17 см. орудий.

Помимо этого, не менее как 35 тяжелых и средних батарей германской армии, а также 7 батарей из трофейных орудий были установлены на французском побережье с оборонительными целями к концу августа.

В июне я отдал приказание поставить на Дуврском мысу орудия, которые могли бы стрелять через Па-де-Калэ; это дало результаты, хотя и не в ожидаемом размере. Я был лично заинтересован в этом деле. Я навещал Дувр несколько раз в течение этих тревожных летних месяцев. В цитадели замка были прорыты длинные подземные галереи в меловой скале и был устроен широкий балкон, выходящий в море, с которого в ясные дни был виден берег Франции, теперь занятой неприятелем. Адмирал Рамсэй, командовавший в Дувре, был моим другом. Он был сыном полковника 4-го гусарского полка, под командой которого я служил в юности, и я часто видел его ребенком на Баррак-сквер в Ольдершоте. Когда, за три года до войны, он покинул свое место начальника штаба Флота Береговой Обороны из-за расхождений со

*) 28-сантимитровое.

своим Главнокомандующим, то он пришел ко мне за советом.

Я часто вел с ним долгие разговоры и совместно с комендантом Дуврской крепости мы осматривали наши быстро улучшавшиеся оборонные сооружения.

Я внимательно изучал, как там, так и дома, донесения нашей разведки, которая почти ежедневно отмечала продвижение в постройке германских батарей. Серия записок и распоряжений, касающихся артиллерии Дувра, которые я диктовал в течение августа, показывают мое настойчивое желание разбить хоть некоторые из строящихся германских тяжелых батарей раньше, чем они смогут начать стрельбу. Я, конечно, рассчитывал, что это будет сделано еще в августе, так как у нас было по крайней мере три орудия, которые могли стрелять через Ламанш. Позднее немцы слишком усилились, и мы не могли выдержать состязания с ними.

«Премьер-министр — генералу Исмю. 3 августа 40

1. 14-дюймовое орудие, которое я приказал установить в Дувре, должно быть готово своевременно, чтобы начать обстрел новой германской батареи. Конечно, оно не должно стрелять, пока не установлены все орудия. Однако план стрельбы может быть сделан уже сейчас, и я желал бы знать, какие распоряжения для корректирующей стрельбы авиации — (с надлежащим прикрытием истребителей) — должны быть сделаны для этого радостного события. Далее: когда будут установлены на рельсах два 13,5-дюймовых орудия и достаточно ли они дальнобойны для обстрела намеченной цели? Надо поставить в различных пунктах еще несколько орудий для виду, имитируя надлежащим образом вспышки, дым и пыль. Сообщите ваши соображения по этому поводу. Я надеюсь, что удлинение рельс для 13,5-дюймовых орудий уже готово? Пожалуйста сообщите.

2. Движение германских военных судов к югу от Кили создает несколько иную ситуацию, чем та, с которой считался Главнокомандующий в своей оценке роли нашего флота, затребованной несколько времени тому назад в связи с вопросом вторжения неприятеля через пролив при поддержке линейных кораблей. Надо бы запросить Адмирал-

тейство, не следует ли обратить внимание Главнокомандующего на изменившиеся намерения неприятеля и спросить его, что он может на это сказать.»

«Премьер-министр — Первому лорду. 8 августа 40

Я поражен быстротой и ловкостью, с какими были проведены работы по устройству платформы и по установке 14-дюймового орудия в Дувре. Благоволите передать всем участникам этой операции мою высокую оценку их отличной работы.»

Германские батареи впервые открыли огонь 22 августа, обстреляв безуспешно караван судов и перенеся затем огонь на Дувр. Мы отвечали им огнем одного из наших 14-дюймовых орудий, которое было теперь в действии. Затем последовала артиллерийская дуэль с различными интервалами. Дувр был обстрелян 6 раз в сентябре; самый тяжелый день был 9 сентября, когда немцы выпустили свыше 150 снарядов. Незначительный урон был причинен караванам судов.

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду. 25 авг. 40

Я был бы вам весьма обязан, если бы вы внесли предложение о том, чтобы «Эребус»*) обстрелял германские батареи на «Сером Мысу». Я был очень рад услышать, что вы считаете это возможным. Это крайне желательно. Нет никаких оснований откладывать обстрел до прибытия орудий на жел. дор. рельсах; хотя конечно, если бы они были готовы, они могли бы на рассвете присоединиться со своими 14 д. орудиями. Мы должны разгромить эти батареи. Я надеюсь, что нам не придется ждать «Эребуса» до следующей луны, и я буду рад узнать ваше мнение о благоприятных для нас фазах луны.»

*) «Эребус» — монитор Первой мировой войны, вооруженный двумя 15-дюймовыми орудиями. После генерального ремонта, в августе 1940, он отбыл в Скапа-Флоу для учебной стрельбы. По причине дефектов и дурной погоды он задержался со стрельбой и прибыл в Дувр только в конце сентября. Поэтому он мог принять участие в бомбардировке Калэ только 29 сентября.

«Премьер-министр — генералу Исмэю и Комитету начштабов.
27 августа 40

«Весьма вероятно, что неприятель попытается постепенно овладеть Дуврским мысом и захватить в свои руки господство в самом узком месте Ламанша. Это было бы естественной увертюрой к вторжению и дало бы повод к длительной борьбе с нашими воздушными силами, в надежде подавить их своею численностью. Далее, это привело бы к попытке выгнать наши боевые суда из их баз в Ламанше. Надо ожидать сосредоточения германских батарей на французском побережье. Что у нас делается для обороны Дувра тяжелой артиллерией? 10 недель тому назад я запрашивал о тяжелых орудиях. Лишь одно было установлено. Два орудия на ж.д. рельсах ожидают. Теперь нам говорят, что вследствие перегрузки стрельба будет очень неточной. Нам надо было бы иметь гораздо больше тяжелых орудий, с вкладышами с винтовой нарезкой для малых калибров, и выстроить их в ряд на длину 50 миль — вот это дало бы точные попадания. Не понимаю, почему до сих пор я не получил подобного проекта. Нам надо добиться того, чтобы у нас были господствующие артиллерийские позиции на Дуврском мысу, невзирая на то, каким атакам они могут подвергаться. Мы должны бороться за господство нашей артиллерии в проливе, мы должны уничтожить батареи противника и умножать и укреплять наши собственные.

В другом докладе я просил о внезапном выступлении «Эребуса» с целью уничтожения батарей на Сером Мысу. Он имеет непробиваемую палубу против воздушной бомбежки. Как обстоит с ним дело? Когда он выступит? Министерство авиации должно, конечно, тоже принять участие. Операция должна носить характер наступления. Надо затребовать аэроплан для корректировки стрельбы. Возможно, что первые эскадрильи «Ураганов» со своими «Мерлин 20» лучше всего годились бы для этой цели. Если «Эребус» будет атакован с воздуха, то он должен быть хорошо защищаем и наши летчики должны искать встречи с противником.

Пожалуйста сообщите мне ваши планы.»

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начштабов.
30 авг. 40

Далее, к моей предыдущей записке об обороне Кентского полуострова: надо ожидать, что вскоре на французском побережье появятся в большом числе мощные бата-

реи. Естественно, что немцы будут пытаться господствовать в проливах при помощи своей артиллерии. Сегодня мы сильнее их с нашими 14 и 13,5-дюймовыми орудиями на ж.д. рельсах. Наш адмирал в Дувре вскоре получит дополнительно большое число новейших 6 и 8-дюймовых орудий. Я слышал, что Адмиралтейство предполагает снять орудия с линейных кораблей «Ньюкасл» и «Глазго», которые стоят в капитальном ремонте. Предстоит сложная операция отмонтирования одной или двух турелей.*) Сообщите мне подробности и даты. Имеется еще находящаяся на испытании армейская орудийная установка 9,2-дюймовая, и помимо того у нас наверно есть еще несколько 12-дюймовых установок на ж.д. рельсах. Если наши корабли не могут передвигаться в проливе, то и неприятельские не должны быть допущены к этому. Даже если орудия не могут обстреливать французский берег, тем не менее они крайне ценны.

Некоторые типы наших тяжелых морских орудий — 18-дюймовые (гаубица) и 9,2-дюймовые — можно было бы поставить на суше в таких местах, откуда они могли бы воспрепятствовать неприятелю войти в порт или произвести высадку и, как указывал начальник Имперского Генерального Штаба, поддерживать наши контратаки против неприятеля, пытающегося создать предморское укрепление. Большое количество всякого рода артиллерии, оставшееся после последней войны, не нашло себе применения и пелый год простояло в ремонте.

Составьте мне хорошую программу применения ее для поддержки контрударов, отражения попыток высадки как севернее, так и южнее Темзы. Дальше к северу я видел уже несколько очень хороших тяжелых батарей.

Я также хотел бы получить сведения о фактической линии обороны между Дувром и Лондоном и Гарвичем и Лондоном. Теперь, когда с побережьем закончено, мы могли бы заняться этими направлениями, что несколько не умаляет значения энергичных контратак.

Но наиболее необходимое — это одно или два вполне современных 6-дюймовых орудия, способных сбивать каждый германский объект на расстоянии 20 миль.

Я также пытаюсь получить из США по крайней мере пару их 16-ти-дюймовых береговых орудий. Эти стреляют

*) Вращающаяся орудийная башня.

на 25 миль, выбрасывая без труда тонну с четвертью стали. Они должны обладать большой точностью попадания. Генерал американской армии Стронг упомянул мне об этом, как о многозначительном факте. Он полагает, впрочем, совсем конфиденциально — что армия США могла бы выделить пару этих орудий с лафетами из своих батарей.

Сообщите мне подробности об этих орудиях. В течение 3-х месяцев можно сделать бетонные основания и я думаю, что такой же срок нужен для перевозки этих орудий сюда. Очень мало таких судов, которые могли бы перевезти эти орудия на своих палубах.»

«Премьер-министр — генералу Исмю и Первому морскому лорду. 31 августа 40

Становится крайне необходимым начать обстрел германских батарей на французском берегу. Вчерашние фотографии показывают, что их орудия действительно подняты на позиции и было бы разумно сбить их раньше, чем они будут в состоянии отвечать нам. Теперь уже вполне достаточное количество орудий стоит на позициях. Поэтому я надеюсь, что с «Эребусом» больше не будут откладывать, так как с каждым днем наша задача становится все труднее.

Мне кажется крайне необходимы всячески срывать и задерживать развитие вражеских батарей ввиду того, что мы сами настолько позади с нашими батареями.»

В начале сентября наша тяжелая артиллерия, обстреливающая море, состояла из:

Довоенная береговая оборона:

9,2 дюйма — 2 орудия
6 дюймов — 6 „

Позднейшие добавления:

14 дюймовое (морское) — 1 орудие
9,2 дюйма — 2 „ (на ж.д. рельсах)
6 дюймов (морские) — 2 „
4 дюйма (морские) — 2 „

Вскоре появилось новое подкрепление в виде двух 13,5-дюймовых орудий, снятых со старого линейного

корабля «Айрон джук», которые были установлены на рельсовых платформах, и четырех 5,5-дюймовых орудий с линейного корабля «Худ». Многие из этих дополнительных орудий обслуживались артиллеристами Королевского флота и морской пехотой.

Хотя мы все еще уступали неприятелю в численности, однако теперь мы уже были в состоянии сосредоточить мощный огонь.

В добавление, одна из 18-дюймовых гаубиц, которую я сохранил после первой войны, и двенадцать 12-дюймовых гаубиц были установлены для отражения попыток высадки неприятеля. Все эти орудия имели лафеты и могли сосредоточить ураганный огонь на любом месте высадки.



Так как июль и август прошли благополучно, без разгрома, то в нас зародилась и постепенно росла вера в то, что мы сможем выдержать долгий и упорный бой. Со дня на день наши силы росли. Всё население работало до крайнего предела своих сил и чувствовало себя вознагражденным, когда оно засыпало после труда и бдительности со всё растущей надеждой, что нам будет дано время и что нам будет дана победа. Все пляжи теперь оштетинились всевозможными оборонными сооружениями. Вся страна была разделена на оборонные районы. Фабрики выпускали оружие. К концу августа мы имели свыше 250 новых танков! Плоды американского «Акта веры» были уже собраны. Вся регулярная британская армия и территориальные войска учились и упражнялись с утра до ночи и мечтали о встрече с врагом. Ополчение, насчитывающее более миллиона человек, когда ему не хватало винтовок, весело брало дробовик, охотничье ружьё, спортивную винтовку или пистолет, а когда не было никакого огнестрельного оружия, то пику или

дубину. 5-я колонна не существовала в Великобритании, хотя немногие шпионы были под неусыпным наблюдением. Что касается немногочисленных коммунистов, то они вели себя тихо. Все остальные давали всё, что они могли дать.

Когда Риббентроп приехал в сентябре в Рим, то он сказал Чиано: «Английская сухопутная оборона не существует. Достаточно одной германской дивизии, чтобы вызвать всеобщее крушение». Эти слова показывают только его неосведомленность. Я часто интересовался вопросом: что случилось бы в самом деле, если бы 200.000 германских ударных войск высадилось на берег Англии? С обеих сторон была бы жестокая, неумолимая резня. Не было бы ни милости, ни пощады. Они применили бы террор, мы готовы были идти до конца. Я даже рассчитывал, что ужасы этих сцен в конце концов принудили бы США к решению. Но ни одна из этих перспектив не была проверена на деле. Патрульные суда тихо бороздили серые волны Северного моря и Ламанша, пристально вглядываясь в ночную тьму. Высоко в небе парили вооруженные аэропланы. Это было время, когда было всё равно — жить или умереть.

14.

ПРОБЛЕМА ВТОРЖЕНИЯ

После падения Дюнкерка, а в особенности тремя неделями позднее, после капитуляции французского правительства, у всех британцев встал в уме вопрос: намерен ли и сможет ли Гитлер ворваться на наш Остров и завоевать его? Я не был новичком в этой проблеме. Как Первый лорд, я за три года до Первой мировой войны принимал участие во всех дискуссиях Комитета Имперской Обороны на эту тему. От имени Адмиралтейства я всегда доказывал, что по крайней мере 2 из 6 дивизий наших Экспедиционных Сил должны оставаться дома, пока территориальные войска и другие формирования военного времени не приобретут военного навыка. Как говорил адмирал Вильсон: «Наш флот не может играть в футбол без голкипера». И однако, когда Первая мировая война разразилась, когда наши морские силы были полностью мобилизованы, когда наш большой флот благополучно вышел в море и все возможные неожиданности и злоключения были позади — то мы, в Адмиралтействе, нашли возможным смягчить наше решение. На чрезвычайном заседании министров и высших военачальников, которых Асквит созвал 5 августа 1914, я заявил формально, что с полного согласия Первого морского лорда (принца Луи Баттенберга) Адмиралтейство гарантирует оборону Великобритании против вторжения или серьезного набега даже в том случае, если все

регулярные войска будут немедленно посланы во Францию для участия в надвигающейся генеральной битве. Поскольку дело шло о нашей согласии, вся армия могла покинуть Англию. И в течение шести недель все шесть дивизий были отправлены на материк.

Морское могущество, в сущности говоря, есть нечто удивительное. Переброска армии через море, при наличии у противника более сильного флота, является почти невероятным подвигом. Паровая машина в огромной степени увеличила значение флота в деле обороны Великобритании. В дни Наполеона тот самый ветер, который должен был гнать его плоскодонный флот от Булони через Ламанш к берегам Англии, отгонял бы от него наши суда, державшие блокаду. Но всё последующее развитие техники увеличило могущество флота до такой степени, что даёт возможность уничтожить более слабого противника, не допуская его до своих берегов. Современная военная техника настолько сложна, что переправа армии через море грозит ей гибелью, а шансы на успешную высадку становятся минимальными. Во время предыдущего кризиса в истории нашей страны (1914-18) мы обладали преимуществом в морских силах, которое было решающим. Неприятель оказался не в состоянии выиграть у нас морскую битву. Он не мог противостоять нашим крейсерам. В мелких судах у нас было огромное преимущество. Зато против нас была стихия — бури и в особенности туманы. Но даже и в худшем для нас случае, если бы противнику удалась высадка в одном или нескольких местах, то все же проблема его коммуникаций и питания захваченных им участков оставалась нерешенной. Таково было положение в Первую мировую войну.

Но теперь был еще и воздух. Какое влияние имело развитие авиации на проблему вторжения? Очевидно, что если бы неприятель мог господствовать в

ближайших водах, по обеим сторонам Па-де-Калэ, благодаря превосходству в воздухе, то потери наших флотилий были бы огромны и могли стать решающими. Никто не отважился бы — разве при крайних обстоятельствах — ввести линейные корабли в те воды, где хозяйничают германские бомбардировщики. Фактически у нас не было стоянок крупных кораблей южнее Форта и восточнее Плимута. Но, между портами Гарвич, Нор, Дувр, Портсмут и Портленд мы поддерживали неусыпное патрулирование легких военных судов, число которых все время возрастало. В сентябре их было уже свыше 800 и они могли быть уничтожены только воздушными силами неприятеля, и то лишь постепенно.

Но кто господствовал в воздухе? В битве за Францию наши летчики сражались против двойного и даже тройного большинства немцев и наносили им потери в такой же пропорции. У Дюнкерка, где наша авиация поддерживала непрерывное патрулирование, прикрывая эвакуацию нашей армии, ей пришлось с успехом сражаться в пропорции один против четырех или пяти. Над нашими собственными водами и побережьем наших графств наш маршал авиации Даудинг считал возможным сражаться одному против семи или восьми. В то время отношение силы германской авиации, взятой в целом, к нашей авиации, было, поскольку мы знали, — а у нас была хорошая информация — около трех к одному (помимо частных случаев особой концентрации). Хотя это был тяжелый гандикап для борьбы с храбрыми и энергичными германскими летчиками, но я все же оставался при убеждении, что над нашей страной и в нашем воздухе мы могли одолеть германскую авиацию. И если бы это оказалось правдой, то наши морские силы по-прежнему господствовали бы на морях и океанах, уничтожая всех врагов, которые стоят нам поперек дороги.

Здесь был, конечно, и третий возможный фактор. Успели ли немцы, с их пресловутой аккуратностью и предусмотрительностью, втайне приготовить целую армаду специальных десантных судов, которые не нуждаются ни в гаванях, ни в пристанях, но позволяют выгружать танки, пушки и моторный транспорт прямо на берег, и которые смогут потом снабжать высадившиеся войска всем необходимым? Как было уже упомянуто, подобные мысли приходили мне в голову задолго до того, еще в 1917, а теперь, в результате моих директив, они получили широкое развитие. Однако у нас не было никаких оснований предполагать, что нечто подобное уже существует в Германии (хотя всегда разумнее в своих расчетах допускать возможность худшего варианта). Мы затратили 4 года упорных усилий и опытов и огромное количество материалов, присланных нам Америкой, чтобы создать себе подобное оборудование в масштабе, достаточном для высадки в Нормандии. Для Германии в 1940 нужно было значительно меньше. Но у них было всего лишь несколько паромов Зибеля.

Таким образом высадка в Англии летом или осенью 1940 требовала от Германии превосходства в воздухе, местного превосходства в морских силах и громадного специального десантного флота. Но превосходство флота было у нас; мы завоевали господство в воздухе; и наконец, мы верили — как впоследствии выяснилось, правильно — что они не построили и не выдумали специального типа десантного судна. Таковы были мои основные положения, на которых я основывал со дня на день те инструкции и директивы, которые я привожу ниже.

**
*

18 июня я изложил перед Парламентом в общих контурах всю ситуацию:

«Наши морские силы никогда не считали возможным предотвратить вторжение неприятельского отряда силой от 5 до 10.000 солдат, привезенных и высаженных в различных пунктах побережья под покровом темной ночи или утреннего тумана. В современных условиях действенность морских сил может быть проявлена только при вторжении крупных неприятельских сил. Принимая во внимание нашу военную силу, высадка неприятеля должна быть крупного масштаба, чтобы чего-то достигнуть. В этом случае наши моряки смогут их нащупать и ликвидировать. Теперь вспомним, что даже всего пять дивизий, при самом легком вооружении, потребуют от 200 до 250 кораблей, и при современной воздушной разведке с фотографией будет не легко собрать такую армаду, выстроить ее и провести через море, без мощного военного эскорта; и по всей вероятности эта армада будет атакована гораздо раньше, чем она достигнет берега, и вся армия пойдет на дно или, в крайнем случае, будет истреблена со своим снаряжением при попытке выбраться на берег».

**
*

Уже в конце июня некоторые донесения указывали, что неприятель что-то затевает в Ламанше; и я немедленно запросил информацию.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 27 июня 40

Трудно поверить, чтобы можно было перебросить крупные силы войск в порты Ламанша незаметно для нас, или чтобы можно было так заминировать Ламанш, чтобы наши тральщики не могли прочистить путь нашим судам для атаки проходящего транспорта. Однако пусть наши начальники штабов обратят внимание на эти слухи.»

Во всяком случае, эту возможность вторжения через Ламанш — как бы неправдоподобна она ни была в данное время — нужно было тщательно исследовать. Я был не вполне удовлетворен военными распоряжениями. Армия должна была твердо знать предстоящую ей задачу и, самое главное, не разбрасывать свои части вдоль угрожаемых берегов и не истощать тем своих сил. Поэтому я написал:

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 28 июня 40

Записка премьер-министра — Комитету начштабов.

1. Просмотрите бумаги заместителей начштабов и бумаги начштабов.

2. Следует разбить побережье на секторы с надежной защитой и охранять все бухты, устья и гавани на восточном побережье. Южное побережье сейчас не так опасно. Серьезного вторжения можно ожидать только в гаванях с их набережными и т. под. Никто не может предсказать, в какой части восточного побережья произойдет высадка в случае, если наша морская оборона окажется не на высоте. Вернее всего это будет в нескольких пунктах. Как только это произойдет, все остальные войска на прочих участках побережья будут так же бесполезны, как это было на линии Мажино. Хотя сражение на побережье благоприятно для обороны, однако не следует пытаться оборонять все побережье. Нужен отбор оборонительных пунктов. Но, если время позволяет, то надо расширять и укреплять участки обороны.

3. Надо приложить все усилия к тому, чтобы оборона берега велась регулярными войсками, с офицерами, имеющими опыт последней войны. Безопасность страны зависит (однако) от наличия большого количества (пока только 9, скоро будет 15) групп «Леопардов», которые могут быть направлены быстро — в течение 4-х часов — в угрожаемое место. Высадка на берег — трудное дело, даже если враги и достигли берега; но питание пункта, подвергшегося атаке с суши, воды и воздуха, еще несравненно труднее. Поэтому все зависит от быстрых и решительных действий тех сил, которым удалось ускользнуть от нашего морского контроля и высадиться на берег. Но мы и с этим сможем справиться, если у нас будут в запасе полевые войска, готовые каждую минуту ринуться в угрожаемый пункт.

4. Если, к несчастью, порт будет захвачен неприятелем, то необходимы крупные части с артиллерией. Нужно иметь 4—5 хороших дивизий в общем резерве для ликвидации такого маловероятного события. Если предположить, что численность неприятельских сил, высадившихся с моря и закрепившихся в одном пункте, не будет превышать 10.000 человек, и что высадка удалась одновременно в трех местах, то мы получим общую цифру 30.000; высадка с воздуха не может превысить 15.000, спустившихся

одновременно в двух или трех пунктах. У неприятеля не будет сил, чтобы повторять такие десанты часто. Очень сомнительно, чтобы воздушные десанты производились ночью; днем же они будут легкой добычей нашей авиации.

5. С танками дело обстоит несколько иначе; места на берегу, подходящие для высадки танков, надо оборонять препятствиями и окопными пушками. Адмиралтейство должно указать размеры, тип и скорость примерной баржи или парома для перевозки танков, а также тип двигателя или буксира. Так как такие суда делают не свыше семи миль в час, то они могут быть в летнее время обнаружены тотчас после пуска их в ход (даже в тумане или дымке) нашими радарными станциями, которые дадут сигнал еще за несколько часов до того, как вражеские суда пристанут. Наши истребители с удовольствием займутся охотой за ними. Надо все время улучшать приспособления для остановки и блокировки танков и формировать противотанковые отряды. Наш танковый резерв должен встретить высадившиеся танки противника; его надо держать в таком месте, откуда он может быть доставлен быстро (рельсовым транспортом) на любой атакованный участок.

6. Парашютистов, 5-ю колонну и вражеских мотоциклистов, которые могут проникнуть или появиться переодетыми в неожиданных местах надо передавать Ополчению, усиленному специальными отрядами. Надо хорошенько подумать над тем, что неприятель может переодеться в британские мундиры.

7. В общем я согласен с планом Главкомандующего, но как можно больше полевых войск должно быть снято с побережья и собрано в бригады «Леопард» и в другие вспомогательные группы. Особое внимание должно быть уделено главному резерву. Наши воздушные силы изношены продолжительной войной в воздухе и разрухой в снабжении; и пока это длится, наши морские силы остаются решающим оружием в случае серьезного вторжения.

8. Вышеприведенные соображения действительны только для этих летних месяцев. К осени мы должны быть гораздо лучше вооружены и снабжены.»

В июле толки о высадке и беспокойство возрасли, как внутри Правительства, так и в широких кругах.

Несмотря на непрерывные разведки и на все достижения воздушной фотографии, мы не могли обнаружить признаков скопления морских транспортных средств ни на Балтийском море, ни в устьях Рейна и Шельды, и мы были уверены, что никаких передвижений судов или моторных барж в Ламанше также не происходит. И тем не менее приготовления к отражению высадки были главной заботой для нас всех — как для военных кругов, так и для командования Ополчением.

**
*

ВТОРЖЕНИЕ.

Записка премьер-министра.

«Премьер-министр — главнокомандующему войсками метрополии, начальнику Имперского Генерального Штаба и генералу Исмэю. 10 июля 40

1. Я крайне затрудняюсь представить себе картину вторжения на наше побережье войск, приплывающих на мелких судах и даже лодках. Я не знаю примера скопления большой массы таких мелких судов (разве что в прибрежных водах) и мне кажется, что доверить большую армию капризам моря на глазах у наших многочисленных и хорошо вооруженных патрульных сил — было бы безумием, граничащим с самоубийством.

Адмиралтейство располагает более, чем тысячью вооруженных дозорных судов, из которых 200 или 300 всегда в море; все они укомплектованы надежными, опытными моряками. Проскочить незамеченными невозможно; в широкой части Северного моря пришельцы явятся легкой добычей наших судов, так как часть пути придется делать днем. За этими дозорными судами стоят флотилии миноносцев-истребителей, из которых 40 истребителей расположены сейчас между Хомбером и Портсмутом, большей частью в прибрежных водах. Эти истребители крейсируют в море днем и ночью. Таким образом они имеют все шансы встретиться с неприятельскими судами ночью в море, а также могут достигнуть любого пункта высадки за 2—3 часа. Они могут немедленно разбить и потопить десантное

судно, прервать высадку, обстрелять высадившиеся войска, которые, хотя и легко вооруженные, будут вынуждены взять с собой на берег запас оружия и снаряжения. Наши миноносцы-истребители будут, однако, нуждаться в поддержке воздушных истребителей во время своих дневных рейдов. Это значительно расширит район их действия на побережье.

2. Вам следует ознакомиться с ответом Главнокомандующего Оборонным флотом на вопрос, обращенный к нему по желанию Кабинета, а именно: что произойдет, если неприятель будет прикрывать движение своей десантной армии своими линейными кораблями? Ответ был тот, что, поскольку нам известно, все их линейные корабли находятся сейчас в долговременном ремонте, кроме тех, что стоят в Трондхейме*), которые находятся под бдительным надзором наших далеко превосходящих сил. Если «Нельсон» и «Бархем» будут закончены ремонтом через несколько дней, то будет возможно составить два отряда британских линейных кораблей, каждый из которых будет достаточно силен; таким образом опасность северного прорыва будет устранена и в то же время удар на юге кораблями из Трондхейма мог бы быть быстро парирован. Кроме того, крейсера, стоящие на Темзе и Хомбере, сами по себе достаточно сильны, со своими флотилиями, чтобы остановить с успехом любые легкие крейсера, которыми неприятель мог бы прикрыть свою десантную операцию. Я думаю поэтому, что неприятелю будет очень трудно высадить крупные, хорошо вооруженные войсковые соединения на восточном берегу Англии, будь то в виде целых частей или разрозненных групп, разбросанных по берегу там, где они высаживались. С еще большими трудностями встретятся попытки крупных кораблей прорвать оборону севернее. Можно еще добавить, что сейчас нет никаких признаков скопления кораблей или мелких судов, способных вызвать беспокойство, разве что за исключением Балтийских портов. Частые воздушные разведки и неусыпная сторожевая служба подводных лодок обеспечат нам своевременное предупреждение, а наши минные поля являются дополнительной гарантией.

3. Еще менее вероятно, что атака будет произведена на южном берегу Англии. Мы знаем, что во французских

*) В действительности «Шарнхорст» и «Гнейзенау», стоявшие в Трондхейме, оба были торпедированы и небоеспособны.

портах нет скопления больших судов, и что число мелких судов там тоже невелико. Барраж*) в Дувре укрепляется и удлиняется в направлении к французскому берегу. Эта мера имеет огромное значение и Адмиралтейство намерено продолжать ее неуклонно. Там считают, что никакое крупное судно — торговое, военное или транспорт — не может проскочить через Па-де-Калэ. Поэтому я думаю, что сейчас южный берег Англии не подвергается серьезной опасности. Конечно, из Бреста мог быть предпринят небольшой рейд в Ирландию; но он тоже представлял бы собой немалые опасности на море.

4. Главную опасность представляют собою голландские и германские порты, и она грозит главным образом побережью между Дувром и заливом Уош. По мере того, как ночи будут удлиняться, опасная зона будет распространяться к северу, но зато тогда погода станет неблагоприятной и переправа на рыбацких судах более опасной. Кроме того, благодаря низким облакам вся акция может лишиться воздушной поддержки в самый критический момент.

5. На основании вышеизложенных соображений — которые должны быть проверены Адмиралтейством — я надеюсь, что вы сможете все в большей мере отводить введенные вам дивизии с берега вглубь страны, в резерв, для тренировки в контратаках и приемах наступательной войны. Что касается побережья, то, поскольку оно все более укрепляется, охрана его постепенно будет передаваться иным войсковым частям, помимо уже сформированных дивизий, а также Ополчению. Я уверен, что вы в принципе будете согласны с этим решением и остается лишь вопрос о темпах этой замены. Здесь я также надеюсь на ваше согласие с тем, что в этом деле надо крайне спешить.

6. В этой записке не затронут вопрос о воздушной атаке; она не меняет выведенных заключений.»

**
*

Надо заметить, что мои советники и я считали, что в июне и в августе атака на восточный берег была более вероятна, чем на южный. В действительности

*) Мол, волнорез, шлюз.

сти, в течение этих двух месяцев не было вообще никаких шансов на атаку. Как будет описано далее, немцы предполагали переплыть Ламанш на средних судах — от 4000 до 5000 тонн — и на мелких; и мы знаем теперь, что они никогда и не мечтали о том, чтобы двинуть армию из портов Балтийского или Северного моря на крупных транспортных судах; и еще менее они думали о вторжении из портов Бискайского залива. Это не значит, что, избрав своей целью южный берег, они мыслили правильно, а мы ошибались. Удар на восточный берег был бы гораздо страшнее, если бы немцы имели средства предпринять его. Никакая высадка на южном берегу не была возможна, пока необходимые для нее суда не прорвались бы через Падде-Калэ и не собрались бы во французских портах в Ламанше. На это в течение июля не было и намека.

И тем не менее, мы должны были приготовиться ко всем вариантам и в то же время не допустить распыления нашей живой силы и держать наготове резервы. Эта сложная проблема все время зависела от последних известий и событий, и так шла неделя за неделей. Береговая линия Англии, изрезанная бесчисленными заливами, насчитывает свыше 2000 миль длины, не считая Ирландии. Единственная система обороны такого фронта, который мог подвергнуться в любом месте одновременной атаке, или ряду последовательных, состояла в следующем: создать вдоль берегов и границ линии наблюдения и сопротивления с целью задержать там неприятеля, а тем временем собрать возможно большие резервы из хорошо вытренированных подвижных отрядов, расположенных таким образом, чтобы быть в состоянии достигнуть любого атакованного пункта в кратчайшее время и перейти немедленно в контратаку. Когда, в последней фазе войны, Гитлер оказался в окружении и столкнулся с подобными же проблемами, он сделал, как мы увидим, величайшую ошибку: он создал паутину комму-

никаций, но он забыл о пауке. Имея перед собой свежий пример ошибочной французской диспозиции, которая привела Францию к такой роковой участи, мы не позабыли о маневренном «кулаке»; и я упорно проводил эту идею до крайнего предела, какой только позволяли наши растущие возможности.

Взгляды, изложенные в моей записке от 10 июля, в общем совпадали с мнением Адмиралтейства и два дня спустя адмирал Паунд послал мне пространный и продуманный «документ», который он с Морским Штабом составил на эту тему. Естественно и логично, что опасности, стоявшие перед нами, были формулированы весьма энергично.

Но в своем заключении адмирал Паунд говорит:

«Представляется вероятным, что около ста тысяч солдат могут достигнуть наших берегов, избегнув встречи с нашими морскими силами... но поддержание их снабжения — если только германская авиация не сможет преодолеть как нашу авиацию, так и наши морские силы — кажется мне практически невозможным... Если неприятель предпримет такую операцию, то лишь с расчетом на быстрый марш к Лондону, на пропитание за счет Англии и на быструю капитуляцию Правительства.»

Первый морской лорд распределил общую цифру в 100.000 человек по портам отправки и по намеченным местам высадки следующим образом:

Южный берег	—	из портов Бискайского залива	20.000
”	”	”	”
”	”	”	”
Восточный	”	”	”
”	”	”	”
Шетландские о-ва, Исландия и Шотландия	”	”	”
		Норвегии	10.000
			<hr/>
			97.000

Я был согласен с этим расчетом. Так как неприятель не мог привезти с собой тяжелого вооружения, и так как снабжение захваченных позиций было бы

быстро прекращено, то оккупационная германская армия уже в июле сравнилась бы в силе с нашей быстро растущей армией. Я переслал оба документа в штабы и командованию Ополчением.

«Записка премьер-министра 15 июля 40

К сведению начальников штабов и Ополчения. Меморандум первого морского лорда может быть взят за основу в нашей работе и, хотя я лично верю, что Адмиралтейство на деле окажется лучше, чем на словах, и что потери вторгшихся войск при их переезде приведут к ослаблению их атак, все же подготовка сухопутных сил должна быть такова, чтобы обеспечить успех на 200%. В действительности, для сухопутных войск цифра бойцов может быть удвоена, то есть доведена до 200.000, распределенных как указано Первым морским лордом. Армия метрополии уже достаточно сильна, чтобы выдержать такую борьбу с агрессорами, и ее сила быстро растет.

Я просил бы пересмотреть наши планы сопротивления вторжению на основе этого расчета и известить Кабинет о сделанных изменениях. Надо учитывать, что, хотя наиболее яростные атаки будут по всей вероятности на севере, однако верховное значение Лондона и небольшая ширина моря в этом районе заставляют нас именно здесь, на юге, принять наибольшие меры предосторожности.

Этот принцип получил всеобщее признание и в течение следующих недель мы держались его твердо. Относительно действий нашего большого флота в прибрежных водах были даны точные указания, с которыми я был вполне согласен. 20 июля, после тщательного обсуждения вопроса с Главнокомандующим флотом адмиралом Форбсом, Адмиралтейство приняло следующее решение:

«1. Адмиралтейство не предполагает посылать наши линейные корабли с целью помешать неприятельской высадке на нашем берегу, если не будет получено сведений об участии неприятельских линейных кораблей.

2. Если же неприятельские линейные корабли будут поддерживать экспедицию и пойдут на риск приближения к нашим берегам в южной части Северного моря, тогда

главные силы наших линейных кораблей двинутся к югу против них, тоже подвергая себя риску».

С целью достигнуть более определенных заключений относительно возможных форм и размеров нашествия на наши берега и таким путем избежать неправильного распределения наших сил, я послал в начале августа начальникам штабов следующую записку:

«ОБОРОНА ПРОТИВ ВТОРЖЕНИЯ.

Записка премьер-министра и министра обороны.

5 августа 40

Учитывая громадную ценность энергии во время войны и невыгоды попыток защищать всё побережье Великобритании, а также опасность быть вынужденными к пассивной обороне, я предлагаю Вашему вниманию следующие соображения:

1. Нашей первой линией обороны против нашествия должна быть, как всегда, линия неприятельских портов. Воздушная разведка, сторожевые подводные лодки и другие способы получения информации должны завершаться решительными атаками — всеми нашими наличными и подходящими средствами — против каждого скопления неприятельского флота.

2. Наша вторая линия обороны — это бдительное патрулирование в море с целью перехватить каждую неприятельскую экспедицию и уничтожить ее еще в пути.

3. Наша третья линия обороны — это встречное нападение на неприятеля в то время, когда он приближается к нашему берегу, в частности, в момент его высадки на берег. Эта контратака, задолго подготовленная морскими силами, должна быть подкреплена воздушной атакой; и эти атаки с моря и с воздуха должны повторяться до тех пор, пока неприятельский флот не сможет питать и поддерживать своих людей на берегу.

4. Наши береговая оборона и Ополчение существуют в конечном счете для того, чтобы заставить неприятеля появиться в таком большом количестве, которое не может укрыться от нашего морского наблюдения, и чтобы его приготовления и передвижения были заметны воздушной и прочим видам разведки.

5. Если, тем не менее, неприятелю удастся высадиться в различных пунктах, то нужно причинять ему как можно больше потерь местным сопротивлением на берегу, комбинируя его с уже упомянутыми атаками с моря и с воздуха. Это заставит его израсходовать свои боеприпасы и приковывает его к ограниченной территории. Оборона части побережья должна измеряться не силами, находящимися на берегу, а количеством часов, в течение которых силы местной обороны смогут вести контратаки на пришельцев. Такие атаки надо вести с крайней стремительностью и яростью, выбирая моменты слабости противника; большей частью это не момент высадки из судов на берег, но позднее, когда агрессоры начинают разбредаться по берегу, когда пути сообщения им отрезаны, а запасы их истощаются. Надо суметь стянуть к месту высадки 10.000 наших войск с полным вооружением в течение 6 часов и 20.000 в течение 12 часов. Распоряжение резервами, вплоть до того момента, когда выяснится серьезность атаки, есть почетная задача для командования Ополчением.

6. Надо признать, что воздушному и морскому флоту значительно труднее предупредить вторжение неприятеля на восточном берегу Англии, в районе между заливом Уошем и Дувром. Этот участок прибрежного фронта является также ближайшим к главной цели — Лондону. Участок от Дувра до Лендс-Энд*) гораздо менее опасен, так как наш морской и воздушный флот должны следить за тем, чтобы корабли, в особенности военные, не проходили без контроля во французские порты в Ламанше. В настоящее время Адмиралтейство считает, что в случае вторжения на этом широком фронте неприятельские силы не превысят 5000 человек**). Удваивая это число для большей верности, можно было бы создать кулак для быстрой контратаки превосходящими силами и в то же время достигнуть большей экономии в силах на этом южном участке, где войска на охране побережья были бы минимальны, а подвижные резервы — максимальны. Эти подвижные резервы должны быть всегда готовы по вызову немедленно двинуться в юго-восточный сектор.

*) Крайняя юго-западная точка Англии (Корнуол).

***) Здесь я не упоминаю о 20.000, которые могут прибыть из далеких Бискайских портов; но, как мы увидим, предлагаемая мною диспозиция наших сил учитывала эту потенциальную, но, как мы знаем, нереальную угрозу.

Повидимому эта ситуация может меняться с недели на неделю.

7. Переходя к западному берегу Англии, мы находим иные условия и иные требования. Неприятель должен будет совершить сюда далекий путь морем и у нас будет достаточно времени, чтобы обнаружить его приближение и атаковать его нашими крейсерами и мелкими судами. Распоряжения Адмиралтейства будут сообразны обстоятельствам. Неприятель в настоящее время не имеет военных судов для эскорта. Рискнули ли бы мы, например, послать 12000 солдат на коммерческих судах без охраны, для высадки их на берегах Норвегии, или в Скаггерраке и Категате, если мы знаем, что неприятель имеет превосходство на море и в воздухе? Это было бы просто безумием!

8. И однако, для тройной гарантии, Адмиралтейство должно бы было предпринять заминирование моря от Корнуола до Ирландии для охраны Бристольского канала и Ирландского моря от атак с юга. Это минное поле тем более необходимо нам сейчас, что, избрав северный путь для торговых судов, мы увели большую часть наших патрульных судов из югозападных вод, которые становятся все более пустынными и неохраняемыми.

9. Установка этих минных полей упростит и облегчит проблему местной обороны к северу от Корнуола. Надо считать этот участок от Корнуола до Мол-ов-Кинтайр за наименее уязвимый для морского набега. Здесь оборонные меры могут ограничиться охраной главных гаваней при помощи нескольких орудий или минных аппаратов и хоть какой-нибудь защиты их с тыла. Нет необходимости тратить наши ограниченные средства на этот сектор.

10. К северу от Мол-ов-Кинтайр и до Скапа-Флоу, Шетландских и Фарерских островов весь район лежит в сфере действия нашего главного флота. Приход сюда германского флота от берегов Норвегии был бы крайне рискованным предприятием, а его прибытие куда-нибудь вроде Кромарти Фёрт не дало бы немедленно решающих результатов. Неприятель, который сейчас сжат, там был бы потерян в простанстве. Ему пришлось бы продвигаться вперед в трудных условиях, в редко населенной стране. Он был бы сдерживаем до прихода подкреплений и отрезан от моря. Его положение становилось бы с каждым днем все труднее; расстояния увеличиваются и требуют колесного транспорта. Он не сможет укрепить все пункты своей высадки, стремление это сделать было бы пустой тратой

энергии. Контратака здесь потребует гораздо больше времени для подготовки, чем на юго-востоке, у Лондона.

11. От Кромарти-Фёрт к Уошу лежит второй по важности участок. Здесь однако все гавани и бухты защищены, как с моря, так и с тыла, и могут быть в течение 24 часов приготовлены к успешной контратаке. Тайн*) должна считаться вторым главным объектом (после Лондона), ибо здесь (и в меньшей мере на Тиис) пришельцы могут причинить очень серьезные повреждения в короткое время. С другой стороны здесь условия на море и в воздухе более благоприятны для нас, чем на юге.

12. Наши Соединенные штабы должны стараться правильно оценить относительную уязвимость и обороноспособность каждого из этих участков и определить как численность войск, необходимых для местной обороны берега и гаваней, так и время, необходимое для подготовки мощных контратак. Как образец такой таблицы соотношения сил, нужных для захвата или обороны участка, я предлагаю для обсуждения следующий пример:**)

от Кромарти Фёрт до Уоша включительно	3
„ Уоша до Дуврского мыса	5
„ Дуврского мыса до Лендс Энд и вокруг него до минных полей	1½
„ минных полей до Мол-ов-Кинтайр	1¼
„ Мол-ов-Кинтайр к северу до Кромарти Фёрт	½»

Комитет начальников штабов, после повторной ревизии всех сведений, ответил на это обращение нижеследующим докладом полковника Холлис, который исполнял обязанности их секретаря.

«ОБОРОНА ПРОТИВ ВТОРЖЕНИЯ.

Премьер — министру.

13 августа 40

1. Начальники штабов совместно с главнокомандующим войсками метрополии рассмотрели вашу записку от 5

*) Река у границ Шотландии.

***) Эти цифры, разумеется, выражают пропорции, а не число дивизий.

августа и выражают свое полное согласие с принципами, сформулированными в параграфах 1-5.

2. Главнокомандующий заверяет нас, что крайняя важность наших немедленных контратаков в случае, если неприятелю удастся временно закрепиться на нашей территории, внушена всем чинам армии и что по его приказанию все дивизии, как только они будут надлежаще обучены и экипированы для наступательных операций, отводятся в специальный резерв.

3. Начальники штабов также соглашаются с вашей шкалой уязвимости для нападений с моря различных прибрежных участков. Действительно это замечательно, как расценка Ополчения в точности отвечает вашим цифрам в параграфе 12.

4. Ваша теоретическая шкала обороны даёт:

Кромарти Фёрт — Уош	3
Уош — Дувр	5
Дувр — Север. Корнуол	1½
Сев. Корнуол — Мол-ов-Кинтайр	¼
Мол-ов-Кинтайр — Кромарти-Фёрт	½
Итого	10¼

5. Общая сила в 10 дивизий, распределенная в этой пропорции, даёт 3 дивизии на сектор Фёрт-Уош, 5 дивизий на сектор Уош-Дувр и т.д. Фактически мы имеем 26 дивизий на нашем острове и если ваши цифры мы помножим на 2,6 и сравним с действительным распределением этих 26 дивизий, то мы получим следующую картину:

Участок. (сектор)	Распределение дивизий	
	По оценке премьер-министра	Фактическое
Кромарти-Уош	7½	8½
Уош-Дувр	12½	7-10
Дувр — Сев. Корнуол	4½	5-8
С. Корнуол — Мол-ов-Кинтайр ½		2
Мол-ов-Кинтайр — Кромарти 1¼		½

6. Сходство между двумя столбцами фактически еще больше, чем кажется на первый взгляд, так как резервные дивизии, расположенные непосредственно к северу и северо-западу от Лондона, могут быть использованы как в секторе Уош-Дувр, так и в секторе Дувр-Портсмут; таким образом число «наличных» дивизий в этих двух секторах

— переменное. Оба участка вместе дают 15 дивизий против указанных вами 16 $\frac{3}{4}$.

7. Начальники Штабов отмечают, что ваши цифры основаны на шкале атак с моря, тогда как фактическое распределение учитывает также и авиацию. Таким образом, хотя может показаться, что южный берег слегка чересчур обеспечен, но причина этому в том, что наша оборона может попасть под «зонтик» вражеских истребителей или подвергнуться неожиданному нападению из-за Ламанша.»

**
*

Эти документы еще не были закончены печатанием, когда ситуация начала меняться самым решительным образом. Наша превосходная разведка сообщила, что Гитлер окончательно утвердил операцию «Морской лев», и что теперь уже шла деятельная подготовка к ней. Казалось очевидным, что Гитлер решил, наконец, сделать попытку. Далее: объектом нападения был намечен не восточный берег, или не только он, которому штабы, Адмиралтейство и я, в полном согласии, придавали наибольшее значение.

Но вслед за тем произошла быстрая перемена. Большое количество самоходных барж и моторных лодок начало проходить по ночам через Па-де-Калэ, пробираясь вдоль французского берега и постепенно собираясь во французских портах Ламанша от Калэ до Бреста. Наши ежедневные фотографии показывали это движение совершенно ясно. Было признано невозможным передвинуть наши минные поля ближе к французскому берегу. Мы немедленно начали атаковать проходящие баржи нашими мелкими судами, а эскадрильи бомбардировщиков сосредоточили свою деятельность на новом ряде портов, где готовилось вторжение. В то же самое время появилась обширная информация о скоплении германских армий вдоль французского побережья, об усиленном железнодорожном передвижении и о сосредоточении крупных сил вдоль Па-де-Калэ и в Нормандии. Далее,

близ Булони были обнаружены два горных дивизиона на мулах, очевидно предназначенные для Фолькстонских утесов. Одновременно большое число мощных дальнебойных батарей было установлено вдоль берега Ламанша.

В ответ на эти новые угрозы мы начали переминаясь с ноги на ногу и улучшать наши средства сообщения для переброски наших подвижных резервов на южный фронт. В конце первой недели августа генерал Брук, ныне Главнокомандующий войсками метрополии указал на то, что угроза вторжения направлена одновременно и на южный наш берег, и на восточный. Все это время наши вооруженные силы росли в численности, повышая свою активность и подвижность и улучшая свое снаряжение.

**
*

Разница между нашей августовской диспозицией и сентябрьской была следующая:

Сектор	Август	Сентябрь
Уош-Темза	7 дивизий	4 дивизии + 1 танковая бригада
Южный берег	5 „	9 „ + 2 „ „
Резерв (общий)	3 „	{ 3 „ + 2 „ дивизии 1 „ (Лондонская)
Всего на южном берегу	8 „	13 „ + 3 танк. дивизии

Таким образом во второй половине сентября мы могли ввести в дело на южно-бережном фронте, включая Дувр, 16 первоклассных дивизий, из них 3 танковых. Все это — помимо местной береговой обороны; и все могло быть пущено в ход немедленно и в любом месте фронта. Это был наш кулак, вернее серия кулаков, которые генерал Брук мог пустить в ход в нужную минуту; и никто иной, кроме него.



Все это время мы не могли быть уверены в том, что фиорды и устья рек от Калэ до Тершелинга и Гельгоlanda, со всем этим множеством островов у берегов Голландии и Германии, не кишат нашими врагами, укрывшимися там с целым флотом мелких и средних судов. Над нами, казалось, нависла угроза внезапного захвата Гарвича, а из него, как из центра, посыпались бы удары кругом — на Портсмут, Портланд, даже Плимут, с центральным направлением на Кентский мыс. Мы должны были ожидать третью волну вторжения, на этот раз в виде крупных кораблей, пришедших из Балтийского моря через пролив Скаггерак. Это было вполне естественно, так как только таким образом тяжелое оружие могло быть доставлено германским армиям, высадившимся в Англии, и устроены «пловучие склады», которые должны были стоять около восточных берегов Англии.

Для нас начался период крайнего напряжения и бдительности. Нам нужно было, конечно, все время держать крупные силы к северу от Уош, вплоть до Кромарти; и диспозиция была изменена в том смысле, что отсюда должны были быть взяты подкрепления в случае, если решительный удар последует на юге. Наша сложная и богатая железнодорожная система и наше неизменное господство в воздухе давали нам возможность быстро перебросить 4 или 5 дивизий на юг в тот момент, когда атака неприятеля достигнет максимума.

Мы тщательно учили фазы луны и высоту приливов. Мы думали, что неприятель переправится через Ламанш ночью и будет высаживаться на заре. И теперь мы знаем, что германское командование именно так и предполагало. Они бы хотели переправляться при лунном полусвете, чтобы соблюсти порядок и не сбиться с пути. Учтя все условия, Адмиралтейство при-

шло к заключению, что наиболее благоприятным для неприятеля является время между 15 и 30 сентября. Здесь наши выводы опять совпадают с решением наших врагов. Мы не сомневались в том, что нам удастся уничтожить все, что выйдет на берег между Дувром и Портсмутом и даже до Портланда. Так как все наши мысли сливались в полном и гармоничном единстве, то мы все ждали с нетерпением развертывания грядущих событий. Здесь был шанс нанести удар могучему противнику, который почувствует весь мир. Трудно было не поддаться всеобщему подъему, предвкушению разбитых надежд Гитлера. Многие ждали этого момента с радостью, уверенные в неизбежном разгроме его экспедиции и в решающем влиянии этого разгрома на весь ход войны.

В июле и в августе мы утвердили свое господство в воздухе над Великобританией, особенно в юго-восточной части ее. Канадский армейский корпус был размещен между Лондоном и Дувром. Штыки канадцев были остры, их дух был бодр. Они были бы горды и счастливы нанести сокрушающий удар врагам Британии и свободы. Все мы разделяли эти чувства. Сложная, запутанная система укреплений, опорных пунктов, противотанковых препятствий, блокгаузов, бункеров и тому подобного — покрывала всю территорию. Морское побережье оцетинилось колючей проволокой и батареями. А на море новые флотилии росли в количестве и в качестве, благодаря новым конструкциям. В Плимут были приведены линейный корабль «Ривендж», старый броненосец — теперь учебное судно — «Центурион» и один крейсер. Наш флот был в расцвете своих сил и мог оперировать почти без риска до Хомбера и даже до Уоша. Таким образом, мы были во всех отношениях готовы.

Наконец, уже не далеко было до равноденственных бурь, обычных в октябре. Очевидно Гитлер должен

был нанести удар в сентябре, если он вообще осмелится, а приливы и фазы луны были ему благоприятны в середине этого месяца.

**

Когда паника, вызванная ожиданием вторжения, улеглась, в Парламенте были разговоры о «пугале вторжения». Те, кто были лучше информированы, избегали паники. Помимо господства в воздухе и на море, у нас была армия, свежая, бодрая и не уступавшая в численности (хотя уступавшая в снаряжении) той, которую немцы собрали в Нормандии в 1944, чтобы помешать нам вернуться на континент Европы. В 1944 мы в течение первого месяца высадили миллион солдат, при помощи великолепно налаженного аппарата и при самых благоприятных условиях и однако битва была долгой и упорной, и около трех месяцев потребовалось для того, чтобы расширить захваченную вначале территорию и вырваться на открытое поле. Но тут ставкой были ценности, которые были испробованы и познаны только позднее.

**

Теперь нам нужно перенестись в другой лагерь и рассказать о приготовлениях неприятеля и его планах, поскольку мы теперь их знаем.

15.

ОПЕРАЦИЯ «МОРСКОЙ ЛЕВ».

Как мы узнали из захваченных немецких архивов, германское Адмиралтейство начало изучать проблему вторжения в Англию уже вскоре после начала войны (3 сентября 1939). В отличие от нас, немцы не сомневались в том, что был только один путь в Англию — через узкую часть Ламанша, Па-де-Калэ. Они никогда не рассматривали другой альтернативы. Если бы мы это знали, это было бы для нас огромным облегчением. Вторжение через Ламанш вело на наш наиболее защищенный берег, наш старинный фронт против Франции, где все порты были укреплены, где находились главные базы нашего флота, а в последнее время был построен целый ряд аэродромов и аэроконтрольных станций для обороны Лондона. Это была часть страны, где мы быстрее всего могли пустить в ход все наши силы — наземные, морские и воздушные. Адмирал Рэдер беспокоился, как бы ему не остаться не у дел в случае, если перед германским флотом встанет проблема вторжения в Англию. И в то же время он ставил целый ряд условий. Первым из них был полный контроль над побережьем Франции, Бельгии и Голландии, над гаванями и устьями рек. Поэтому проект этот был оставлен во время «тихой войны». (1939 — май 1940).

И вдруг все эти условия чудесным образом исполнились; и на другой же день после эвакуации Дюнкерка и капитуляции Франции Рэдер с удовлетворением —

к которому могло примешиваться некоторое смутное предчувствие — явился к Фюреру с готовым планом. Он говорил с Фюрером на эту тему снова 21 мая и 20 июня — не с тем, чтобы предложить вторжение, но с тем, чтобы обеспечить выполнение своего плана в точности, если приказ о вторжении будет отдан. Гитлер отнесся к этому скептически и сказал, что он «вполне учитывает исключительные трудности такого предприятия». Он также питал надежду, что Англия будет искать мира. Верховное командование вернулось к этой идее только в конце июня 1940 и только 2 июля была дана первая директива о составлении плана вторжения в Англию «на всякий случай». «Фюрер решил, что при известных условиях — самым важным из которых является достижение господства в воздухе — высадка в Англии возможна». 16 июля Гитлер издал директиву: «Так как Англия, вопреки ее безнадежному военному положению, не выказывает желания придти к соглашению, то я решил готовиться к высадке в Англии и, если это будет необходимо, осуществить ее... Приготовления к этой операции должны быть закончены в середине августа». Решительные меры во всех направлениях были уже приняты.

**

*

План германского морского ведомства, о котором я получил первые сведения в июне, был по существу механическим. Под прикрытием огня сверхтяжелых батарей, установленных на Сером Мысу и направленных на Дувр, и сильного артиллерийского прикрытия на французском берегу Па-де-Калэ было предположено образовать «коридор» через Ламанш в самом узком его месте, оградить его с каждой стороны минными полями и обеспечить надежной защитой подводных лодок. По этому коридору армия должна была быть перевезена на паромов в несколько последовательных

рейсов. На этом морское ведомство остановилось и предоставило дальнейшую разработку проблемы командованию Армии.

Учитывая, что мы могли благодаря превосходству нашего флота разорвать эти минные поля в клочки нашими мелкими судами под прикрытием воздушного флота, а также уничтожить сотню другую подводных лодок, собранных сюда для охраны минных заграждений, надо признать, что для начала это было слабо. Тем не менее, после падения Франции каждому было ясно, что единственный способ избежать длительной войны и всех ее последствий был — поставить Великобританию на колени. Германский флот, как мы уже отметили, очень сильно пострадал в битве за Норвегию; и в своем инвалидном состоянии он мог оказать лишь незначительную поддержку армии. Но у моряков все же был свой план, хотя нельзя сказать, чтобы им с ним повезло.

Верховное командование германской армии сначала смотрело на вторжение в Англию очень скептически. Оно не имело своего плана и не готовило его; и сама армия не готовилась к экспедиции. Но по мере того, как неделя за неделей приносили чудесные, головокружительные победы, Oberkommando осмелело. Ведь ответственность за удачную переправу лежала официально не на нем, а раз ступив ногой на берег, оно чувствовало себя уже уверенно. Однако, уже в августе адмирал Рэдер счёл своим долгом обратить внимание Вермахта на опасность перехода через Ламанш, при котором вся экспедиционная армия может погибнуть. Поскольку ответственность за доставку армии морем окончательно ложилась на моряков, германское Адмиралтейство стало смотреть на дело определенно пессимистически.

21 июля главнокомандующие армии, морского и воздушного флота имели совещание с Фюрером. Он заявил им, что война уже вступила в решающую стадию, но что Англия еще не желает признать этого и

все еще надеется на поворот фортуны. Он говорил о том, что США поддерживают Англию и о возможной перемене отношений между Германией и Советской Россией. Наконец, он заявил, что выполнение операции «Морской лев» является наиболее радикальным средством для быстрого окончания войны. После долгих разговоров с адмиралом Рэдером Гитлер начал понимать — что представляет собою переправа через Ламанш с его приливами и течениями и со всеми тайнами моря. Он определил операцию «Морской лев», как «исключительно смелое и дерзкое предприятие».

«Даже если путь и не долог, то это вовсе не то, что переплыть реку, это путь через море, где господствует наш противник. Здесь недостаточно переправиться через море один раз, как было в Норвегии; здесь нельзя ожидать легкого успеха: п е р е д н а м и к р а й н е р е ш и т е л ь н ы й п р о т и в н и к, хорошо подготовленный к обороне и господствующий на море. Для операций на суше нужно 40 дивизий. Снабжение и питание такой армии для нас представляет наибольшие трудности. В Англии мы не можем рассчитывать на местное снабжение.» Необходимые предпосылки предприятия: полное господство в воздухе, мощная артиллерия в Па-де-Калэ и минные поля, как средство обороны. «Время года, — продолжал Гитлер, — является важным фактором, так как в Северном море и в Ламанше вторая половина сентября крайне неблагоприятны для операции, а в середине октября начинаются туманы. Поэтому главная часть операции должна быть закончена к 15 сентября, т. к. после этого срока сотрудничество между авиацией и танками становится слишком ненадежным. А так как роль авиации является решающей, то она должна быть главным фактором в установлении срока».

В штабах Гитлера возник ожесточенный спор по поводу широты фронта и числа объектов нападения. Армия требовала ряда высадок на всем протяжении

южного берега Англии от Дувра до Лайм-Реджис, к западу от Портланда. Она требовала также вспомогательной высадки к северу от Дувра, в Рэмсгейт. Морской штаб, с другой стороны, утверждал, что самое подходящее место, чтобы форсировать Ламанш — это западный конец острова Уайт. На основании этого Штаб Армии разработал план высадки 100.000-ной армии, а вслед за тем почти немедленно еще 160.000 в разных пунктах, начиная от Дувра и к западу, до Лайм-бэй. Генерал-полковник Гальдер, начальник штаба армии, заявил, что необходимо высадить еще по крайней мере 4 дивизии в районе Брайтона. Он также требовал высадки в районе Диил-Рэмсгейт; по крайней мере 13 дивизий должно было быть развернуто, по возможности одновременно, в разных пунктах вдоль всего фронта. В дополнение, штаб авиации требовал судовой тоннаж для отправки с первым же транспортом 52-х зенитных батарей.

Начальник морского штаба однако разъяснил, что такая огромная и быстрая переброска абсолютно невозможна. Он физически не мог эскортировать десантный флот на всем этом гигантском протяжении. По его мнению, среди всех этих заявок и требований первое место должно быть предоставлено армии. Морской флот при всех своих силах, даже при условии превосходства в воздухе, может провести одновременно только один караван, причем он считает самое узкое место пролива — у Дувра — за самое легкое. Чтобы провезти все 160.000 человек второй партии со всем их снаряжением за один раз, нужен флот общим водоизмещением в 2 миллиона тонн. Даже если бы такое фантастическое требование и было выполнено, то нельзя было бы найти место для погрузки такого флота. Только первые эшелоны будут отправлены для образования предмостных укреплений и по крайней мере два дня нужны для подготовки вторых эшелонов тех же дивизий, не говоря уже о второй партии

в 6 дивизий, которые тоже считаются необходимыми. Далее он указал, что высадка на широком фронте означала бы разницу во времени прилива от 3-х до 5½ часов для некоторых намеченных мест высадки. Следовательно: либо надо примириться с неблагоприятными условиями высадки в смысле прилива, либо отказаться от одновременности высадки. На это возражение было очень трудно ответить что-либо. Много драгоценного времени было затрачено на этот обмен мнений. Только 7 августа состоялось первое обсуждение между генералом Гальдером и начальником морского штаба. На этом совещании Гальдер сказал: «Я категорически отвергаю предложение Флота. Оно для армии равносильно самоубийству. Это все равно, что пропустить десантные войска через мясорубку». Начальник морского штаба присовокупил к этому, что он равным образом отвергает проект высадки на широком фронте, так как он приведет к гибели войск при прохождении пролива. В конце концов компромиссное решение было дано Гитлером, который не удовлетворил ни армию, ни флот. Директива Верховного Командования, изданная 27 августа, гласила: «операции армии должны определяться наличием тоннажа транспортных судов и безопасностью переправы через Ламанш и высадки на неприятельский берег». Все места возможной высадки в районе Диил-Рэмсгейт были отставлены, а фронт был растянут от Фолкстона до Богнора. Так обстояло дело в конце августа, еще до упомянутого соглашения; и конечно, все зависело от исхода воздушной битвы, которая должна была теперь начаться.

На основе избранного фронта был, наконец, установлен окончательный план. Военное командование было вверено Рундшtedту, но недостаток тоннажа заставил сократить его силы до 13 дивизий, с 12 дивизиями в резерве. 16 армия, погрузившись на корабли в портах между Роттердамом и Булонью, должна была

высадиться около Хайта, Рай, Хэйстинза и Истбёрна; 9-я армия, выйдя из портов между Булонью и Гавром, высаживалась между Брайтоном и Уортингом. Дувр должен был быть взят с суши; затем обе армии двигались вперед до линии Кентербери-Эшфорд-Мэйфильд-Арондел. Всего в первой волне должно было высадиться 11 дивизий. Спустя неделю рассчитывали (оптимистически!) двинуться еще дальше — до Грейвенсенда, Райгейта, Питерсфильда, Портсмута. В резерве оставалась 6-я армия, которая должна была закрепить занятую территорию или, если обстоятельства позволят, продолжить фронт до Веймута. Было бы нетрудно усилить эти три армии, поскольку предместные укрепления уже были заняты, «ибо, — сказал генерал Гальдер, — на континенте Европы нет военных сил, угрожающих германской армии». Действительно у немцев было достаточно хорошо вооруженных армий и много воинского пыла, но им не хватало тоннажа и эскорта на море.

На долю морского штаба выпадала наиболее тяжелая задача — начало. У Германии было около 1.200.000 морского тоннажа — вполне достаточно для нужд экспедиции. Перевозка оккупационных армий требовала более половины этого количества и вызывала серьезные экономические затруднения. В начале сентября морской штаб доносил, что было реквизировано:

168 транспортов (700.000 тонн)
 1910 барж
 419 буксиров и тральщиков
 1600 моторных лодок.

Теперь нужно было всю эту Армаду укомплектовать людьми и привести в сборные порты по морю и по каналам. В то же время мы с начала июля произвели ряд налетов на суда, стоявшие в Киле, Вильгельмсхафене, Куксхафене, Бремене и Эмдене; такие же налеты были произведены на мелкие суда и бар-

жи, стоявшие во французских портах и бельгийских каналах. Когда 1 сентября отплыла на юг первая большая партия судов, предназначенных для вторжения, то британская авиация неотступно следовала за ней и неоднократно атаковала ее на всем ее пути от Антверпена до Гавра. Германский морской штаб доносил: «Неприятель настойчиво укрепляет свои берега, посылает свою бомбардировочную авиацию в порты, где происходит погрузка «Морского льва», и ведет усиленную воздушную разведку вдоль своих берегов. Это указывает на то, что он ожидает теперь немедленной высадки».

И далее: «Однако английские бомбардировщики и отряды британской авиации по установке подводных мин... все время работают на полный ход, и надо признать, что деятельность британских сил была безусловно успешна, даже если им и не удалось поставить решающих помех движению германского транспорта».

Несмотря на все задержки и помехи, германское морское ведомство все же выполнило первую часть своей задачи. Предусмотренные 10% «скидки» на непредвиденные случайности и потери были, конечно, полностью израсходованы. Однако то, что было достигнуто, вполне отвечало намеченному в плане, как первая стадия операции.

Теперь германский флот и армия возложили всё бремя на свою авиацию. Весь успех этого плана — коридора с минными полями по бокам, лежащего под покровом и защитой германского воздушного флота, который должен был уравновесить подавляющее обилие британских морских сил, — зависел целиком от поражения британского воздушного флота и от перехода господства в воздухе в руки Германии — не только над Ламаншем, но и над всей юго-восточной Англией. Вся ответственность, лежавшая

раньше на армии и флоте, падала теперь на плечи рейхсмаршала Гёринга.

Гёринг охотно принимал на себя эту ответственность, ибо он верил, что германские воздушные силы при своем численном превосходстве через несколько недель, проведенных в упорных боях, одолеют британскую воздушную оборону, разобьют аэродромы в Кенте и Соссексе и установят свое полное господство над Ламаншем. Но помимо этого он был уверен, что бомбардировка Англии, и в частности Лондона, приведет вырождающуюся миролюбивую Британию в такое состояние, что она будет умолять о мире, особенно если угроза вторжения будет все время висеть на горизонте. Германское Адмиралтейство в этом вовсе не было убеждено; наоборот, у него было глубокое недоверие. Оно считало, что «Морской лев» должен был быть пущен в ход лишь в крайнем случае: в июле оно рекомендовало отложить операцию на весну 1941, если широкое применение налетов и неограниченная подводная война не «принудят неприятеля подчиниться всем условиям Фюрера». Но фельдмаршал Кайтель и генерал Иодль были рады, видя уверенность Верховного Командующего авиацией.

Это были славные дни нацистской Германии. Гитлер плясал джигу от радости, что он так унизил Францию перемирием в Компьенн. Германская армия прошла в Париже триумфальным маршем под Триумфальной аркой и до Елисейских полей. Для нее не было уже ничего невозможного. Зачем останавливаться, когда так везёт? И вот армия, флот и авиация взялись за операцию «Морской лев», каждый разработал свои наиболее выигрышные функции, предоставив все трудности своим коллегам.

По мере того, как дни проходили, сомнения и препятствия возникали и множились. 16 июля Гитлер приказал, чтобы все приготовления были закончены к середине августа. Армия, флот и авиация видели, что

это невозможно. И в конце июля Гитлер назначил 15-е сентября, как ближайший возможный «Д-день»*), оставляя за собой окончательное решение до того момента, когда выяснятся результаты намеченной большой битвы в воздухе.

30 августа морской штаб сообщил, что благодаря британским контрмерам подготовка флота не может быть закончена к 15 сентября. По его просьбе «Д-день» был перенесен на 21 сентября с оговоркой, что этот срок может быть изменен за 10 дней заранее, то есть новый срок должен быть объявлен 11 сентября. Но 10 сентября морской штаб снова заявил о препятствиях: неблагоприятной погоде и о британской контрбombeжке. Он указал, что хотя необходимые морские приготовления могли бы фактически быть закончены к 21 сентября, но необходимое для проведения операции условие — беспорочное господство над Ламаншем — еще не достигнуто. Поэтому 11 сентября Гитлер отложил предварительный приказ на 3 дня, перенеся таким образом ближайший «Д-день» на 24-е сентября; 14-го сентября он отложил его еще раз.

**
*

14 сентября адмирал Рэдер изложил дело так:

«1. Настоящее состояние погоды не обеспечивает условий, необходимых для проведения операции, так что риск все еще слишком велик.

2. Если операция «Морской лев» окончится неудачей, то это будет огромным успехом Англии; таким образом наши предыдущие достижения будут сведены на нет.

3. Воздушные атаки на Англию, в частности на Лондон, должны продолжаться без перерыва. При благоприятной погоде надо стремиться усиливать атаки, помимо «Морского льва». Атаки должны иметь решающий результат.

*) Английское: D-Day — начало операции, день, держащийся в тайне.

4. Однако «Морской лев» еще не отменяется, так как тревога англичан не должна прекращаться; если бы отмена стала известной заграницей, это было бы громадным облегчением для англичан.»

17 сентября отсрочка стала неопределенной, как для нас, так и для противников. Рэдер продолжает:

«А. Приготовления к высадке на берегах Ламанша хорошо известны неприятелю, который все энергичнее принимает меры обороны. Доказательством тому служит усиленная деятельность его воздушных сил — разведочные и боевые полеты над германскими гаванями, частое появление британских истребителей над южным побережьем Англии, в Па-де-Калэ и над франко-бельгийским побережьем, крейсирование неприятельских сторожевых судов вдоль северного берега Франции, последняя речь Черчилля и т.д.

Б. Главные единицы британского военного флота держатся наготове для отражения попытки высадки, хотя большая часть флота все еще находится в западных базах.

В. Уже большое число британских эскадренных миноносцев-истребителей (более тридцати) было нашей воздушной разведкой обнаружено в южных и юго-восточных гаванях.

Г. Все полученные сообщения говорят о том, что неприятельские морские силы заняты исключительно на этом театре военных действий.»

**
*

В течение августа около 40 трупов германских солдат было выброшено морем в различных пунктах побережья между островом Уайт и Корнуолом. Немцы часто плавали в баржах и баркасах вдоль французских берегов. Некоторые из этих барж уходили в море от бомб британских летчиков и были потоплены — бомбами или бурей. Отсюда пошли и широко разнеслись слухи, будто немцы делали попытку высадки и понесли тяжелые потери; часть их якобы утонула, а часть была сожжена англичанами при помощи нефти, пылающей на поверхности моря. Мы не делали шагов

к опровержению этих сказок, которые свободно передавались в оккупированных землях, принимая порой самые фантастические формы, и очень способствовали поддержанию духа угнетенного населения. В Брюсселе, например, магазины выставляли мужские купальные костюмы под маркой «для пловцов в Ламанше».

7 сентября, по нашей информации, было обнаружено в Немецком море усиленное движение барж и мелких судов в юго-западном направлении, к портам, лежащим между Остенде и Гавром; и так как все тамошние гавани были под жестоким обстрелом британской авиации, то всем этим судам трудно было добраться туда заранее, до назначенного выступления. Ударная сила германской авиации между Амстердамом и Брестом была подкреплена присылкой 160 бомбардировщиков из Норвегии; и отряды германских пикировщиков «Штука» были замечены на передовых аэродромах в районе Па-де-Калэ. Четыре немца, представшие на днях на гребной лодке к юго-восточному берегу Англии и захваченные в плен, признались, что они шпионы и сказали, что их задание было в течение следующих двух недель сообщать о движении британских резервных частей в районе Ипсвич-Лондон-Рэдинг-Оксфорд. Условия луны и приливов между 8 и 10-м сентября были благоприятны на юго-восточном берегу. Из этого начальники штабов заключили, что возможность близкого вторжения стала актуальной, и что наши оборонные силы должны быть наготове.

Однако в то время у нас не было того механизма при Главной Квартире войск метрополии, при помощи которого приказ армии о готовности к выступлению через 8 часов мог при посредстве промежуточных инстанций привести к действительной «готовности к немедленному действию». Условленный пароль «Кромвел» — что означало; «вторжение надвигает-

ся» — был поэтому отдан Главным Командованием войск метрополии 7-го сентября в 8 ч. вечера командованию южного и восточного секторов, что означало приведение передовых дивизий на побережье в состояние боевой готовности. Пароль был переслан всем частям Лондонского округа и 4-му и 7-му корпусам общего резерва Генеральной Главной Квартиры. Он был также передан для информации во все остальные военные округа Соединенного Королевства. После этого в некоторых частях страны командиры Ополчения уже по собственной инициативе созывали в своих районах Ополчение звоном в церковные колокола. Это вызвало слухи о спуске неприятельских парашютистов и о том, что германские торпедные лодки приближаются к берегам Англии. Ни я, ни начальники штабов не были уведомлены о том, что решающее слово-пароль «Кромвел» было пущено в ход. На следующее утро было отдано распоряжение: изобрести сигналы для постепенного усиления бдительности в дальнейшем, не прибегая к объявлению о близящемся вторжении. Даже по получении пароля «Кромвел» Ополчение не должно призываться, за исключением случаев специальных задач; церковные колокола могли звонить только по распоряжению Ополчения, и только в случае действительного спуска не менее 25 парашютистов, а не на основании слухов, услышанного звона соседних церквей и т. под. Как легко себе представить, этот инцидент вызвал большой переполох, но ни одного намека на него не появилось ни в печати, ни в Парламенте. Он послужил полезным уроком и предостережением для всех, кто имел к этому отношение.

**
*

. Проследив германские приготовления к вторжению во всех их стадиях, мы можем видеть, как пер-

воначальное настроение триумфа постепенно заменялось сомнением и закончилось полной потерей уверенности в успехе. Уверенность была фактически утрачена уже в 1940 и, несмотря на возобновление проекта в 1941, он уже никогда так не владел умами и воображением вождей Германии, как в дни, последовавшие за падением Франции. В течение решающих месяцев — июля и августа — командующий флотом адмирал Рэдер пытался, как мы видели, убедить своих коллег в огромных трудностях, связанных с ведением «большой» войны в трех стихиях — на суше, на море и в воздухе. Он отдавал себе отчет в собственной слабости, в недостатке времени для серьезной подготовки и пытался ввести в разумные границы те грандиозные планы, которые выдвигал Гальдер: одновременную высадку громадных сил на широком фронте. В то же время Гёринг в высокопарном тоне обещал достигнуть полной победы одной своей авиацией и вовсе не собирался играть скромную роль участника в разработке плана подавления морских и воздушных сил противника в зоне вторжения.

Как видно из протокольных записей, германское Верховное Командование далеко не было согласованным органом, работающим сообща, с единой целью и с надлежащим пониманием способностей и недостатков друг друга. Каждому хотелось быть самой блестящей звездой в этом созвездии. Трения были очевидны с самого начала и, пока Гальдер мог перекладывать всю ответственность на Рэдера, он мало заботился о том, чтобы согласовать свои собственные планы с практическими возможностями. Вмешательство Фюрера было необходимо, но повидимому оно мало содействовало улучшению отношений между тремя начальниками. В Германии престиж армии был на недосягаемой высоте, и ее начальники смотрели на своих морских коллег несколько сверху вниз. Трудно удержаться от заключения, что германская

армия не склонна была уступить флоту первое место в столь крупной операции. Когда генералу Иодлю по окончании войны задали вопрос об этих планах, он отвечал нетерпеливо: «Наши планы были почти те же самые, что у Юлия Цезаря». Тут сказывается подлинное отношение германского солдата к морскому делу: непонимание проблем, связанных с высадкой и развертыванием крупных военных сил на обороняемом берегу, открытом для всех невзгод и опасностей моря.

В Великобритании, несмотря на все наши недостатки, мы знали морское дело досконально. За долгие века оно вошло в нашу плоть и кровь, и его традиции живут не только в наших морях, но и в целой расе. Вот что прежде всего заставляло нас следить за угрозой вторжения с пристальным вниманием. Система контроля вражеских операций, осуществляемого тремя начальниками штабов совместно с министром обороны, создала стандарт общей работы, рабочего аппарата, взаимного понимания и добровольного сотрудничества, без элемента соперничества. Когда с течением времени мы имели возможность сами предпринять крупное вторжение с моря, то оно было построено на солидном фундаменте, на долгой подготовке и на полном понимании технических проблем этого гигантского и рискованного предприятия. Если бы даже немцы в 1940 году обладали испытанными войсками и всем необходимым техническим аппаратом для комбинированной войны на суше и на море, то все же у них было бы очень мало шансов на победу ввиду нашей силы на море и в воздухе. На самом же деле у них не было ни технического оборудования, ни опыта.



Мы видели, как наша тревога и наши сомнения мало-помалу рассеивались, и то чувство уверенности

в себе, с каким мы с самого начала смотрели на германский проект вторжения, с каждым днем все укреплялось. С другой стороны, чем ближе германское Верховное Командование и сам Фюрер вглядывались в свою затею, тем меньше она им нравилась. Мы, конечно, не могли знать взглядов, настроений и оценок наших противников, но это факт, что с каждой неделей, начиная с середины июля вплоть до середины сентября, взгляды на проблему вторжения германского и британского адмиралтейств, германского Верховного Командования и британских начальников штабов и наконец Фюрера и автора этой книги неведомо для нас самих сходились все ближе и ближе, достигая полной тождественности. Если бы мы могли также хорошо сойтись во взглядах и в других проблемах, то не нужно было бы никакой войны. Конечно, у нас был один общий основной положительный взгляд: что всё зависит от войны в воздухе. Вопрос был лишь в том, в чью пользу закончится эта война; кроме того, немцам было важно знать: выдержит ли народ Великобритании германские налёты — действие которых было в те дни сильно преувеличено — или его дух будет сломлен и вооруженные силы Его Величества капитулируют. В этом пункте у маршала Гёринга были большие надежды, а у нас не было никакого страха.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Национальная коалиция	11
2. Битва за Францию. Гамелен.	39
3. Битва за Францию. Вейган.	65
4. Марш к морю	87
5. Эвакуация Дюнкерка	113
6. Погоня за добычей	134
7. Назад во Францию	155
8. Оборона Великобритании	179
9. Агония Франции	197
10. Перемирие в Бордо	219
11. Адмирал Дарлан и французский флот. Оран	248
12. Аппарат контрнаступления	270
13. В осаде	285
14. Проблема вторжения	310
15. Операция «Морской лев»	333

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

Цена \$2.75